

ЕРВАНД МАРГАРЯН

НА РАЗЛОМАХ МИРОСИСТЕМ
ИЗ ИСТОРИИ КОНТАКТНЫХ ЗОН
ПЕРЕДНЕАЗИАТСКОГО РЕГИОНА

9H
M-52
h

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ԵՐՎԱՆԴ ՀՐԱՆՏԻ ՄԱՐԳԱՐՅԱՆ

ԱՇԽԱՐՀ-ՀԱՄԱԿԱՐԳԵՐԻ ԲԵԿՄԱՆ ԳԾԵՐԻ
ՎՐԱ ԱՌԱՋԱՎՈՐ ԱՍԻԱՅԻ ՇՓՄԱՆ
ԳՈՏԻՆԵՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԻՑ

85458

ՊԱՏՄԱԿԱՆ ԱԿՆԱՐԿՆԵՐ

ԳԻՐԹ Ա

ԵՐԵՎԱՆ - 2023

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF ARMENIA
INSTITUTE OF HISTORY

YERVAND H. MARGARYAN

ON THE FRACTURES
OF THE WORLD-SYSTEMS FROM THE
HISTORY OF THE NEAR EAST RIMLANDS

HISTORICAL OUTLINE

BOOK I

YEREVAN - 2023

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ЕРВАНД ГРАНТОВИЧ МАРГАРЯН

НА РАЗЛОМАХ МИРОСИСТЕМ
ИЗ ИСТОРИИ КОНТАКТНЫХ ЗОН
ПЕРЕДНЕАЗИАТСКОГО РЕГИОНА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

КНИГА I

ЕРЕВАН - 2023

УДК 93/94
ББК 63
М 252

Утверждено к изданию ученым советом
Института истории НАН РА

Исследование осуществлено в Отделе всеобщей истории

Редактор: доктор исторических наук
Паламарчук Анастасия Андреевна

Маргарян Ерванд

М 252 На разломах миросистем: из истории контактных зон Перед неазиатского региона: Исторические очерки / Е.Г. Маргарян. – Ер.: Институт истории НАН РА, 2023. Книга I.– 334 с.

Исследование посвящено Евфратской контактной зоне в древности и в средние века. Евфратское порубежье находится одновременно на перекрёстке нескольких миросистем и нескольких цивилизаций. Поэтому еще с архаических времён в этом месте и вокруг него происходили непрерывающиеся столкновения между мирами и империями, что накладывало отпечаток на жизнь этого небольшого, но густонаселённого субрегиона. Начиная со II тысячелетия Евфратский разлом был яблоком раздора между империями, из-за чего частями оказывался в составе различных миросистем и цивилизаций – так называемых *Номосов*, но несмотря на разорванность этот регион сохранял культурное, религиозное и экономическое единство и внутреннюю ментальную цельность. Часть жителей разлома, при этом, служила верой и правдой имперским властям, другая находилась в ярко выраженной оппозиции метрополии. Эти, возникающие на периферии миросистем, мостовые культуры, а иногда и целые субцивилизации всё ещё остаются недооценёнными и мало изученными.

Работа является первой из трех книг автора, посвящённой данной тематике. Работа предназначена историкам, политологам, специалистам, интересующимся теоретическими вопросами античной истории, преподавателям вузов, учителям средних школ, аспирантам, студентам, а также лицам, интересующимся древней историей и культурой.

УДК 93/94
ББК 63

ISBN 978-9939-892-33-7

© Институт истории НАН РА, 2023

Оглавление

От редактора	7
От автора	9
<i>Очерк I.</i>	
<i>На стыке римского и восточноэллинистического цивилизационных «номосов»</i>	11
1. Контактная зона. Ядро и периферия	12
2. Лимес как контактная зона	22
3. Митра как главный охранитель института гостеприимства на восточном Лимесе	51
<i>Очерк II.</i>	
<i>Восточносредиземноморский фронтир. Битва Левиафана и Бегемота</i>	58
1. Приступ	59
2. Первое издание каперского государства. Зеникет	75
3. Битва Бегемота и Левиафана. Гибель киликийского каперства	88
4. Второе издание каперского государства. Предтеча Cosa Nostra	109
5. Секст	116
<i>Очерк III.</i>	
<i>Лимитрофные эллинистические государства в гео-</i>	

<i>политически нестабильных пространствах римского мира. Софена и Коммагена</i>	138
1. Страна Коммагена. Историко-географический обзор .	139
2. Страна Коммагена в период Ахеменидского владычества и в эпоху эллинизма	142
3. Морфогенез династии Коммагенских Ервандянов. Противостояние Селевкидам и Великой Армении	145
4. Противостояние Риму и Парфии. <i>Race e guerra romana</i>	158
5. Падение царства. Граница римского мира	178
<i>Очерк IV.</i>	
<i>Приевфратский фронтир в византийскую эпоху. «Претерпевание» новой реальности</i>	
1. Новая империя – новая стратегия. Малая война	205
2. Акриты и апелаты	224
3. Традиция «малой войны» в Армении и Малой Азии .	244
4. Акриты vs имперские власти	249
Заключение	283
Библиография	286

От редактора

Представленное вашему вниманию исследование Е. Г. Маргаряна принадлежит сразу к двум значимым историографическим направлениям. Одно из них – фронтирные исследования, интерес к которым не ослабевает с момента возникновения концепции фронта в работах Ф. Дж. Тёрнера. Другое направление – это так называемый мир-системный анализ, у истоков которого стоит Ф. Бродель, а в современной науке продолжает И. Валлерстайн.

Однако принципиальная значимость данной монографии (первой из трех в планируемой серии) заключается в том, что периферия – в авторской формулировке «разлом мир-систем» – становится не просто основным объектом приложения исследовательских усилий (это мы наблюдаем и в «классических» фронтирных исследованиях), но исходной точкой конструируемой автором концептуальной перспективы. Контактная зона/фронтир, зачастую рассматривавшийся как пространство, структура которого складывается или определяется комбинацией и взаимодействием, часто конкурентным, элементов двух или более уже сложившихся культур или цивилизаций, определяет восприятие их в качестве производных, вторичных. Традиционный подход к изучению пограничных обществ и пространств позволяет сосредоточить внимание на динамике взаимодействия и последующих трансформаций, в которой пограничью отводится роль проводника, своеобразной адапти-

рующей среды. Соответственно, динамикой взаимодействия определяется и облик возникающих в контактных зонах идентичностей.

На страницах данной монографии мы увидим, насколько плодотворным может оказаться кардинально противоположный подход, при котором исходная и сохраняющаяся в долговременной перспективе этническая и религиозная специфика региона, который в определённых исторических условиях приобретёт характеристики контактной зоны, трактуется как фактор, определяющий и общие тенденции, и конкретные стратегии взаимодействия с соседствующими с ними обществами. Именно изначально присутствовавшая и в определённых объёмах устойчивая этнокультурная и этноконфессиональная самобытность различных групп, населявших контактные пространства позволяла связанным с ней акторам дискретно воздействовать на доминирующие в регионе цивилизации.

Книга Е. Г. Маргаряна не просто позволяет читателю, интересующемуся историей античного мира и средневековья открыть совершенно новые грани цивилизационных конфликтов этих эпох, но выполняет главную задачу любого исторического — да и в целом любого научного исследования: побуждает к критической оценке существующих стереотипов, проведению неожиданных аналогий и, в конечном счёте, к новому видению процессов, сущность которых казалась очевидной.

Доктор исторических наук
Анастасия Андреевна Паламарчук

От автора

Между цивилизациями и миросистемами издревле существуют трансляционные узлы, в науке известные также как зоны контакта или «мосты», вдоль которых традиционно проживали коренные этносы, обеспечивающие посредническую, медиационную роль между мир-экономиками и мир-империями. Иногда волею державных монархов из отдалённых мест на эти земли переселялись этнические воинские контингенты, следом за которыми тянулись родовые и племенные общины. В результате таких насильственных перемещений происходило вкрапление, а иногда и смешение туземного и пришлого населения, возникали новые общности людей и даже новые нации (древние и средневековые), цементируемые новыми религиозными системами или сектантскими доктринами. Периферии империй жили своей жизнью в своём особом мире, часто находясь в оппозиции метрополии. Эти, возникающие на периферии миросистем мостовые культуры, а иногда и целые субцивилизации всё ещё остаются недооценёнными и мало изученными. В этом нет ничего странного, огромные мир-империи, словно антарктические торосы затирают эти трансграничные культуры, словно «заклочая под стражу»¹, задерживая их развитие, вынуждая растрчивать свою Вирту (Virtù) на обслуживание интересов империй. В исторической перспективе империи своими гигантскими размерами также заслоняют собой

¹ Термин А. Тойнби.

и затеяют мостовые номосы, выдавая продукцию периферийных культур за достижения метрополии. Важнейшие достижения в военной, культурной, экономической и религиозной сферах как современники, так и историки более поздних эпох традиционно приписывают центру, метрополии. Это упрощает восприятие исторических эпох и укрепляет колониальный дискурс. Однако упрощение трактовок не всегда способствует адекватному восприятию места и роли трансграничных узлов. Поэтому история периферийных номосов сегодня нуждается в переосмыслении и представляет, с нашей точки зрения, больший интерес, нежели ядро и тем более полупериферийное пространство.

В этой работе мы рассматриваем некоторые особенности одного из таких трансграничных узлов названных нами Евфратский разлом.

ОЧЕРК I

НА СТЫКЕ РИМСКОГО И ВОСТОЧНОЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ «НОМОСОВ»

Картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картинки.

Мартин Хайдеггер

«Цивилизация» принадлежит к числу тех понятий научного и обыденного языка, которые не поддаются сколько-нибудь строгому и однозначному определению. Если попытаться

как-то объединить различные его значения, мы, очевидно, получим скорее некий интуитивный образ, чем логически выведенную категорию.

Г. Г. Дилигенский²

Когда я оказался на корабле, и, окружённый всеми, кто был на борту, важно сказать, сколь велико было их любопытство, и сколько вопросов один за другим было задано. Капитан корабля спросил меня, когда я покинул страну великанов. Даже он не хотел верить моим словам. Мало-помалу я убедил его, и как только капитан мне поверил, вдруг все поверили моим словам, особенно когда они заметили, что я кричал, когда хотел говорить с ними, чтобы они меня услышали так, как я это делал, когда был среди великанов.

Два путешествия Гулливера к лилипутам и великанам

1. Контактная зона. Ядро и периферия. Термин *контактная зона* в общественно-политических и социальных науках стал применяться сравнительно недавно. Этим, пожалуй, объясняется разночтение и расплывчатость формулировок в работах исследователей, которые используют этот термин в самых разнообразных контекстах. Чаще всего формулировка *контактная зона* употребляется в значении *погранзона, межсвая черта, буферная территория, лимитроф, интерфейс, кордон* и др. Концепция *контактной зоны*, безусловно, открывает новые возможности для понимания и трактовки многих исторических реалий древности, Средневековья и, само собой, наших дней. Однако произвольное использование этого термина

² Дилигенский Г. Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Цивилизации. М., 1993. Вып. 2. С. 44.

может лишь дискредитировать само понятие. Концепция *контактной* или *пограничной зоны*, пожалуй, может быть определена следующим образом: *зоны контакта* располагаются между двумя, реже – тремя или четырьмя *доменными зонами*³, каждая из которых имеет свой центр – *сверхгород* или согласно Валлерстайну, *ядро* и *периферии*. Ядро – это кластер наиболее развитых, *центральных* стран и регионов, задающих направление роста и эволюционирования *мир-системы* (World-System)⁴ и определяющих её ключевые параметры. *Периферия* (не всегда соотносимая с окраинами) состоит из стран и областей, занимающих маргинальное положение в системе, не играя в ней почти никакой роли. Более того, по мнению Валлерстайна, *периферия* деструктивна и часто оказывает негативное воздействие на развитие *мир-системы*. Наряду с этим определённое место в валлерстайновской *мир-системе* занимает так называемая *полупериферия*, находящаяся в промежуточном положении между «ядром» и *периферией*. Тем не менее, *полупериферия*, по Валлерстайну, оказывая некоторое влияние на жизнь *мир-системы*, не имеет самостоятельного значения и играет подчинённую роль по отношению к *ядру*.

Однако теоретические схемы Валлерстайна грешат упрощённым взглядом на историю. Даже поверхностный взгляд на мировую историю позволяет обнаружить слабые стороны валлерстайновской теории, где оценка *периферии* явно заниже-

³ В данном контексте этот математический термин нам показался вполне уместным. Любопытно, как термины перекочёвывают из исторического контекста в математический и обратно, наполняясь новыми смыслами нагрузками и метафорическим содержанием.

⁴ См.: Wallerstein I. 1) The Modern World-System. 3 vols. New York, 1974–1989; 2) World-System analysis. In A. Giddens & J. H. Turner, eds., Social Theory. Today. Cambridge, 1987. P. 309–324.

на, а роль *ядра*, напротив, переоценена. Анализ эмпирического материала показывает, что достигнув некоего предела, ядро постепенно утрачивает созидательные качества, становясь главной причиной системного кризиса всей *миросистемы*, следствием чего может стать крушение даже самой персистентной локальной цивилизации. В других случаях *миросистема* включает подспудные защитные механизмы, подающие импульсы для самообновления *ядра*. Как правило, эти импульсы поступают именно с периферии цивилизации⁵. В то время как ядро продолжает оставаться заложником традиционной ценностной системы, на периферии, в более пластичной и подвижной маргинальной среде, нарождаются и выкристаллизовываются узловые идеи и мировоззренческие парадигмы будущей эпохи, способные кардинально изменить архитектуру

⁵ Ибн-Хальдун, пожалуй, первым вывел закономерность о том, что самообновление цивилизации происходит под благотворным воздействием периферии. Впрочем, точно также, с периферии приходит и гибель цивилизации. Это, по Ибн Хальдуну, тоже является благом, если цивилизация утратила креативное начало и способность к самовоспроизводству. Погибшая цивилизация может удобрить почву для зарождения новой цивилизации (Ибн Хальдун. Книга назиданий и сборник начала и сообщения о днях арабов, персов и берберов и современных им обладателей высшей власти. Москва, 1990). О цивилизационной теории Ибн-Хальдуна см.: Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. Пер. с англ. Москва, 1992. С. 176; Баццеева С. М. Историко-социологический трактат Ибн Хальдуна «Мукаддима». Москва, 1965. С. 117; Смирнов А. В. Ибн Хальдун и его новая наука // Историко-философский ежегодник. 2008. № 2007. С. 159–186; Mahdi M. Ibn Khaldun's philosophy of history. London: Allen & Unwin, 1957; Григорян С. 1) Великие мыслители стран Арабского Востока. Москва, 1960; 2) Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. Москва, 1966; Кирабаев И. Социальная философия мусульманского Востока. Москва, 1987; Фролова Е. История средневековой арабо-исламской философии. Москва, 1995; Irwin R. Toynbee and Ibn Khaldun. Middle Eastern Studies. Iss. 33, 1997. P. 461–479.

миросистемы, в том числе и самого *ядра*. С этого момента именно *периферия* задаёт направление всей *мир-системе*, продуцирует её Вирту (*Virtù*)⁶, определяя её конструктивные особенности и жизненный ритм⁷. В первую очередь это относится к домоdernым эпохам.

Подобный взгляд на вещи даёт достаточно оснований для пересмотра роли *периферии* в периодических циклах глобальной *миросистемы*. При более пристальном рассмотрении вопроса, *периферия*, особенно погранзона, предстаёт своего рода лабораторией, где зарождаются, выкристаллизовываются и проходят апробацию новые цивилизационные парадигмы. В тех случаях, когда *ядро* оказывается достаточно гибким и восприимчивым к инновационным идеям, происходит обновление всей цивилизации, *в старые меха заливается новое вино*, по сути говоря, зарождается новый *номос*, стыдливо прикрываемый старым названием. Однако чаще, ядро, особенно его консервативная элита, сопротивляется модернизации со-

⁶ *Virtù*, итальянское слово, означающее «добродетель» или «силу», происходит от лат. *virtus* (букв. «мужественность»). Разрабатывая свою теорию о государстве Никколо Макиавели выдвинул концепцию о том, что, стремящийся иметь своё государство народ, и особенно его лидер, должны обладать особым боевым духом и способностями (*de Bruyn M. Machiavelli and the politics of virtù. Weinstein, Purdue University: <https://docs.lib.purdue.edu/dissertations/AAI3113789/>*). Дата обращения: 08.12.2022). В более широком значении термин означает большой набор характеристик, необходимых для поддержания государства и «достижения великих дел» (*Ullmann W. A History of Political Thought: The Middle Ages. London, 1965. P. 176; Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought: Volume 2, The Age of Reformation. Cambridge University Press, 1978; Mansfield H. C. Machiavelli's Virtue. Chicago, London, 1992*). Л. Гумилёв заимствовал эту макиавелиевскую концепцию, переименовав её в *пассионарность*.

⁷ Характерно, что «полупериферия», как всегда остаётся инертной и заглавной роли почти никогда не играет.

циума, не допуская встраивания новых институтов и ценностей взамен прежних. В таком случае неизбежно происходит смена *ядра*, которая из-за неспособности к самообновлению начинает перемещаться на окраину, поближе к источнику целеполагающих идей новой эпохи⁸.

Примером деактуализации ядра и его перемещения из центра на окраину может послужить классическая Греция, которая после походов Александра Великого навсегда превратилась в периферию античного мира, уступив доминирующую роль восточноэллинистическим монархиям. Другим, характерным примером является деградация Рима в период поздней империи, в III–IV вв. по Р. Х. Системный кризис был на время преодолён созданием тетрархии и последовавшим за этим перемещением цивилизационного ядра на эллинистический Восток, где образовалась Восточная Римская империя – новый тип цивилизации, прикрытый именем своей славной предтечи.

Такое смещение ядра, на первый взгляд кажущееся спонтанными и неожиданными, на самом деле закономерно и вполне предсказуемо. Дело в том, что ядро жёстко и консервативно, оно медленно реагирует на цивилизационные вызовы эпох. В противоположность этому, социально-политическая природа периферии в макросоциальных системах двойственна и подвижна, что делает её более чувствительной к новым цивилизационным парадигмам⁹.

⁸ См.: Shils E. Center and periphery: essays in macrosociology. Chicago, 1975; Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. Москва, 1972. С. 341–359.

⁹ С одной стороны, периферия подчиняется центру, с другой же – она может оказаться в состоянии воздействовать на него и даже заменить его, в крайнем случае, от него отделиться.

Особенно пластичными и манёвренными элементами любого социума являются отдельные группы маргиналов. Маргинальность обычно связывают с болезненными психологическими переживаниями и рассматривают как негативное явление. Однако такой подход слишком прост и страдает однобокостью. Есть несколько типов переходных прослоек: социомаргиналы, политические маргиналы, экономические маргиналы, биомаргиналы, этномаргиналы и религиозные маргиналы. Для нашего исследования представляют интерес лишь этнические и религиозные маргинальные группы (хотя было бы явным упрощением полагать, что маргинальные группы, как и другие феномены, можно где-либо встретить в чистом виде). Среди них мы выделяем две категории – косно-традиционалистскую и креативную. Малая часть маргиналов имеет местное происхождение, по большей же части – это чужестранцы, пристальцы. Первая группа пришельцев ведёт себя как инквизиция. Оказавшись в новом для себя обществе¹⁰, они долгое время, фактически, пребывают вне его, вне глубинных социальных связей и процессов. Психологическое состояние подобных маргиналов часто выражается в состоянии потери, отчаяния, ностальгии, иногда реакцией на это состояние становятся проявления безосновательной претенциозности и цинизма.

Вторая, креативная группа маргиналов неоднородна и делится, в свою очередь, на конвергентов (от позднелат. *convergo* – приближаюсь, схожусь) и дивергентов (от позднелат. *divergere* – обнаруживать расхождение). Конвергенты обладают значи-

¹⁰ Как правило в силу чрезвычайных обстоятельств, и нередко против своей воли.

тельными транзитивными и адаптивными способностями и стремятся максимально приспособиться к новым жизненным условиям, как можно быстрее натурализоваться в новом социуме, предоставляющем им больше возможностей для самореализации, чем, если бы они оставались в традиционно-консервативном поле. Свои отношения с принимающей стороной конвергенты строят по принципу комменсализма или паройкии. Благодаря гибкости (иногда граничащей с конформизмом), они становятся наиболее успешными и благополучными членами социума (что вызывает неоправданное раздражение у представителей титульного этноса) и через одно-два поколения вливаются в элиту нового общества¹¹.

Но есть ещё одна креативная прослойка этномаргиналов – это дивергенты, которые часто оказываются единственными поисковыми, инновационными элементами, продуцирующими новые идеи, на что в силу своей самодостаточности неспособны представители титульного этноса. Как было показано социологами и психологами, дивергенты способны сублимировать свои психологические переживания на создание новых ценностей и достижение высоких идей. Будучи бикультурантами или так называемыми «культурными гибридами»¹², они, осознанно или нет, берут на себя миссию медиаторов, мостовых элементов, между различными, иногда полярно далёкими

¹¹ Достаточно вспомнить российское дворянство, берущее начало от неславянских элементов: варягов, половцев, татар, поляков, литовцев, немцев, шведов, французов, грузин, армян и пр.

¹² О культурной гибридности подробнее см.: Stonequist E. V. *The Marginal man. A Study in personality and culture conflict*. N.Y., 1961; *Емченко Д. Г.* Культурная идентификация человека трансграничного региона // *Вестник челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2009/1 (17). С. 67–69.

культурами в таких традиционалистских, консервативных сообществах как мир-империи.

Характерно стремление части маргиналов не столько приспособиться к традиционным общественным институтам (в этом случае они бы просто перестали быть маргиналами), сколько к модифицированию существующих социальных структур. Именно они, благодаря своей пластичности, часто оказываются единственными поисковыми, инновационными элементами в консервативных традиционалистских сообществах. Маргиналы нередко становятся медиаторами между различными, иногда полярно далёкими культурами. Подобная пограничность делает маргиналов, пожалуй, единственным элементом, способным создавать на периферии новые цивилизационные ценности. Будучи элементами транзитивными и адаптивными, маргиналы оказываются особо эффективными именно в транзитивные эпохи, оттесняя на задний план косную элиту и становясь главными действующими лицами своего времени¹³.

Можно предположить, что одна из причин креативности дивергентов кроется в их инаковости, которая даёт возможность увидеть и осознать анахронизм значительной части традиционных ценностей как в той среде, откуда вышли они или их отцы, так и в новом окружении, куда их забросило волею судьбы. Американский социолог Р. Парк определением «маргинальный человек» обозначил «...такого субъекта, который

¹³ М. Вебер установил интересную закономерность: основателями большинства религий были маргиналы – лица, занимающие в социальной или культурной структуре промежуточное или окраинное положение. Будда (Сиддхаратха Гаутама Шакья Муни), Иисус Христос, Заратустра, Мохаммед порвали со своей «природной» социальной и религиозной средой.

появляется в то время и в том месте, где из конфликта рас и культур начинают появляться новые сообщества. Судьба обрекает этих людей на существование в двух мирах одновременно. Такой человек неизбежно становится индивидом с более широким горизонтом, более независимыми и рациональными взглядами»¹⁴. Дело в том, что титульный этнос воспринимает как данность и гордится прошлым своей державы, её цивилизационными наработками, даже если они давно превратились в анахронизм и тормоз для развития общества.

В отличие от титульного этноса, переходные элементы свободны от догм и клише и обладают возможностью выбора, достигаемого в результате перманентной аккультурации. «Именно аккультурация предполагает дву- или мультикультурность, которая осуществляется в результате усвоения новой культуры в добавление к первоначальной и определяется как процесс взаимовлияния культур, восприятия одним народом, этносом (полностью или частично) культуры другого. Этим аккультурация отличается от ассимиляции, которая допускает утрату культурной специфичности нации или этнической, профессиональной и какой-либо иной группы»¹⁵.

Типичным примером дивергентной креативности «периферии» можно считать маргинальную Палестину, в начале I тысячелетия породившую такую маргинальную религию, как христианство, определившее ход мировой истории на тысячелетия вперед. Аналогичным примером, безусловно, является

¹⁴ Парк Р. Культурный конфликт и маргинальный человек // Обществ. науки за рубежом. Социология. № 2. Москва, 1998. С. 296.

¹⁵ Емченко Д. Г. Культурная идентификация человека трансграничного региона // Вестник челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009/1 (17). С. 69.

ислам, сформировавшийся в далёкой Аравии, на окраине варварского и цивилизованного миров. Эта новая религиозно-этическая система смогла за короткий срок вытеснить зороастризм и стать доминирующей в большей части средневекового цивилизованного мира.

Не менее интересный пример являет собой павликианская ересь, в VII веке возникшая на границе между двумя враждебными мирами, Арабским халифатом и Византийской империей. Вылившись в мощное движение, эта ересь IX века едва не опрокинула Восточную Римскую империю. Характерно, что павликианская ересь образовалась, преимущественно в армянской среде, в той части миросистемы, по которой некогда проходила граница *Pax Romana* и *Pax Iranica*. Именно здесь, в Западной Армении, Коммагене и Понте, некогда зародился митраизм, распространившийся по всей территории необъятной Римской империи. Конечно, это не было совпадением: с одной стороны павликианская ересь образовалась под сильным влиянием древних местных и иранских культов, в рудиментарной форме сохранившихся среди населения этих стран, с другой – это было обусловлено пограничным положением этих стран и областей. Не следует забывать и о традиционном маргинальном характере местного населения, не принадлежавшего ни к одному из миров и, вместе с тем, бывшего их неотъемлемой и составной частью.

Все эти обстоятельства делают валлерстайновскую теорию «ядра» и «периферии» паллиативной и уязвимой для критики. Для преодоления этой незаконченности нам пришлось допол-

нить её наработками А. Тойнби¹⁶, Ф. Бэбби¹⁷ и К. Квигли¹⁸, в противоположность И. Валлерстайну утверждавших, что зарождение новых цивилизаций происходит, как правило, не в недрах старой цивилизации, а на её границе, в условиях длительного взаимодействия двух и более культур. В результате такого взаимодействия происходят на первый взгляд незаметные тектонические сдвиги, завершающиеся спонтанным взрывом, в результате которого ядро и периферия меняются местами. Однако подобная трансформация совсем необязательна и из многих десятков случаев лишь один может оказаться прорывным и плодотворным в цивилизационном аспекте. Особым случаем в истории цивилизационного синтеза выступает культура с двумя ядерными образованиями или же с неустоявшимся, антиномичным ядром, через которое может пройти раскол.

2. Лимес как контактная зона. Цивилизация – понятие многомерное и может проявляться, по меньшей мере, на двух уровнях – темпоральном (пространственно-временном) и духовном (ΝΟΜΟΣ¹⁹, ΡΑΧ²⁰). Однако эти уровни далеко не всег-

¹⁶ А. Тойнби принадлежит концепция «форпостов» и «тылов» (Тойнби А. Постигание истории. Москва, 1991. С. 120–142), а также «закон компенсации» (там же.: С. 147–150).

¹⁷ Bagby Ph. Culture and History: Prolegomena to the Comparative Study of Civilization. Westport Conn., 1976. P. 176–177.

¹⁸ Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis. Indianapolis. New York, 1961 (2nd ed. 1979).

¹⁹ В данном случае Номос следует, прежде всего, понимать как цивилизационную парадигму, мироустройство. В Новейшее время первым, в этом значении, термин «номос» употребил известный немецкий юрист и политический философ Карл Шмитт (1888–1985), по праву считающийся «отцом» геополитики. В своей теории «больших пространств» (Grossraum) он весьма образно описал агон двух взаимоисключающих «номосов» – «номоса» Земли и «номоса» Моря. Этот агон, по его мнению, определил характер всей современной эпохи.

да аутентичны и, при наложении, часто не совпадают. Между двумя или несколькими цивилизациями, а также между цивилизацией и так называемым варварским миром имеется чётко обозначенная погранзона, порубежье. В отдельных случаях погранзона призвана служить непроницаемым кордоном между абсолютно враждебными цивилизациями и сообществами (Китайская стена, Линия Мажино, Линия Маннергейма, Железный занавес, разделявший СССР и его сателлитов, с одной стороны, и страны Западной Европы – с другой и пр.), в других же случаях выступать в роли зоны контакта. Контакторами могут выступать две и более цивилизации, либо цивилизация и «варварская стихия». Характерным примером такой контактной зоны можно считать почти сплошную цепь северозлинистических городов-государств, опоясывающих Западное, Северное и Восточное Причерноморье. Как известно, эти полисы выполняли медиационную роль между фрако-фригийскими, скифскими, нахскими и картвельскими племенами, с одной стороны, и греческими колонистами Северного и Западного Причерноморья – с другой. Другим характерным примером зоны контакта, безусловно, является римский лимес²¹. Самые

²⁰ Рах (лат.) – мир, закон, мироустройство.

²¹ Лимес (лат. limes – межа, предел) – граница между отдельными участками земли, отведенная для граждан общины. В период Римской империи лимесом называлась укрепленная граница государства, укрепленный рубеж (вал, стена) со сторожевыми башнями, которые охранялись легионерами. В систему лимеса входила сеть благоустроенных дорог, военных лагерей и сигнальных постов. Строительство лимесов было начато при императоре Августе, особенно заботились о его расширении и укреплении императоры Домициан, Траян и Адриан. В результате образовалась целая оборонная система из крупных военных лагерей (castra) меньшего размера (castellum) и укрепленных сторожевых башен (burgess). Лимес служил Рим-

известные участки лимеса – Верхнегерманско-ретийский лимес, протяжённостью в 550 км и Вал Адриана в Великобритании. Остатки лимеса сохранились до наших дней на территории Шотландии, в районах Рейна и Дуная, а также в западной части Северной Африки²². Через лимес осуществлялись контакты, как между западной и восточной цивилизациями, так и между цивилизацией и варварской стихией²³. Впрочем лимес был не просто границей – эта непрерывная стена была, прежде всего, символом силы и могущества империи, водоразделом между *Pax Romana* и остальным миром.

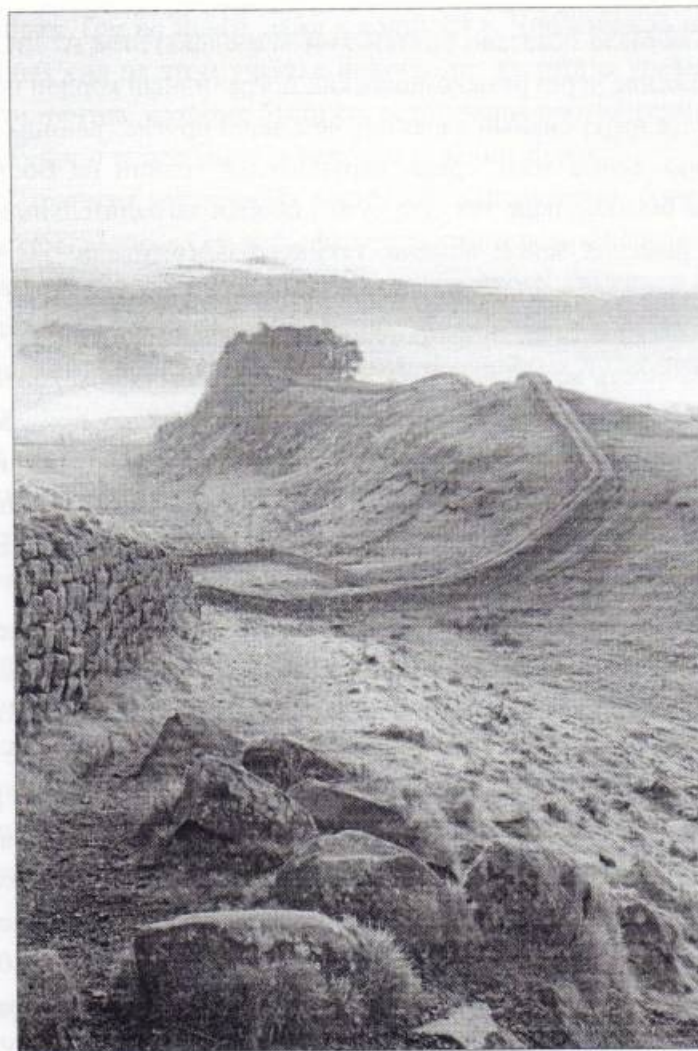
Особое место в оборонительной системе Рима занимал Приевфратский лимес, расположенный на восточном рубеже империи. Он во многом отличался от лимесов в Западной Европе и Северной Африке, так как служил водоразделом не между цивилизованным и варварскими мирами, а между двумя враждебными, но в чем-то сходными цивилизациями²⁴. Именно этим обстоятельством была обусловлена большая прозрачность границ между империей и заевфратскими странами.

ской империи как защитное сооружение и как средство таможенного контроля. На проходных пунктах велась торговля с «внешним миром».

²² Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / Науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск, 2001.

²³ Колосовская Ю. К. Рим и мир племен на Дунае I–IV в. н. э. Москва, 2000. С. 158–185.

²⁴ Gray E. W. The Roman Eastern limes from Constantine to Justinian – Perspectives and Problems. Proceedings of the African Classical Association 12, 1973, 24–40; Invernizzi A. Kifrin and the Euphrates Limes. In: Defence of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986, ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy, BAR int. Ser. 297, Oxford, 1986. P. 357–381.

Адрианов вал*

* Источник: <https://masterok.livejournal.com/1156052.html> Дата обращения: 08.01.2023.

Как было показано британским исследователем А. Ли, передвижение через римско-иранский пограничный кордон носило более интенсивный характер, чем через другие границы *Rex Romana*. Более того, среди нарушителей границ на Востоке всегда было больше тех, кто сумел обойти заградительные отряды римских войск, нежели, тех, кого задерживали²⁵. С учётом, того, что граница империи в Британии, Германии и на Дунае была практически непроницаема, нетрудно догадаться, что прозрачность восточных рубежей империи была обусловлена, прежде всего тем, что римские погранвойска не придавали большого значения несанкционированному передвижению частных лиц и даже больших групп людей через восточный лимес, если только это не были бандформирования или соединения вражеской армии.

И, тем не менее, на протяжении столетий напряжение на этом участке периметра границы империи постоянно возрастало. Это хорошо демонстрирует динамика роста численности вооруженных сил на восточных рубежах. Так, при Августе количество легионов здесь возросло с двух до трёх, при Тиберии – до четырёх, при Веспасиане их уже было шесть, при Траяне – семь, восемь – при Антонине Пие, десять – при Каракалле и двенадцать – при Аврелиане. В общей сложности численность личного состава возросла приблизительно в пять раз, с 30-ти до 150-ти тысяч²⁶. Такое возрастание прямо противоположно тому процессу, который наблюдался на большей части других

²⁵ Lee A. D. Information and frontiers: Roman foreign relations in late antiquity. / Chapter 2, "At the Interface: the Frontier Regions". Cambridge, 1993. P. 49–78.

²⁶ Ле Бозк Я. Стратегия римской армии. Постоянный лагерь / Римская армия эпохи Ранней Империи. Перевод: М. Н. Челинцева. Москва, 2001.

фронтов. Тем не менее, даже к концу III в. Численность вооруженных сил на этом участке никогда не достигала уровня тех контингентов, которые были сосредоточены против германцев – за Рейном и, особенно, в верхнем течении Дуная²⁷.

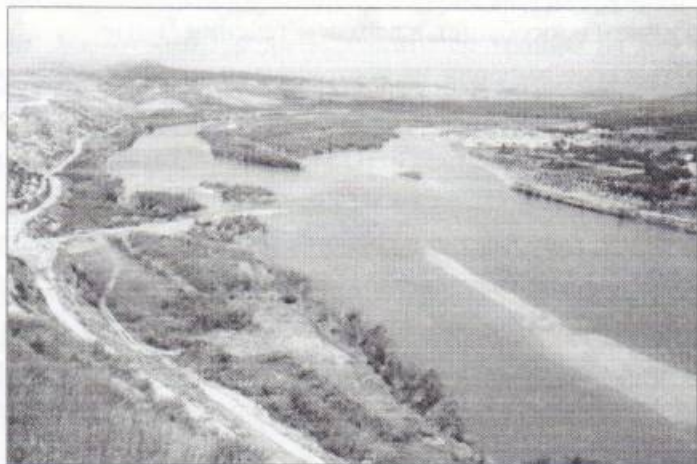
Стратегия империи на восточном направлении, более чем где-либо, зависела от рельефа местности и человеческого фактора²⁸. К северо-востоку от Приевфратского лимеса, в горах было расположено царство Великая Армения, третье по величине и силе государство в регионе, после Рима и Парфии. Это эллинистическое государство со славным прошлым, управляемое династиями из дома Аршакидов, традиционно проводило политику «третьей силы», балансируя между двумя самыми могущественными державами древнего мира. Хотя со времён Помпея Армения была «другом и союзником римского народа», зная страны периодически устраивала антиимперские демарши, изгоняя проримски настроенных правителей, тем самым демонстрируя свою приверженность к восточноэллинистическим ценностям. Это принуждало империю постоянно держать в подконтрольном римлянам Алдзнике и Цопке (под Аршамашатом) два так называемых Армянских легиона (*Legio Armeniaca Prima*²⁹ и *Legio Armeniaca Secunda*³⁰). Позднее, на

²⁷ Там же.

²⁸ Isaac B. The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxford, 1990; Dodgeon M. H., Lieu N. S. The Roman Eastern frontier and the Persian wars: a documentary history. [Pt. I], AD 22–363. London [etc.]: Routledge 1991; Greatrex G., Lieu S. The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars: [Pt. II], AD 363–630: a narrative sourcebook. London, 2002; Sartre M. The Middle East under Rome. Cambridge MA/London, 2005. P. 20–28.

²⁹ История этого легиона была недолгой. Как можно заключить из *Notitia Dignitatum* он был сформирован во II–III вв. по Р. Х. Легион принял самое активное участие в Персидской кампании Юлиана Отступника. Однако, после заключения Иовианом «Постыдного» договора от 363 г., по-

закате Римской империи, эти легионы стали комплектоваться преимущественно из армян.

Евфрат в районе Зевгмы, где находилась переправа с римского на парфянский берег реки⁷

несший большие потери Первый Армянский легион был расформирован, отдельные его подразделения были отданы в ведение других легионов римской армии.

³⁰ Упоминается в *Notitia Dignitatum*. Был образован на рубеже III–IV вв. по Р. Х. Местом постоянной дислокации был город Сатала. Впервые упоминается в 360 г., в составе гарнизона крепости Безабда, в верхнем течении реки Тигр, где он проходил службу с легионами II Parthica и II Flavia. В 390 г. Безабда была захвачена персами, которые учинили страшную резню среди жителей гарнизонного городка. Однако, как видно из источников, легион выстоял и даже сохранил орла, на что указывает упоминание этого войскового соединения в *Notitia Dignitatum*, относящегося, как известно к V в. (любой легион, потерявший орла, немедленно расформировывался, а солдаты и, особенно, офицеры подлежали суровому наказанию). Очевидно позднее, в VI–VII вв., Второй Армянский легион всё же был расформирован и влился в другие воинские соединения Восточной Римской империи. Во всяком случае, в поздних источниках о нём нет никаких упоминаний.

(Источник: *The Frontiers of the Roman Empire: a thematic study and proposed World Heritage nomination Strategy* / Ed. R. Ployer, M. Polak, R.

Южная часть лимеса проходила по пустыне, отделявшей Палестину, Сирию и Финикию, между которыми был расположен караванный город Пальмира, контролирующий все гражданские и военные контакты этого региона³¹. Не имея возможности для организации лимеса по всей длине Евфрата, римляне расположили свои легионы в самых уязвимых и стратегически наиболее важных районах³². Поскольку здесь никогда не существовало чётко обозначенной оборонительной линии, вроде Адрианова вала, главная ось этой военной организации представляла собой сеть лагерей, расположенных вдоль дорог, приблизительно в одном дне пути друг от друга. Даже самый большой лагерь насчитывал не более трех легионов одновременно³³. Так, в превращённой ещё в 17 г. в римскую провинцию малоазийской стране Каппадокии были расквартированы

Schmidt. Vienna, 2017. P. 119) Источник: <http://surl.li/epduq> Дата обращения: 08.01.2023

³¹ Parker S. *The Roman Frontier in Central Jordan. Interim Report on the Limes Arabicus Project, 1980–1985*. BAR International Series, 340. Oxford, 1987; Keith G. Young. *Rome's eastern trade: international commerce and imperial policy, 31 BC-AD 305*. London, New York, 2001. P. 169–173, 223, 224; Dr. McLaughlin R. *Rome Distant East: Trade Routes to the Ancient Lands of Arabia, India and China*. London & New York, 2010. P. 95–97; Graf D. *The Via Militaris and the Limes Arabicus*. In: *Roman Frontier Studies, 1995*; Gregory S. *Was There an Eastern Origin for the Design of Late Roman Fortifications?: Some Problems for Research on Forts of Rome's Eastern Frontier*. "The Roman Army in the East", ed. D. L. Kennedy. *Journal of Roman Archaeology Supplementary Series*, 18. Ann Arbor, MI: *Journal of Roman Archaeology*.

³² Wheeler E. L. *The Army and the Limes in the East. A Companion to the Roman Army*. Edited by Paul Erdkamp. Hoboken: Blackwheel Publishing Ltd., 2007. P. 235; Millar F. 1) *Emperors, frontiers and foreign relations, 31 BC to AD 378*. *Britannia*, 1982, 13, 1–23; 2) *The Roman near East. 31 BC–AD 337*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.

³³ *Ibid.* Chapter: Collapse and Reorganization: The Northern Theatre. P. 247.

два легиона: на юге, в Метилене – XII Молниеносный легион (Fulminata)³⁴, а на севере, в древней армянской крепости Сата-ла, на границе между Малой Арменией и Каппадокией были дислоцированы вначале XVI Флавиев, а затем XV Аполлонов легион.

В Сирии (в состав которой формально входили также Иудея, или Палестина) также было расквартировано несколько легионов. В Коммагене, недалеко от Самосаты, начиная со II в., расположился знаменитый XVI Флавиев легион. Эмеса служила местом размещения в течение двух первых веков нашей

³⁴ Legio XII Fulminata. В 62 г. он под командованием Корбулона на Евфрате противостоял царям Парфии и Армении – Вологесу и Тиридату. Однако легион так плохо себя зарекомендовал, что в том же году, вскоре после позорных событий у Рандеи Корбулон отослал его обратно в Сирию, подальше от театра боевых действий. Однако, когда вспыхнуло восстание евреев, Цестий Галл, легат Сирии, был вынужден взять с собой этот легион для усмирения мятежных городов. Успешно начавшаяся была экспедиция, закончилась катастрофой. Репутация легиона была такой плохой, что его старались не привлекать для проведения ответственных операций. Так, Веспасиан не решился его использовать в войне против евреев, хотя из-за больших потерь испытывал острый недостаток личного состава. Легион спокойно пребывал в своих казармах в Рафанаех, в то время как против зилотов отчаянно сражались коммагенские гоплиты, прозванные «македонцами». Только когда Тит принял на себя командование войском, дабы ускорить события, призвал в Иудею все силы, в том числе и XII легион. Мы знаем очень мало о его роли во время осады Иерусалима. После взятия города легион получил новое назначение: Тит послал его на границу с Арменией, в Мелитену, на Евфрат. Именно оттуда он отправился при Адриане в поход против аланов и при Марке Аврелии воевал против квадов. Легион оставался на берегах Евфрата во времена Диона, в эпоху Списка почётных должностей (Notitia Dignitatum, 395 г.) и вплоть до Юстиниана. Историки продолжают спорить о том, когда этот ненадежный легион получил прозвище Fulminata. Очевидно, очень давно, определенно до 65 года. На одной надписи начала III века можно прочесть и прозвище Certa Constans.

эры III Галльского легиона (Gallica)³⁵, который затем был направлен на юг Финикии; Лаодикея приняла VI легион Ferrata³⁶ в

³⁵ Legio III Gallica Символ: Бык (Телец). Это легион Антония, с которым он сражался против парфян. Вероятно, до этого он был дислоцирован в Сирии. История легиона практически неизвестна до 58 г., когда он был призван служить под командованием Корбулона и принимать участие в его походе против Армении. Солдаты именно этого легиона без сопротивления овладели столицей Армении Арташатом, а затем и Тигранакертом, заставив царя Тиридата, с десятитысячной конницей покинуть Армению. Перезимовав в Арташате, зимой 60 г. солдаты легиона разрушили «армянский Карфаген» и ушли на юг. В правление Нерона легион был переведён в Мёзию, однако его тыловые подразделения, возможно, оставались в Сирии. Там он отличился в столкновении с роксоланами. Когда разразилась гражданская война, он поддержал Отона и выступил против Вителлия. После гибели Отона легион перешёл на сторону Веспасиана, провозглашенного императором легионами Востока. В начале 70 г. легион вновь оказался в Сирии. Именно в это время Плиний Младший командовал им в качестве трибуна. Считают, что при Адриане легион был расквартирован в Финикии; там он был и при Марке Аврелии; оставался он там и впоследствии. При Элагабале его легат, Вер или Север, имел притязания на императорский титул и вовлек своих солдат в мятеж. Потерпев неудачу он был предан смерти. Что касается легиона, он был вычеркнут из списков легионов и его имя было сколото с памятников и почётных надписей. Часть его личного состава была тогда сослана в Африку, где была введена в состав легиона III Августова. Через несколько лет легион был реабилитирован. Упоминание о нём встречается при Аврелиане, во время войн против Зенобии. Именно тогда легион «прославился» разграблением храма Солнца в Пальмире. Согласно «Списку почётных должностей» (Notitia Dignitatum, 395 г.) для лагеря легиону было выделено местечко Данаба, между Дамаском и Пальмирой. На одной надписи из Испании он носит прозвище Felix.

³⁶ Legio VI Ferrata. Это легион Антония. Он всегда стоял лагерем в Сирии. Подразделения легиона приняли участие в Гражданской войне, переходя с одной стороны на другую. Позднее легион входил в состав экспедиционных сил и упоминается в разных кампаниях ведомых империей в отдаленных уголках империи. В 59 г. встречается новое упоминание об этом легионе. В это время Корбулон выступил против армян и парфян. В этот период история легиона совпадает с историей III Gallica. Когда наступил мир, он недолго наслаждался отдыхом. 67 год отмечен грозным восстанием евреев; отряд из легиона VI Ferrata вошёл в состав армии Цестия. После

I в. и II Траянов легион в начале II в.; в Кирре в эпоху Юлиев – Клавдиев находился X легион Fretensis³⁷ (образованный за

выступления Веспасиана он отправился вместе с Муцианом в Италию; но судьба Империи была решена при Кремоне до того, как он прибыл к месту назначения. В это время даки воспользовались гражданской войной, чтобы угрожать границам, ему было поручено сдерживать их, и его твёрдость заставила врагов уважать интересы Рима. После этого он воссоединился со своими тыловыми частями в Сирии. В четвёртый год правления Веспасиана Цезенний Пет повёл его в Коммагену и подчинил его силами эту страну. В эпоху Траяна он принял участие в походе этого императора против парфян. Он сражался против армян и парфян при Марке Аврелии и Л. Вере. В точности неизвестно, где находился его лагерь: некоторые источники упоминают Рафanei или Апамея. Возможно, что после Второй Иудейской войны (109/140 гг.) он был расквартирован в Палестине. На этом история легиона прекращается, в Списке почётных должностей (Notitia Dignitatum, 395 г.) он не упоминается. Он носил прозвище *Fidelis Constans*, которое встречается в надписях.

³⁷ Legio X Fretensis. Символ: Бык, кабан (галера). Моммзен утверждает, что легион сражался в Сицилийской войне против Секста Помпея и получил своё имя Fretensis, поскольку его лагерь в течение многих лет находился на побережье Fretum Siculum: именно поэтому некоторые резные памятники, относящиеся к этому легиону, носят изображение Нептуна или галеры. При Августе он был послан в Сирию. При Тиберии, в 18 г., его лагерь находился в Кирре. До 59 г. его история совпадает с историей VI Ferrata легиона. В этом году Корбулон повёл его против парфян и армян, откуда он вернулся в Кирру. После подавления восстания евреев в Александрии, объединившись с легионом V Macedonica, ему пришлось снова померяться с ними силой в самой их стране, Иудее. И в самом деле, Тит повёл его в 67 г. к своему отцу Веспасиану; легатом легиона был тогда Траян, будущий император. Он принял участие в большинстве значительных операций этой войны, пока Тит не повёл его осаждать Иерусалим; он разбил свой лагерь на Масличной горе. Он начал с того, что два раза отступил перед атаками евреев, но вскоре оправился и проявил выдающуюся доблесть во время штурма столицы Иудеи. Когда осада закончилась, легион оставался стоять лагерем у ворот Иерусалима. Оттуда он провёл ещё несколько операций, под командой Луцилия Басса против города Махера и под командой Флавия Сильвы против Масады. Но местом постоянной дислокации легиона всегда оставался Иерусалим, о чём свидетельствуют кирпичи с его штампом, найденные в окрестностях этого города, и надписи II и III веков

проливом), затем IV Скифский легион; К этим соединениям со времени Септимия Севера нужно прибавить I и III Парфянские легионы, равно как и многочисленные вспомогательные войска, в частности конницу (во время кризиса III в.), а также флот Сирии (*classis Syriaca*), сформированный со времён правления Флавиев или Траяна. В довершение Аврелиан размещает на юге Финикии I Иллирийский легион. Все эти войска должны были преимущественно контролировать броды, колодцы и мосты, весьма значимые с военной точки зрения, поэтому их охраняли многочисленные дозорные укрепления, часто простые башни, объединённые густой сетью дорог. Но по-настоящему эта стратегическая организация была доведена до совершенства только в эпоху Тетрархии, когда *strata Diocletiana* – дорога Дамаск – Пальмира – Зура оказалась полностью укреплена. Караванный город Пальмира, столь важный с военной точки зрения, составлял часть той же стратегической системы, хотя он пользовался определённой автономией³⁸ (на деле это был режим протектората), а Дура-Европос, где находилась одна когорта, служила аванпостом.

Известно также, что римляне, в немалой степени, были озабочены не только надёжностью лимеса, опоясывающего непосредственно империю, но и состоянием дел в подконтроль-

оттуда же. Именно из Иудеи, в правление Траяна, части этого легиона были направлены против парфян. Естественно, он принял большое участие в войне императора Адриана против евреев; на одной из надписей до нас дошло имя одного из его центурионов, получившего почётные награды за одержанные победы. Дион Кассий также помещает его в Палестине. Он там пребывал и во времена Списка почётных должностей (Notitia Dignitatum, 395 г.); его лагерь был в Айле (Эйлат, на Красном море).

³⁸ *Stoneman R. Palmyra and Its Empire: Zenobia's Revolt against Rome. Ann. Arbor: University of Michigan Press, 2003 (cop. 1992.).*

ной иранским правителям Северокавказской погранзоне, призванной защищать Переднюю Азию от непрерывных вторжений беспокойных горских и кочевых народов, обитавших на бескрайних просторах евразийских степей³⁹. Так, ещё со времён Помпея, римляне нередко брали на себя часть расходов по содержанию иранских гарнизонов, охраняющих Аланские ворота и Ворота чора⁴⁰ (напротив Дарубанд-Дербента)⁴¹.

**Колонна Траяна.
Варвары атакуют
римский лимес.
На помощь спешат
катафракты
союзников**

³⁹ Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. С.Петербург, 2009: 3-е изд. исправл. и доп. 432 с. («Orientalia»).

⁴⁰ В переводе Чора означает ущелье.

⁴¹ Дару банд означает закрытые, заколоченные ворота. Автор X века Масуди пишет: «Ануширван сделал эту стену выступающей на одну милю от берега в море, а с другой стороны протянул ее до вершин гор Кабк и сделал ее спускающейся в ущелья гор, продолжая ее до тех пор, пока не довел до укреплений по имени Табасаран. На каждых трех милях этой стены он сделал железные ворота и поселил там... народ, обязанный охранять эти ворота и соседнюю часть стены. Всё это служило для защиты от нападения народов, примыкающих к горам Кабк...» (Macoudi. Les Prairies d'or: Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1863. Т. II. P. 1–3).

Источник здесь и далее: <http://surl.li/epdvn> Дата обращения: 08.01.2023.

Историки и археологи уже давно отказались от мысли, что лимес был исключительно защитным сооружением, непроницаемым кордоном. Скорее он был своеобразной мембраной между двумя мирами, обеспечивающей хорошо дозированный обмен товарами, культурными ценностями, идеями, религиозными представлениями и пр.

Наиболее близким греческим эквивалентом понятия лимес, пожалуй, является теменос⁴², порубежная сакральная зона, расположенная посредине между территориями разных общин и охраняющая центр от чуждого враждебного влияния. Издревле теменос был известен как пространство, населённое всевозможными маргинальными⁴³ элементами (изгоями, беглыми рабами, спасающимися от мести кровников и обрётшими убежище в храме убийцами, чужестранцами, рабами, обслуживающими священную территорию и пр.). Находясь на границе различных социальных групп, систем, статусов, культур и испытывающие влияние их противоречащих друг другу норм и ценностей, эти пограничные элементы в жизни традиционных

⁴² Temenos – греческое слово, обозначающее священное, отмежеванное от профанного мира, оберегаемое место. Как правило, таким местом в античной Греции была территория храма, в пределах которой можно было ощутить и пережить присутствие божественного. Однако этот термин встречается и в другом расширительном значении, указывающем на священное пространство, защищающее центр. Подробнее о теменосе см.: *Մարգարյան Ե. Հ. Մեծ Հայքի և Կոմմագենի հոգևոր ամրությունների պատմությունից (արքայական հանգստարան – ὁ τεμένος) // Պատմություն և կրթություն, 2006, թիվ 3–4, էջ 17–24:*

⁴³ От лат. *margo* – край, граница.

сообществ провоцировали разного рода социальные трансмутационные изменения⁴⁴.

Однако если в архаическую эпоху лимес-теменос воспринимался как межа между общинными землями, то в последующие эпохи это понятие обрело новое расширительное значение и стало восприниматься как неустойчивая окраина имперской или цивилизационной платформы, так называемого Номоса. К примеру, на востоке Римский лимес стал границей между *Pax Romana* и восточноэллинистическим номосом, расположенным по ту сторону Евфрата⁴⁵. Любой, кто выходил за рамки собственного Номоса, бросал вызов законам, нарушал божественные установления, что автоматически делало его врагом людей и богов. Поэтому в 62 г. по Р. Х., в разгар римско-парфянской войны (54–64), ни парфянский царь Вологес и его брат Тиридат, царь Армении, ни легат Сирии Корбулон, так и не решились форсировать реку Евфрат, бывшую границей между двумя сверхдержавами региона и перенести военные действия на территорию врага. Слишком велики были ставки и любой, кто бы попытался пересечь лимес, неизбежно поставил себя вне закона и рисковал потерять все⁴⁶.

⁴⁴ Характерно, что в алхимии термин теменос подразумевает герметически закрытое вместилище, в котором совершается превращение (трансмутация) противоположностей.

⁴⁵ *Edwell P. M. Between Rome and Persia. The middle Euphrates, Mesopotamia and Palmyra under Roman control* Between Rome and Persia. London and New York, 2008. P. 27–30.

⁴⁶ *Butcher K. Roman Syria and the Near East*. London, 2003. P. 41. Правда время от времени римляне сами нарушали лимес и пересекали определенный Августом рубеж, тем самым ставя себя над священным законом и попирая вековые традиции. Так, Траян пытался присоединить Месопотамию; ему даже удалось захватить ее после того, как он низвел до уровня провинции Аравию (западную часть современной Иордании). Но Адриану приш-

Особенно ревностно римляне охраняли северный и южный лимесы, отделяющие империю от варварских миров. Причём пограничный интерфейс считали священным не только римляне, но и варвары. «Преступая границу, варвары нарушали политические и нравственные законы своей общины, нормы своего племенного права. Римлянами переход границы рассматривался как нарушение римского права, как стремление врага-варвара начать войну с римским народом. Поэтому война Рима с варварами всегда была справедливой (*bellum iustum*). Переход границы врагом приравнивался римским правом к разбойничьим действиям (*latro*) и карался по закону. Лимес в психологическом плане... представлял для племён грозной укрепленной цитаделью, которую они должны были преодолеть силой... На таком значении лимеса как границы оградительной строилось одно из представлений государственно-правовой мысли римского общества в отношении варварского мира»⁴⁷.

На восточных рубежах политика Рима была несколько иной. Здесь, между подвластными Риму средиземноморскими странами и враждебным иранским миром империя стремилась

возвратить границу империи к верховьям Евфрата. Захватническая политика возобновилась при Луции Вере, который достиг Хабора в ходе своих военных кампаний 161–166 гг.; Септимий Север осуществил аннексию Северного Междуречья. С этого времени Низибис и Сингара отошли к Риму, а граница с иранской державой была перенесена на Верхний Тигр. Но государственный переворот 226 г. в Иране, вследствие которого персы Сасаниды сменили парфянских Аршакидов, резко изменил соотношение сил. Это вызвало в III в. серию римско-персидских войн, в ходе которых римляне постепенно стали откатываться обратно на запад.

⁴⁷ *Колосовская Ю. К.* Указ. соч. С. 184.

создать своего рода санитарный кордон, лимитроф⁴⁸, состоящий из находящихся в орбите римского влияния государств и государственных образований. По сути, лимитроф – это юридически оформленное промежуточное пространство между империями или цивилизациями. На его территории римляне могли без ограничений размещать и перемещать свои войска. Большинство лимитрофных государств управлялось местными династами, взаимоотношения с которыми римляне строили на основе «дружбы» (*amicitia*)⁴⁹ и «союзничества» (*societas*)⁵⁰. Статус «друга римского народа» даровался сенатом и народом как одному лицу, так и общине в целом, после установления мирных отношений (*Liv. XXXI. 11.16*). «Дружбе» с царями, как правило, предшествовало *deditio* – сдача на милость победителя, с обязательной выдачей оружия побеждённой общины или государством. После этого акта могли заключаться любые договоры. «Дружбу» с тем или иным народом римляне заключали лишь после победы над ним. Целью договора о «дружбе» было умиротворение враждебного племени или государства и приобщение его к римским порядкам⁵¹. Удостоенный римской «дружбы» царь получал римское гражданство,

⁴⁸ *Limitrophus* – буквально, обеспечивающий построй пограничных войск: неправильное слово, образованное от латинского *limit* – граница и греческого *trophos* (питание). Слово было впервые употреблено в тексте Парижского договора 1763 года, в связи с окончанием Семилетней войны.

⁴⁹ *Մտնախնայան Ա. Ա. Քաղաքակրթական հավասարչոտության հիմնախնդիրը Մեծ Հայքում: Մաս երկրորդ, «ՎԷՆ» համահայկական հանդես, 2010 (№29), էջ 57–60:*

⁵⁰ *Колосовская Ю. К. Гостеприимство как право народов древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции. Москва, 1999. С. 49–58.*

⁵¹ *Braund D. Rome and the Friendly Kings. The Character of the Client Kingship. L.: Croom Helm, 1984. passim.*

обеспечивающее ему иммунитет, защиту и покровительство римского государства⁵². «Дружба» и «союзничество» часто шли рука об руку, однако одновременное установление дружбы и союзничества было совсем не обязательным условием⁵³.

Наряду с амикальными отношениями, существенную роль во взаимоотношениях с лимитрофными государствами играл и институт «гостеприимства» (*hospitium*). Будучи пережитком кровно-родственных отношений, гостеприимство в римской общине существовало всегда. В римской традиции первые упоминания о гостеприимстве связаны с Энеем и относятся ещё к гомеровскому периоду. Однако в правовой институт «гостеприимство» оформилось значительно позднее, приобретя двоякую форму. С одной стороны, гостеприимство принадлежало праву народа (*jus gentium*), с другой – праву римской общины (*jus civile*), ибо само «гостеприимство» исходит от римской общины и действует в интересах этой общины.

Ещё со времени Пухты⁵⁴, многие исследователи рассматривают институт «гостеприимства» как пример продуктивного влияния чужеземного права на право римское. «Это чужеземное право было правом, в сущности, peregrinorum, и выступает оно как международное право, как право народов, вошедших в

⁵² *Кацеев В. И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200–146 гг. до н. э. М., 1993. С. 13 слл.; Майорова Н. Г. Фециалы: религия и дипломатия в древнейшем Риме (VII в. до н. э.) // Религия и община в древнем Риме. Москва, 1994. С. 98 слл.; Колосовская Ю. К. Рим и мир племен на Дунае I–IV в. н. э... С. 159 слл.*

⁵³ *Кацеев В. И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200–146 гг. до н. э. Автореферат диссертации на соиск. уч. степени докт. ист. наук. Саратов 1997. С. 26.*

⁵⁴ *Пухта Г. Ф. Общенародное гражданское право в древнем Риме // Юридический вестник. Т. XI. Кн. III–IV. Москва, 1892. С. 380 слл., 390.*

состав римского государства. Оно явилось основой и для внешней политики Рима, как на Западе, так и на Востоке. Гостеприимство было инструментом и для установления отношений Империи с племенами за лимесом, так как в варварской среде отношения племён с Империей часто строились с учётом гостеприимства. Гостеприимство было одним из важнейших правовых институтов, на котором покоилось все здание римского государства»⁵⁵.

В период расцвета Римской республики гостеприимство становится одним из факторов внешней политики Рима. Особенно ярко это проявилось во взаимоотношениях Рима с эллинистическими государствами Передней Азии. Как было показано многими исследователями, посыл римских легионов на территории дружественных и союзных Риму государств осуществлялся по принципу *per hospitium* (Suet. Tib. 37.1.)⁵⁶. Это означало, что расквартированные на территории этих стран римские гарнизоны имели статус «гостя», находящегося под защитой богов. Гостеприимство подтверждалось принесением нерушимой клятвы верности (*iusiurandum*), скреплённой возлиянием вина и молока⁵⁷. Институт гостеприимства находился под защитой главного божества римской общины – Юпитера-Гостеприимца (*Iuppiter Hospitalis*), позднее главным божеством, охраняющим институт «гостеприимства» стал защитник

⁵⁵ Колосовская Ю. К. Гостеприимство как право народов древнего Рима... С. 58.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Кащеев В. И. Указ. соч. С. 218–219, 227 слл.; Колосовская Ю. К. 1) Рим и мир племен на Дунае I – IV в. н. э. С. 183–184; 2) Гостеприимство как право народов древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции. Москва, 1999. С. 49–58.

границы-лимеса и карающий клятвopеступников грозный Митра (об этом см. ниже).

К этому остаётся только добавить, что во II–I вв. до Р. Х. в Передней Азии лимитрофными образованиями, юридически (часто вопреки собственной воле) связанными с Римом узами «дружбы» и «гостеприимства» стали Пергам, Вифиния, Галатия, Пафлагония, Писидия и Каменистая Киликия. Со временем, по мере продвижения римлян дальше, на Востоке большинство из этих лимитрофных государств оказывались в значительном отдалении от порубежья. Перестав исполнять роль санитарного кордона, эти царства и правившие ими компрадорские династии потеряли для римлян свою актуальность. Как следствие, все они лишились своего формального суверенитета и стали частью той или иной римской провинции. Роль же санитарного кордона перешла к таким странам как Пальмира, Коммагена, Каппадокия, Малая Армения, Понт, временами роль буфера играла и Великая Армения. Подобно своим предшественницам, все эти страны со временем также были удушены в «дружеских объятиях» Рима и без остатка поглощены им⁵⁸. Из перечисленных стран, последней свой формальный суверенитет потеряла Западная Армения, которая спустя два года после раздела Великой Армении 387 года, вошла в состав Римской империи, объединившись с Малой Арменией.

На переднем краю. На Западе, римский лимес являл собой непроницаемый кордон, на Востоке – довольно открытую, интерактивную среду. В этом мире междумирий встречались различные цивилизации, организовывались торжища, произво-

⁵⁸ Mattern S. P. Rome and the Enemy. Imperial Strategy in the Principate. Berkeley, Los Angeles, London, 1999. P. 91, 118.

дился обмен товарами и идеями. На протяжении почти всей истории Рима, на окраинах империи основными цивилизационными агентами Рима были легионеры, а главными очагами конвергенции местных и имперских цивилизационных ценностей были римские военные лагеря и поселения. Известно, что римский лагерь⁵⁹, как и сама римская армия⁶⁰, были своего рода моделью римского социума⁶¹. В то же время римские погранзаставы (*vicus*) сооружались по образцу военного лагеря⁶²: посреди крепости находился командный пункт (*officium*), рядом располагались святилища (*sacellum*) (чаще всего посвящённые Юпитеру Долихену, Митре и императорскому культу, снабжённые специальным жертвенником), арсенал (*arsenal*), склады амуниции, кладовые и амбары для хранения зерна (*horreum*), мастерские (*fabrica*), архив (*tabularium*) и лаза-

⁵⁹ *Մտնախնայալն Ա. Ա. Քաղաքակրթական հավասարկշռոթյան հիմնախնդիրը Մեծ Հայքում, Մաս երկրորդ, «Կէմ» համահայկական հանդես, 2010 (№29), էջ 52:*

⁶⁰ *Macmullen R. Roman Legion as Society // Historia. 1984. Bd. 33. S. 440–456; Johnson A. Roman forts of the 1st and 2nd centuries AD in Britain and the German provinces. London, 1983; Токмаков В. Н. Армия и государство в Риме: от эпохи царей до пунических войн. Москва, 2007. С. 242. Вместе с тем, ряд исследователей отмечает, что во время военных кампаний происходило некоторое отчуждение армии от *civitas*. Пересекая границу Рима, солдаты как бы табуировались, а гражданская община отстранялась от действий своих членов, запятнанных кровью, тем самым как бы противопоставляя гражданское население военной организации (Токмаков В. Н. Указ. соч. С. 165). Это отчуждение исчезало лишь после того, как вернувшиеся домой бойцы разоружались и проходили обряд очищения.*

⁶¹ *Woolf G. Roman peace. In: J. Rich and G. Shipley, eds. War and society in the Roman world. London and New York. 1993. P. 171–194; Cherry D. Frontier and society in Roman North Africa. Oxford, 1998; Rosenstein N. Rome at war: farms, families, and death in the Middle Republic. Chapel Hill NC, 2004.*

⁶² *Petrikovits H. V. Die Innenbauten römischer Legionslager während der Prinzipatszeit. Opladen, 1975.*

рет (*valetudinarium*)⁶³. По обе стороны от шатра командующего (*praetorium*) располагались солдатские казармы (*scamnum*)⁶⁴ и дома для старших офицеров, а вокруг стен лагеря шумел канаб⁶⁵ (*canabae*) – скопление мелких лавочек, таверн (*taberna*)⁶⁶ и лупанаров (*lupanar*)⁶⁷, которыми обрастала каждая крепость⁶⁸. Впрочем, помимо проституток и маркитанток (*lixa*) в этих городках тайно жили и солдатские жены (*concubina*), чаще всего из местных, ожидавшие разрешения на официальный

⁶³ *Prinzling F. Epidemics resulting from wars. Oxford, 1916; Jackson R. Doctors and diseases in the Roman empire. Norman, 1988; Wilmanns J. C. Der Sanitätsdienst im Römischen Reich. Hildesheim, 1995; Salazar C. F. The treatment of war wounds in Graeco-Roman antiquity. Leiden, 2000; Scheidel W. Death on the Nile: disease and the demography of Roman Egypt. Leiden, 2001; Sallares R. Malaria and Rome: a history of malaria in ancient Italy. Oxford, 2002; Scheidel W. Germs for Rome. In: C. Edwards and G. Woolf (eds.), Rome the cosmopolis. Cambridge, 2003. Pp. 158–176; Baker P. A. Medical care for the Roman army on the Rhine, Danube and British Frontiers in the first, second and early third centuries AD, BAR International series 1286. Oxford, 2004; Cruse A. Roman medicine. Stroud 2004; Davies R. W. The roman military medical service. Saalburg-Jahrbuch 27, 1970. Pp. 84–104.*

⁶⁴ *Davidson D. P. The barracks of the Roman army from the 1st to 3rd centuries A. D., vol. I, Oxford 1989.*

⁶⁵ *Hanel N. Military camps, canabae, and vici: the archaeological evidence. In: P. Erdkamp (ed.) A companion to the Roman army. Oxford, 2007. P. 395–415.*

⁶⁶ *Davies R. W. Service in the Roman army. Edinburgh, 1989.*

⁶⁷ *Scheidel W. Sex and empire: a Darwinian perspective. In: I. Morris and W. Scheidel (eds.), The dynamics of ancient empires (forthcoming). R. Watermann, Valetudinarium. Das römische Legionskrankenhaus. Neuss, 1978; Phang S. E. 1) Intimate conquests: Roman soldiers' slave women and freedwomen. In: Ancient World 35, 2004. Pp. 207–237; 2) The marriage of Roman soldiers (13 BC – AD 235): law and family in the imperial army. Leiden. Leiden, Boston, Cologne: Brill, 2001. Pp. vi + 470; Pollard N. Soldiers, cities, and civilians in Roman Syria. Ann Arbor, 2000.*

⁶⁸ *Macmullen R. Soldier and Civilian in the Late Roman Empire. Cambridge (Mass.), 1963.*

брак⁶⁹. Легионер имел право вступить в законный брак (*matrimonium iustum*) только после 40 лет⁷⁰, по истечению срока контракта (*missio honesta*), однако, солдаты, отслужившие больше половины установленного срока, нарушали предписания и (конечно только в мирное время) по полдню проводили за пределами лагеря, являясь на службу утром и покидая лагерь вечером, до закрытия ворот.

Многие из отслуживших легионеров (*evocatus*), за время службы успевшие обзавестись семьёй и небольшим имуществом (*bona castrensis*)⁷¹, так и оставались жить в этих поселениях, не порывая отношения с гарнизоном⁷², бывшим своего

⁶⁹ *Keppie L.* The Making of the Roman Army from Republic to Empire. London: Batsford, 1984. P. 128, 153; *Saller R. P. and Shaw B. D.* 'Tombstones and Roman family relations in the Principate: civilians, soldiers, and slaves', *Journal of Roman Studies* 74 (1984) 124–155; *Le Bohec Y.* The imperial Roman army. London: B. T. Batsford Ltd. Routledge, 1994 (first published in French, 1989). P. 236; *Scheidel M.* Marriage, Families, and Survival; Demographic Aspects. In: *A Companion to the Roman Army...* P. 415–434; *Phang S. E.* The marriage of Roman soldiers (13 BC – AD 235): law and family in the imperial army. Leiden, 2001.

⁷⁰ *Колобов А. В.* Семейное положение римских легионеров в западных провинциях империи при Юлиях-Клавдиях // *Вестник МГУ. Сер. 8 «История»*. 1990. N 3. С. 54–63.

⁷¹ *Saller R. P.* Patriarchy, property and death in the Roman family. Cambridge, 1994.

⁷² *Macmullen R.* Roman Legion as Society. In: *Historia*. 1984. Bd. 33. S. 440–456; *Махлаюк А. В.* Военное товарищество и корпоративность римской императорской армии // *ВДИ*. 1996. № 1. С. 18–37; *Маяк И. Л.* Значение военной службы для воспитания идеального гражданина // *Античность и средневековье Европы*. Пермь, 1996. С. 122–127; *Колобов А. В.* Римские легионы вне полей сражений (эпоха Ранней империи). Пермь, 1999. С. 16–17; *Wesch-Kline G.* The Economic Situation of veterans. In: *A Companion to the Roman Army...* P. 444–446.

рода моделью Рима на периферии римского мира⁷³. Так в имперский период образовалось немало поселений осевших ветеранов⁷⁴. Дети легионеров, чаще всего от смешанных браков⁷⁵, одинаково хорошо владевшие латинским (точнее так называемой кухонной латынью) и, по крайней мере, одним из местных языков, также становились солдатами и офицерами, либо обозными маркитантами при римском лагере⁷⁶.

Эти, обладающие высокой адаптивностью маргинальные или полумаргинальные элементы (Зомбарт называет их «исключёнными»)⁷⁷, составляли основу приграничного негоданства. Безусловно, предпринимательством, в том числе внешней торговлей, занимались и сами римляне, но это было предпринимательство паразитическое, направленное на выкачивание средств и ресурсов из захваченных и «дружественных» стран. Такого рода предпринимательство считалось делом достойным и престижным не только для всаднического сословия, но и для патрициев (*mercatura magna, mercatura navicularia et oneria*). Торговля с варварами и инородцами, особенно челночная мелкокорозничная (*mercatura tenuis* или *mercatura institoria*), с точки

⁷³ *Pollard N.* Soldiers, cities, and civilians in Roman Syria. Ann Arbor, 2000. 2001. P. 270.

⁷⁴ *Mann J. C.* Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate. Institute of Archaeology, London, 1983.

⁷⁵ *Bagnall R. S. and Frier B. W.* The demography of Roman Egypt. Cambridge, 1994; *Scheidel W.* Measuring sex, age and death in the Roman empire: explorations in ancient demography, Ann Arbor 1996; *Scheidel W.* 'Roman age structure: evidence and models' In: *Journal of Roman Studies* 91 (2001), 1–26.

⁷⁶ *Davies K. W.* Service in the Roman Army / Ed. by D. Breeze and V. A. Maxfield. New York, 1989. Pp. 88–97.

⁷⁷ *Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. Пер. с нем./ Ин-т социологии. М., 2005. С. 357.

зрения римлян, традиционно считалась занятием малопрестижным⁷⁸ и потому, за редкими исключениями, отдавалось на откуп чужакам. Как правило, это были инородцы, обладающие римским гражданством или перегрины (чужеземцы) и вольноотпущенники, удостоенные права торговых сношений (*peregrinos, quibus commercium datum est* – Ulp. Fr. XIX 4). Правда, свою деятельность они, в основном, осуществляли под покровительством своих патронов из знатных и влиятельных римлян. Так, Цицерон совершенно недвусмысленно выразил традиционное отношение римлян к торговле: «На мой взгляд, торговля, если она мелкая – вульгарна, однако крупную торговлю, охватывающую целые страны и доставляющую товары с мирового рынка, чтобы распределять их между жителями, не обманывая их и не заговаривая им зубы, отнюдь не следует совершенно отвергать» (*“Mercatura autem, si tenuis est, sordida putanda est, sin magna et copiosa, multa undique apportans, multaque sine vanitate impertiens, non est admodum vituperanda”*, (*Cicero De Officiis*, I. 151). Комментируя этот отрывок, Зомбарт пишет: «В моей терминологии: быть предпринимателем-завоевателем – это ещё куда ни шло, но быть предпринимателем-торговцем – недопустимо для человека, который сколько-нибудь себя уважает»⁷⁹.

Тем не менее, челночная торговля между римским и неримским мирами процветала. Приграничные коммерсанты, независимо от происхождения, пользовались своеобразным им-

⁷⁸ *Van Houtdt T.* Myricae: essays on neo-Latin literature in memory of Jozef I Jsewijn. Edited by Sacré D., Tournoy G. Leuven, 2000. P. 98.

⁷⁹ *Зомбарт В.* Указ. соч. С. 163. От себя добавим, что предпринимателями-завоевателями были конкистадоры вроде Суллы, Красса, Лукулла, Помпея и политики вроде самого Цицерона.

мунитетом как со стороны римских солдат, так и у их противников. Они могли свободно бродить как в местах постоянной дислокации, так и в походных лагерях обоих противников. Для этого часто заключались предварительные соглашения о гостеприимстве, в результате которых договаривающиеся стороны обменивались амулетами и тессерами, после этого «чужак», «иной» становился ксеном, кунаком. Тессеры обеспечивали их обладателям не только неприкосновенность, но и давали право на гостеприимство на чужой территории, на противоположной стороне лимеса⁸⁰. В походных лагерях они скупали у командования и у солдат военные трофеи и, самое главное, пленных, которых содержали в особых резервациях до тех пор, пока не получат соответствующий выкуп от их родных и близких, после чего, пленных отпускали на волю, в противном случае их продавали на невольничьих рынках.

⁸⁰ Исчерпывающую характеристику этого явления дает О. М. Фрейденберг: «В латинском языке сохранился любопытный след этих представлений о «госте» как принято называть такого «чужака» ставшего «другом» и «братом» такого «пришельца в дом», получившего все права и привилегии там «живущих» (ночлег, еду, женщину). Если по-русски это гос-ть, то по-латыни *hos-tis* – враг, а *hos-pes* – гость, приезжий, но и хозяин; *hos-tia* – очистительное, жертвенное (т.е. разрываемое) животное. Не нужно быть лингвистом, чтоб увидеть связь слов *hos-ть* и *hos-pes* с *господь* и *господин*. Действительно, и в реалиях приходящий, появляющийся, приобщающийся к тотему «гость» столько же в одном аспекте «враг» и «разрываемое животное», сколько в другом – сам тотем.

У греков ксены обменивались вещами, то есть своими сущностями. Ксен, или «гость» получал «встречу» и «проводы» а также вещи хозяина (подарки – позднее). У римлян ксены, и гость и хозяин, разламывали вещь на части, которыми делились. Это были особые древние вещи без иного какого-нибудь назначения, а потому и имени. Их называли знаками, значками, по-нашему – билетами, марками. Это были «тессеры» у римлян» (*Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. Москва, 1998. С. 89–90).

Дело в том, что в древности торговля часто шла рука об руку с войной и часто именно войны становились стимулом для развития торговли между странами. Эту связь войны и торговли отлично понимали древние. Победоносно заканчивая военную кампанию, которая, однако, не приводила к окончательному подчинению страны и превращению ее в римскую административную единицу, римляне, в первую очередь, заключали на выгодных для себя условиях торговые договоры, обговаривая для своих negociantov всевозможные преференции. Торговля воспринималась римлянами как средство подчинить ещё не до конца завоёванную страну, вовлечь ее в орбиту римских экономических интересов и правового поля⁸¹. Нередко полному завоеванию страны предшествовало завоевание её рынков (*Romani duces semper in bellis commercium habuere curram – Plin. NH. XXVI. 9*). Не случайно практически все рецидивы антиримских настроений, как в эллинистических странах, так и в мире варварских племён, выливались в погромы и избиения римских купцов и деловых людей, чересчур агрессивно захватывавших рынки «дружественных» стран и беспардонно вытеснявших оттуда местных предпринимателей и купцов. Так, ещё в 88 году до Р. Х. Митридат Понтийский организовал практически во всей Малой Азии грандиозную резню, в результате которой погибло ок. 80 тыс. колонистов (в основном negociantov) и членов их семей (ок. 10 000 чел.). Немного позже так же поступил Арташес II, сын армянского царя Артавазда II, в 30 г. до Р. Х. изгнавший римского ставленника из Армении. Своё восшествие на отцовский престол и осво-

⁸¹ Young G. K. *Rome's Eastern Trade: International commerce and imperial policy, 31 BC–AD 305*. London, 2001.

бождение эллинистического Армянского царства из-под римского влияния Арташес ознаменовал массовой бойней римских колонистов, в основном военных и торговых людей. Неоднократно организовывали массовое истребление римских торговцев парфяне и персы.

Безусловно, торговля на лимесе, и особенно за его пределами, считалась делом рискованным и опасным. Римские negociantov нуждались в гарантиях своей безопасности не только со стороны властей и армии, но также и более надёжных, и как бы это странно ни звучало сегодня, долговременных гарантий: гарантий сакральных сил. Поэтому международная торговля на лимесе велась под покровительством особых божеств. Как неоднократно отмечалось исследователями доиндустриальных экономических отношений, первоначальная торговля в основном была международной и отличалась от большинства современных форм торговли⁸². В архаическую эпоху обмен и торговля имели амбивалентную природу, которая проявлялась как в ее меркантильной, так и в сакральной сущности. Подобно всем видам деятельности архаического человека, обмен товарами нёс на себе отчётливый отпечаток религиозных и нравственных воззрений той эпохи⁸³. Как показали исследования эт-

⁸² Известный историк «экономического быта» Западной Европы И. М. Кулишер, ещё в 10–20-е гг. XX столетия пришел к выводу о том, что «внутренний обмен возник у европейских народов сравнительно поздно. Междуплеменной обмен появился раньше; временно он возник уже во времена Римской империи – это был... пограничный обмен между (*commercium in gēra*) римлянами и германцами» (*Кулишер И. М. Быт раннего и позднего Средневековья. // История экономического быта Западной Европы: 7-е изд., дополн.: Москва-Ленинград, 1926; 1936, Т. 1. С. 127*).

⁸³ *Кулишер И. М.* 1) Указ. соч. С. 118–120; 2) Очерк экономической истории древней Греции. // Глава 7. Торговля. Ленинград, 1925. С. 168–170.

нологов и антропологов последних двух столетий, ранние формы торговли осуществлялись, в основном, без посредников⁸⁴. Более того, поначалу торговля была «немой» и опосредованной, так как продавец и торговец обменивались товарами не видя друг друга⁸⁵. Встреча участников торговых сделок неизбежно влекла взаимные враждебные действия продавца и покупателя. Торг, как правило, заканчивался потасовками и даже грабежами и убийствами.

Отрицая чисто экономический характер древнего обмена и критикуя «наивно рационалистические» объяснения древних форм торговли, первичность сакральных мотивов торговли по отношению к утилитарным, показали И. М. Кулишер, В. В. Латышев. Позднее О. М. Фрейденберг вскрыла новые глубинные смыслы древнего обмена. Согласно Фрейденберг: «Люди-тотемы из другого клана рассматривались как «враги» в хтоническом значении: межа отделяла одно поселение от другого, и эта межа была «горизонтом», «дверьми», «воротами», границей неба-преисподней; за межой – преисподняя. Отсюда – большое значение межевых камней, стен, заборов, значение настолько большое, что впоследствии оно делается сакральным. Человек, пришедший из чужого поселения, считался «врагом» – однако, если он в рукопашной борьбе не был побеждён, он делался “другом”»⁸⁶.

Разумеется, со временем, по мере развития рыночных отношений, «немая» меновая торговля с участием «эпифанирую-

щих» купцов и покупателей стала изживать себя, уступая место торговле денежной, что неизбежно влекло за собой появление торговцев-посредников, для которых торговля челночная и стационарная становилась главным занятием, профессией. В то же время, как было показано исследователями⁸⁷, посредническая торговля во многих странах мира стала занятием исключительно маргинальных этнических групп, обосновавшихся или издревле проживавших вдоль лимеса. Так, обитавшие вдоль всего верхнегерманско-ретийского лимеса германское племя гермундуров имело специальную привилегию посреднической торговли по всему северному периметру Римской империи. Гермундуры вели торговые операции по обе стороны верхнего течения Дуная и даже беспрепятственно проникали в глубь римских провинций, что было невозможно для представителей других германских племён. А Марциан в своих объяснениях Езекиеля о сиро-палестинцах в Римской империи замечает: «До сегодняшнего дня в сирийцах живёт такое врождённое рвение к делам, что они из-за наживы исходят все земли; и так велика их страсть торговать, что они повсюду внутри Римской империи среди войн, резни и убийств, стремятся нажить богатства»⁸⁸.

3. Митра – главный охранитель института гостеприимства на восточном Лимесе. Гарантией безопасности торговых людей и предпринимателей был феномен странноп-

⁸⁴ Терехин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 188.

⁸⁵ Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности. 2-е изд.: Челябинск, 2003 (1-е изд.: Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. Петроград, 1923. – 322 с.). С. 35–36.

⁸⁶ Фрейденберг О. М. Указ. соч. С. 90.

⁸⁷ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. М., 1990 (Социологич. мысль Запада). С. 44–271; Кулишер И. М. Быт раннего и позднего Средневековья... С. 118–119; Дергачев В. А. Раскаленные рубежи. Одесса, 1998.

⁸⁸ Цитируется по: Замбарт В. Указ. соч. С. 141.

риимства. Союз, обозначенный как гостеприимство или странноприимство, обычно был результатом войны. Для заключения этого союза требовалось непременно произнесение клятвенных заверений, засвидетельствованных богами и пенатами. Гостеприимство действовало во время мира, но, как свидетельствует Марциан, даже во время войны купцы-посредники из «чужаков» (греки, сиро-палестиняне и пр.), продолжали свою деятельность.

Многочисленные свидетельства античных авторов, подтверждённые археологическими данными, указывают на то, что в республиканский период и в эпоху принципата институт странноприимства находился под защитой главного божества римской общины – Юпитера-Гостеприимца (Juppiter Hospitalis)⁸⁹. Уклонение от гостеприимства было одновременно нарушением клятвы «верности», которая давалась при вступлении в такой союз. Попрание такой клятвы каралось римским обществом, как нарушение божеского права. Это право нужно было свято блюсти вследствие самой его природы, ибо оно исходит от божества (не случайно в русском синониме слова *клятва* является *божба* и *заклятие*), в то время как право гражданское было учреждено законами человеческого общества и могло быть переосмыслено и изменено⁹⁰. Святость и неру-

⁸⁹ Richmond I. 1) Roman Legionaries at Corbridge, their Supply-base, Temples, and Religious cults. *Archaeologia Aeliana*. 1943. 21. 4th series. P.149–214; 2) The Roman Army and Roman Religion. *Bulletin of the John Rylands Library*. Manchester, 1963. 45. P.185–197; Speidel M. The Religion of Juppiter Dolichenus in the Roman Army. Leiden, 1977, etc.

⁹⁰ Отличие одного права – божеского от права гражданского состояло в том, что *Fas* – есть право священное. Оно опирается на волю богов и, стало быть, неизменно. *Jus* – есть закон, созданный людьми, и он может быть и отменен и упразднен (*Fas lex divina, jus lex humana est*) (*Isidor. Orig.* V.2).

шимость договора связывалась у римлян с религиозным понятием о божественной сущности Фидес (*Fides*)⁹¹, которая ведёт своё происхождение от религиозных обычаев предков (*mos majorum, consuetudo*). Божество, надзиравшее за соблюдением верности присяге, клятвенным обещаниям, имело чрезвычайно древнее происхождение и почиталось ещё тогда, когда в Риме вместо писаных законов действовали обычаи предков (*iure eam legibus ac moribus de integro condere parat*) (*Liv.* 1.19.1)⁹². Из всего этого можно заключить, что гостеприимство, будучи правовой нормой общения народов, по самой сути этих норм и обязанностей восходит к институтам глубокой архаики⁹³. При заключении договора о гостеприимстве на первое место выступа-

⁹¹ Фидес (Верность) – богиня, считавшаяся хранительницей устоев нравственной системы римского общества, гордившегося верностью принципам своего жизненного уклада и клятвам. Вместе с Пьетас (божеством исполнения долга перед богами, родиной, родителями) Фидес считалась основой общества и добродетелей римлян, гордившихся своей исключительной верностью клятве (*Polyb.* VI 56, 14). Фидес была тесно связана с призывавшимся при клятве Юпитером Долихеном и слившимся с ним божеством верности Диус Фидиус, а также с понятием *foedus*, «союз», который заключался с торжественными жертвоприношениями главой коллегии фециалов с богами (*Liv.* I 24, 6). В храме Фидес на Капитолии в Риме хранились документы и международные договоры. В период империи Фидес часто изображалась на монетах как Фидес Августа, Фидес войска, Фидес конницы и т. д.

⁹² Колосовская Ю. К. Гостеприимство как право народов древнего Рима... С. 56.

⁹³ Празднество в честь «Верности» было установлено Нумой. Фламиньи приносили жертву Фидес, приезжали в крытой повозке. Жертвоприношение совершалось правой рукой, спеленованной до пальцев в знак того, что верность должно сохранять. Совершив акт жертвоприношения, гость и гостеприимец пожимали друг другу правые руки, посвящённые богине (*Liv.* 1.21.4), всё еще обернутые окрававленной тканью (*Serv. Verg. Aen.* III 608). Соединение правых рук (часто изображавшееся на монетах с Фидес) символизировало верность заключённому договору.

ло доверие, добросовестность соглашения – категория скорее нравственного, чем правового характера.

Однако, уже в эпоху принципата, по мере размывания традиционных римских религиозных представлений, древние божества, вроде Фидес, начинают активно вытесняться культурами функционально схожих восточных эллинистических богов. Эллинистические боги, не менее древние, чем боги сыновей Капитолийской волчицы, но более сложные и синкретические, были порождением смешения более развитых культур, нежели римская⁹⁴. Поэтому большинство из традиционных латинских культов, потеряв свою актуальность, растворились в агрессивных восточных культурах, инфильтрировавших в римскую среду с восточного лимеса. Правда некоторые римские религиозно-этические воззрения, хоть и в рудиментарной форме, ещё какое-то время сохранялись: вплоть до окончательной победы христианства на всей территории империи.

Как и следовало ожидать, эти процессы конвергенции впервые наметились именно в Приевфратской пограничной зоне. Здесь роль главного гостепреимца пилигримов и страждущих

⁹⁴ Dumézil G. Mithra-Varuṇa. Essai sur deux représentations indo-européennes de l'autorité. Paris, 1940; Schmidt H.-P. Indo-Iranian Mitra Studies: The State of the Central Problem. Études Mithriaques (далее: É.M.). Acta Iranica 17. Leiden, 1978. P. 345–93; Gonda J. 1) The Vedic God Mitra (Orientalia Rheno-Traiectina, Vol. XIII). viii, 147pp. Leiden: E. J. Brill, 1972; 2) Mitra and Mitra, the Idea of 'Friendship' in Ancient India. In: Indologica Taurinensia 1, 1973. P. 71–107; Thieme P. Mithra in the Avesta. ÉM (Acta Iranica 17). Leiden, 1978. P. 501–510; Маргарян Е. Г. Трансформация митразма в эллинистическую эпоху (Иран, Армения, Коммагена, Рим) // Иран-наме Научный востоковедческий журнал. №3(19), 2011. С. 78–110.

щих перешла к Митре – богу хранителю клятв и верности⁹⁵. Одновременно происходило сближение образов Митры и Юпитера-Долихена. В Коммагене этот многоликий эллинистический бог, рьяно почитаемый римскими legionерами⁹⁶, отождествлялся не только с Аполлоном-Гелиосом, но и с Гермесом. Характерно, что в Армении и Коммагене Митра никогда не отождествлялся с богом войны. Здесь функция бога воителя принадлежала его парному богу, двойнику – Вахагну–Артагну–Гераклу. Зато в римской приграничной среде произошло смешение ипостасей, одной из которых стал Митра-воитель, Митра-Марс.

Значение Митры как бога посредника между западным и восточным мирами, проявилась в том, что это божество было равно почитаемо как по одну, так и по другую сторону Приевфратского лимеса. Отсюда актуальность митраизма как религиозно-этической системы, основанной на почитании бога-охранителя границ и договора. По сути это эллинистическо-римское синкретическое божество стало своего рода цивилиза-

⁹⁵ Cumont F. The Oriental Religions in Roman Paganism. Chicago, 1911; Liebeschuetz W. Continuity and Change in Roman Religion. Oxford, 1979; Isaac B. The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxford, 1990.

⁹⁶ Vermaseren M. J. The New Mithraic Temple in London. In: Numen 2, 1955. Pp. 139–145; Daniels Ch. M. The role of the Roman army in the spread and practice of Mithraism", in Hinnels, John R. In: Mithraic Studies: Proceedings of the First International Congress of Mithraic Studies, Manchester UP, 1975, Pp. 11.459–474; Clauss M. Mithras und Christus. In: Historische Zeitschrift. 1986. 243. Bd. S. 268; Spiedel M. Mithras-Orion, Greek Hero and Roman Army God. Leiden, 1980; Beck R. The Mithras Cult as Association. In: Studies in Religion, 21, 1992. Pp. 3–13; Бонгард-Левин Г. М., Гаилов В. А., Кошеленко Г. А. Открытие митреума в Дуре-Европос и современная митраистика. In: Вестник древней истории. Москва, 2004. С. 145.

ционным переводчиком, способствующим перетеканию идей культурных ценностей с Востока на Запад и наоборот.

Таким образом, порождением восточного лимеса стала универсальная эллинистическая религиозная система, с лёгкой руки бельгийского историка Франца Кюмона получившая название митраизм⁹⁷. Несмотря на свои древние и даже архаические корни, эта религиозно-этическая система сформировалась на рубеже I тыс. до Р. Х. – I тыс. по Р. Х. и именно на пограничье *Pax Romana* и *Pax Iranica*. В западноевропейской историографии уже достаточно давно доминирующей является точка зрения о том, что основными носителями митраистской религиозно-идеологической доктрины были солдаты и офицеры римских легионов, расквартированных вдоль демаркационной зоны⁹⁸, которую мы обозначили как Приевфратскую контактную зону, охватывавшую Коммагену, Каппадокию, Осроену⁹⁹, Западную Армению и Понт.

Все эти воинские соединения неоднократно перемещались по всей территории империи, от одного лимеса к другому (Британия, Рейн, Сев. Африка и пр.), иногда возвращаясь на место прежней дислокации. Однако помимо солдат, огромную роль в формировании и распространении митраистских религиозно-этических идей играли жители приграничных районов, особенно население военных поселений – канабов. Эта раз-

⁹⁷ Кюмон Ф. Мистерии Митры. Распространение митраизма в Римской империи. Пер. с франц. С. О. Цветковой. СПб., 2000.

⁹⁸ Маргарян Е. Г. Митраизм в армяно-римской цивилизационной контактной зоне // Историческое пространство. Москва, 2011.

⁹⁹ Sommer M. "Modeling Rome's Eastern Frontier: The Case of Osroene," in Kaizer and Facella 2010: 217–226.

ношёрстная, политэтническая¹⁰⁰, откровенно маргинальная среда¹⁰¹ становилась той бродильней, где происходила закладка новых нетрадиционных синкретических религиозных систем¹⁰², в первую очередь митраизма¹⁰³. Это религиозно-этическое учение распространялось по всей периферии империи, отсюда, в свою очередь, происходило постепенное стягивание новых культовых идей к центру¹⁰⁴. Митраизм надолго стал сакральной вертикалью, соотнёсшей культуру, социальную практику и геополитику римлян, народов Римской империи, а также соседних народов, с трансцендентной высшей реальностью.

¹⁰⁰ Контактная зона должна быть полиэтничной, но не всякая полиэтничная среда контактная.

¹⁰¹ Whitby M. Outsiders. Army and Society in the Late Roman World: A Context for Decline? / A Companion to the Roman Army. Blackwell Companions to the Ancient World. Oxford, Pp. 519–521.

¹⁰² Henig M. Throne, Altar and Sword: Civilian Religion and the Roman Army in Britain. Cultural Relationships in a Frontier Province. Ed. T. F. C. Blagg, A. C. King. BAR British series. N 136. London, 1984. P. 227–248; Илмарман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. Москва, 1987; Birley E. The Deities of Roman Britain. In: Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, II, 18; Solway P. Roman Britain. Oxford, 1982; Frere S. Britannia. A History of a Roman Britain. London: Pimlico, 1991; Махлаюк А. В. Римские войны. Под знаком Марса. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 447с. С. 62–63; Stoll O. The Religion of the Army: A Complex "System" // A Companion to the Roman Army... P.452.

¹⁰³ Cumont F. Textes et Monuments figures aux mysteres de Mithra. Bruxelles, 1896–1899. Т.1–2; Tudor D. Corpus Equitum Donaviarum. Leiden, 1969–1976. Т.1–2; Jaszynowska M. Religie swiata rzymskiego. Warszawa, 1990, etc.; Маргарян Е. Г. Роль Армении и Коммагены в глобализационных процессах эллинистической эпохи // Сборник статей. По материалам международной конференции «Армения в диалоге цивилизаций». Н. Новгород, 2011. С.159–171.

¹⁰⁴ Аверинцев С. С. На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского средневековья // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Москва, 1985. С. 5–20.

ОЧЕРК II

ВОСТОЧНОСРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ФРОНТИР БИТВА ЛЕВИАФАНА И БЕГЕМОТА

*Прежде чем в Трою пошло броненосное племя ахеян,
Девять я раз в корабле быстроходном с отважной
дружиной*

Против людей иноземных ходил – и была нам удача;

Лучшее брал я себе из добыч, и по жребию также

Много на часть мне досталось; своё увеличив богатство,

Стал я могуч и почтен меж народами Крита.

Гомер. Одиссея.

Смелость, ты – мать кораблей, потому что ведь ты
мореходство
Изобрела и зажгла жажду наживы в сердцах.
что за коварную вещь ты из дерева сделала! Сколько
Предано смерти людей ради корысти тобой!

Антифил Византийский

*Тогда Ты сохранил двух животных:
одно называлось бегемотом, а другое левиафаном.
И Ты отделил их друг от друга, потому что седьмая часть,
где была собрана вода, не могла принять их вместе.*

Книга Иова

*“Там, где собираются сумерки столетий,
Он рассеивает их светом духовного взора.
Все ничтожное исчезло,
Лишь Суша и Море имеют здесь значение”.*

Гете

1. Приступ. Эллыны и их подражатели – римляне¹⁰⁵ выработали учение о неравнозначности различных географических

¹⁰⁵ Не одни римляне в этом вопросе подражали грекам. Отец армянской истории Мовсес Хоренаци также делил населённые земли на три категории: Север, Юг и Средиземье. Север и Юг воплощают две природно-климатические крайности. На Севере обитают варварские мужественные и сильные, но, вместе с тем, «необузданные», склонные к разбою и насилию народы, Юг же населён изнеженными сибаритами, и лишь срединные страны отвечают идеалу умеренного и достойного образа жизни. Таковой, с точки зрения Хоренаци, является Армения, которая может существовать по законам автаркии, обеспечивая себя всем потребным, довольствуясь тем, что имеется в наличии, не посягая на чужое. (Подробнее об этом см.: Степанян А. А. Развитие исторической мысли древней Армении и Мовсес Хоренаци. Миф. Рационализм. Историческое описание. Ереван, 1991. С. 144–146; Մովսես Խորենացի Ա. Ա. «Ընտանիք-պետություն» հասանելությունը 5-րդ դարի

ареалов и природно-климатических условий, определяющих нрав и способности людей той или иной местности. Срединная часть ойкумены противопоставлялась пограничным округам как более совершенный и гармоничный мир, в то время как периферия считалась необустроенным, небезукоризненным по форме пространством¹⁰⁶. Эта теория подтверждала догму о превосходстве эллинов и римлян над остальными народами, ведь греко-римский номос занимал срединное положение и, следовательно, управлялся благородными мужами. Чем дальше от средоточия империи, её центра, тем более диким и невозделанным почитался мир, а его обитатели, рождённые в суровых условиях и живущие на бесплодных землях, считались варварами, нелюдями, не ведающими норм благоповедения и не имевшими представления о чувстве меры и долге. Сущность варваров могла измениться (и то не всегда) только благодаря благотворному, цивилизирующему влиянию Рима. Следуя в фарватере имперской внешней и внутренней политики, признав культуру тиретгерскую миссию мирового гегемона, варвары со временем могли стать частью римского миропорядка, и даже занять достойное место на периферии или даже полупериферии римского номоса. Эта схема на протяжении целого тысячелетия служила идейным обоснованием¹⁰⁷ ведущей роли греко-римского мира в регионе и мире. Романоцентричная концепция не изжила себя и в Средние века, впрочем, как и в Новое время.

հայ հասարակական մտքի մեջ. Մոսկուա Խորհրդային, Իրան Կաթի, № 6, 1993).

¹⁰⁶ Аналогичные представления были характерны для Китая (*Ретунских Н. А.* К вопросу об истоках китаецентризма // *Востоковедные исследования на Алтае*. Вып. 2. Барнаул, 2000).

¹⁰⁷ *Арутюнов С. А., Красновская Н. А.* Романия и Барбария: к этнической истории народов зарубежной Европы. Москва, 1989.

Римская модель во многих отношениях продолжала считаться идеальной и, подвергшись определённой модернизации, легла в основу европоцентричной теории Нового времени.

Однако в самом Риме, в период падения республики и перехода к принципату, романоцентричная парадигма, утверждающая, что в целом мире, наполненном «варварами», лишь Рим является единственным центром цивилизации, высокой культуры, философии, а также главным просветителем «народов», образовалась видимая идеологическая брешь. В период Митридатых походов и после их окончания, верхушку римского общества, в некотором смысле, охватило увлечение «ориентализмом». Это, на первый взгляд казавшееся безобидным поветрием, на поверку оказалось стойкой тенденцией, опасной червоточинной, подрывающей основы традиционного оксидентоцентричного мировоззрения и веру в мессианскую роль Рима. Не случайно, в борьбу против этих опасных тенденций включились многие видные оптиматские деятели, и даже сам Цезарь Август. Однако начавшиеся процессы имели глубокую подоснову, что в конце концов привело к переоценке ценностей и смене религиозной парадигмы, выразившейся в отказе от язычества, выработке новых религиозных идей, вытеснению традиционных римских культов, на смену которым пришли почитание Великой матери, митраизм, христианство и другие восточные религиозные системы. Наша задача – проследить самое начало этого процесса, его истоки, концептуализировать тенденции, породившие мировоззренческий кризис римского социума, в конце концов повлёкший провинциализацию Рима и перенос столицы империи в Азию.

Преобразование цивилизационной модели начинается с религиозных реформ. Трудно не согласиться с А. Тойнби, ут-

верждавшим, что религия – матрица всех цивилизаций, по крайней мере начиная с эпохи поздней древности. Поэтому трансформация римской цивилизации началась, на наш взгляд, с ползучего завоевания Рима тоталитарными восточными культурами, со временем сформировавшимися в сложные, по сути, имперские религиозно-мировоззренческие системы. Однако, забегая вперёд, заметим, что мы не считаем эти культы простым строительным материалом, из которого инженерный гений римлян возвёл сложные монотеистические религиозные конструкции – системы типа митраизма или христианства. Выдающиеся подражатели – римляне скорее заимствовали уже сформировавшиеся идеи и модели на Востоке, встраивая их, иногда удачно, иногда нет, в нарождающуюся римскую имперскую парадигму, тем самым подготавливая трансформацию «Первого Рима» во «Второй Рим». Космополитические идеологические доктрины и имперство были заложены в митраизме и христианстве изначально, и именно эти качества и сделали привлекательными эти культы для римских деятелей, увидевших в них нечто большее, чем игры в мистицизм или увлечение чем-то новым, неизведанным.

Когда же началось проникновение восточных культов в Рим? Возможно, раньше, чем традиционно принято считать: не во времена Каракалы и даже не во времена Калигулы или Нерона: внимательное рассмотрение источников и, особенно нумизматического материала, побуждает нас отодвинуть время проникновения митраизма в Рим, к периоду диктатуры Суллы. Митраизм был основан на почитании предков и модернизированном зороастризме, однако стержневым компонентом новой религиозной системы всё же был не ортодоксальный зороаст-

ризм, а культ самого Митры¹⁰⁸. Соотношение зороастризма и митраизма было приблизительно таким, каким в раннем христианстве было соотношение иудаизма и самого христианства. При этом сами персы, вплоть до принятия ислама, оставались ортодоксальными зороастрийцами и к процессу формирования митраистской религиозной доктрины отношения, по сути, не имели. Митраизм зародился в эллинистических монархиях, на территориях, оставленных вначале Ахеменидами, а затем и Селевкидами – регионе, расположенном на стыке двух номосов. Этот регион мы назвали Приевфратской контактной зоной¹⁰⁹. Именно здесь возникли небольшие, но весьма успешные эллинистические монархии, построенные преимущественно на религиозных началах. Монотеистическая религия в этих государствах играла государствообразующую роль.

Полиэтническое и разношёрстное население этих стран говорило на разных языках и наречиях, имело свои обычаи и отличалось неодинаковым уровнем развития. В условиях ещё несформировавшейся национальной идентичности, когда общинные родовые взаимоотношения продолжали доминировать, важно было найти какую-нибудь объединяющую идею,

¹⁰⁸ Культ Ахурамазды-Ормизда, впрочем, как и почитание Анахиты Ардвисуры в нём играл второстепенную роль, а позднее и вовсе, атрофировался и исчез.

¹⁰⁹ *Маргарян Е. Г.*: 1) Приевфратская контактная зона. На стыке древних мир-систем // Историческое пространство. Москва, 2012. С. 5–30; 2) На стыке римского и восточноэллинистического цивилизационных «номосов». Из истории приевфратской контактной погранзоны // Вып. 16. Новосибирск-Москва, 2012. С. 66–95; 6) Հելլենիստական դարաշրջանի Կոմմագենեի և Շոփրի քաղաքական պատմություն, Պատմություն և մշակույթ, Բ, Երևան, Հայագիտական հանդես, 2013, էջ 94–109:

способную консолидировать ещё не перебродивший дискретный социум, постоянно пополняющийся новыми элементами. Именно митраизм стал той стержневой идеей, призванной сплотить местные племена и народы (спустя три столетия эту миссию стало играть христианство). Так в Коммагене, Киликии, Каппадокии, Понте, Малой Армении и западных областях Великой Армении (откуда в дальнейшем она распространилась по всей стране и дальше, за ее пределы, на север) зародилась и выкристаллизовалась новая надплеменная, надэтническая религиозно-этическая система, оттеснившая на задний план традиционные языческие культы, и позволившая отказаться от трайбализма и непотизма, предложив им взамен космополитические ценности, столь необходимые для каждой империи.

Митраизм, как самостоятельная религиозная доктрина впервые сформировался и стал государственной религией в соседних странах – Киликии и Коммагене ещё на рубеже II–I веках до Р. Х.¹¹⁰. Этот очерк посвящён Киликии, а следующий,

¹¹⁰ См.: Маргарян Е. Г.: 1) Святые места страны Коммагены и Армения. Автореферат диссертации по истории, 1992. Специальность ВАК РФ 07.00.02. Диссертации по гуманитарным наукам: <http://cheloveknauka.com/svyatilischa-strany-kommageny-i-armeniya#ixzz4pqSpVvg2>; 2) Трансформация митраизма в эллинистическую эпоху (Иран, Армения, Коммагена, Рим) // Иран-намэ. Алматы. Vol. 19, 2011, № 3. С. 78–110; 3) Митраизм в армяно-римской цивилизационной контактной зоне // Историческое пространство. Москва, 2011. С. 111–138; 4) Митраизм как религиозно-мировоззренческая система эллинистической Армении и сопредельном царстве Коммагена (мифология, идеология, этика). Vol. II. Tbilisi: Institute of Literature Press, 2011. С. 232–251; 5) Միտրաիզմի և հռոմեական կայսրության հարաբերակցության ուղիները հնդկական դարաշրջանում Կոմմագենի, Մեծ Հայք, Հռոմ, «Վեմ» համահայկական հանդես 7 (Ժ), թիվ 3(39), հուլիս-սեպտեմբեր, – Երևան, 2012, էջ 31–65; 6) Очерки политической истории Софены (Цопк) и Коммагены эллинистического периода // Историческое пространство. Москва, 2013; 7) Рито-

соответственно, Коммагене. В Коммагене создателем такого теогосударства стал Митридат I Каллиник, а в Киликии – Зеникет. Характерно, что ещё задолго до Митридатовых войн, в Киликии возникло сразу несколько подобных государственных образований, процветавших благодаря торговле и каперству (граница между пиратством и морской торговлей вплоть до XVIII века была весьма зыбкой). Восточное Средиземноморье сделалось вотчиной сразу нескольких морских вождей. Источники сохранили имена некоторых из них. Так, античные авторы упоминают некоего Исидора, который совершал свои рейды в морях между Пелопоннесом и Киреной, позднее, во время войны с Римом, он предоставил царю Понта 13 отборных квинкверем. В западной оконечности Малой Азии хозяйничал «разбойник Никон», из бухт Крита за добычей выходили миопароны Панара и Ласфена – в силу своего выгодного стратегического расположения критяне, ещё с минойского периода, стремились держать под своим контролем всю восточную оконечность Средиземного моря. Но всех их превосходил могуществом, предприимчивостью, богатством и славой Зеникет. Его корабли бороздили моря от западной Сирии до восточной Италии, захаживали в дельту Нила и Понта Эвксинского.

Эти отчаянные мореходы были выходцами из разных концов эллинистического Средиземноморья. Римская экспансия согнала из отчего края тех, кто не хотел мириться с римским владычеством. Единственным местом, где можно было избежать встреч с обнаглевшими из-за абсолютной безнаказанности римскими чиновниками, повсеместно доводившими

рика на вершинах Тавра // Критика и семиотика и герменевтика. Вып. 15, 2013. С. 31–84.

местную экономику до краха, было море¹¹¹. Находясь на грани потери суверенитета эллинистические государства и тем более превратившиеся в римские провинции страны, были вынуждены распускать армию и флот, чтобы не провоцировать римлян. Поэтому немало людей, некогда занятых во флотах, оказалось невостребованными. Большинство из них, даже при желании не могли служить завоевателям, римляне в этот период не стремились к наращиванию флота и не особо доверяли чужакам. И лишь врата Киликии, жители которой с древнейших времён отличались свободолобием и тягой к морским авантюрам, оказались для них открытыми. Лишённые средств к существованию и доведённые до отчаяния, оторванные от родины и привычного образа жизни, они «стали искать себе пропитание не на суше, а на море, вначале на лёгких разбойничьих судах и полуторках, а затем стали плавать уже на биремах и триерах, причём у них были разбойничьи военачальники, как в настоящей войне. Они нападали на неукреплённые города, стены других городов они или подкапывали, или разбивали, или брали штурмом и разграбляли, а людей побогаче отвозили до пристаней в расчёте на выкуп. И эти доходы, обижаясь уже на прозвание пиратов, они называли военным жалованьем. Они имели ремесленников, насильно приставленных, и

¹¹¹ Dell H. J. The origin and nature of Illyrian piracy / H. J. Dell. In: *Historia*, 1967, vol. 16. 344–358; Gabba E. Roman politics and Eastern Mediterranean piracy from the 3rd century BC to the 1st century BC [Lang.: Italian] / E. Gabba. In: *Athenaeum-Studi Periodici di Letteratura e Storia dell' Antichita* vol. 84, 1996. nr. 1.

постоянно лес, медь, железо, свозя все это вместе» [App. Mithr. 92]¹¹².

Эти лёгкие на подъём люди, среди которых было немало опытных моряков, прекрасно разбиравшихся в тонкостях судоходства и тактике абордажного боя, стали основой каперского флота¹¹³. Согласно Плутарху, «флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также искусством кормчих, быстротой и лёгкостью кораблей, предназначенных специально для этого промысла» [Plut. Pomp. 24]¹¹⁴. Киликия во все времена притягивала беженцев¹¹⁵ и эмигрантов, спасающихся от всевозмож-

¹¹² Здесь и далее тексты печатаются по изданиям: *Аппиан Марцелин. Митридатовы войны. Сирийские дела. Пер. и комментарии С. П. Кондратьева*. ВДИ, 1946. № 4; *Аппиан. Римские войны*. С. Петербург, 1994.

¹¹³ Hamilton E. Sea wolves of the Mediterranean. London, 1910; *Gabbert J. J. Piracy in the early Hellenistic period: a career open to talents* / J. J. Gabbert. In: *Greece & Rome*, Vol. 33, 1986. Pp. 156–163.

¹¹⁴ Текст приводится по изданию: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания* в двух томах. Издание второе, исправленное и дополненное. Т. II. Москва, 1994.

¹¹⁵ Так, в XI в. из-за недалёковидной антиармянской политики Византийских императоров армянского же происхождения (Василий II, Константин IX Мономах и др.) Армения потеряла государственность и началась эпоха безвременья. Положение усугубилось после поражения объединённых ромейско-армянско-грузинско-варяжских сил под Маназкертом (Манцикерт) в 1071 г., закончившегося пленением василевса Романа IV Диогена. Главной причиной историки считают плохую организацию разношёрстного ромейского войска, несогласованность действий командного состава и предательство половцев-куманов, ещё в начале сражения перешедших на сторону противника. Последствия были катастрофическими – Армянское нагорье и значительная часть Малой Азии были захвачены сельджуками (одна из ветвей туркмен) и курдами. После этого был запущен процесс интенсивной тюркизации Атропатены, Армянского нагорья и Малой Азии. Экономика региона пришла в упадок. Начался отток населения в Малую Азию, Коммагену и Киликию.

ных деспотий. Для большинства изгнанников и диссидентов Киликия стала вторым домом и форпостом для борьбы с ненавистным Римом. *«Гнусная роскошь пиратов возбуждала скорее отвращение, чем ужас перед ними: выставляя напоказ вызолоченные кормовые мачты кораблей, пурпурные занавесы и оправленные в серебро весла, пираты словно издевались над своими жертвами и кичились своими злодеяниями. Попойки с музыкой и песнями на каждом берегу, захват в плен высоких должностных лиц, контрибуции, налагаемые на захваченные города, – все это являлось позором для римского владычества»* [Ibid].

Оказавшись на благодатной почве, используя географические и стратегические преимущества этой небольшой приморской страны, киликийские армяне создали мощную колонию, чьи предводители, воспользовавшись удобной политической ситуацией (слабость Византии и Крестовые походы, отвлекшие на себя основные силы мусульман), воссоздали на новой родине армянскую государственность, получившую международное признание. Так, Левон I Рубенид, при посредничестве Папы Целестина III, получил корону от императора Священной Римской империи Генриха VI (преемника Фридриха Барбароссы, утонувший при переправе через горную реку на границе Киликийской Армении) и был возведён в царское достоинство, после чего его власть признал также император ромеев. В годы правления киликийских армянских князей и царей экономика страны пережила небывалый для средневековья подъём, а древняя армянская культура, вобрав элементы культур сопредельных Киликии народов (византийцев, сирийцев, арабов и франков-крестоносцев), поднялась на новый этап своего развития. Так возникло Киликийское армянское царство, просуществовавшее до 1375 г. Характерно, что в XIV в., будучи захвачена турками-османами, Киликия плохо вписалась и в Османскую империю – здешние армяне постоянно проявляли центробежные настроения и поднимали восстания, которые, как правило, заканчивались победами киликийцев и уступками правительства Высокой порты. Начиная с XIV в. Киликия всегда пользовалась значительной автономией, а киликийские христиане имели профранцузскую ориентацию.

Симптоматично, что особую ненависть и презрение у киликийцев вызывали собственно римляне, и вряд ли это было следствием козней Митридата, как пытаются представить дело некоторые античные и современные авторы¹¹⁶. Неприязнь к потомкам Ромула была повсеместной и потому нехватки в «новобранцах» каперы не испытывали. При этом киликийские «робин гуды» не довольствовались заурядными грабежами на море и, по возможности, во время пиратских рейдов старались разыгрывать импровизированные театральные действия, целью которых было обесчестить римлян, тем самым десакрализировав их власть и дискредитировав их империю. Так, Плутарх с негодованием повествует о том, что *«...чаще всего пираты совершали злодеяния против римлян; высаживаясь на берег, они грабили на больших дорогах и разоряли имения вблизи от моря. Однажды они похитили и увезли с собой даже двух преторов, Секстилия и Беллина – в окаймлённых пурпуром тогах, со слугами и ликторами. Они захватили также дочь триумфатора Антония, когда она отправлялась в загородный дом; Антонию пришлось выкупить ее за большую сумму денег». Однако самым наглым их злодеянием было вот какое: когда какой-нибудь пленник кричал, что он римлянин, и называл своё имя, они, притворяясь испуганными и смущёнными, хлопали себя по бёдрам и, становясь на колени, умоляли о прощении. Несчастный пленник верил им, видя их униженные просьбы. Затем одни надевали ему башмаки, другие облачали в тогу, для того-де, чтобы опять не ошибиться. Вдоволь поиздевавшись над ним таким образом и насладившись его муками, они, наконец, спускали среди моря сходни и приказывали высаживаться, желая*

¹¹⁶ Хлевов А. А. Морские войны Рима. Санкт-Петербург, 2005.

счастливого пути, если же несчастный отказывался, то его сталкивали за борт и топили» [Plut. Rompr. 24]. Остальных же высаживали на берег и отпускали восвояси, ещё подкинув денег на дорогу. Желающих присоединиться к братству приватиров брали на борт, заплатив щедрую предоплату. Флибустьеры, по сути, разыгрывали спектакль в духе античной драмы, где гибрист, глумитель в конце постановки неизбежно превращается в фармака, искупительную жертву подземным (в данном эпизоде, морским) богам.

Каперы искренне негодовали, когда их называли разбойниками. Сами они равняли себя эллинистическим монархам. Аппиан по этому поводу пишет: «Их дух поднимался от получаемой прибыли; уже не считая своего занятия разбоем, они приравнивали себя к царям и тиранам, считали себя большим военным лагерем и полагали, что, объединившись, они будут непобедимыми; они сами себе строили корабли и производили оружие» [App.: Mithr. 92]. А свою добычу киликийские приватиры справедливо считали военным трофеем и гордились им так же, как римляне хвастались награбленным после каждой удачной военной кампании¹¹⁷.

Каперы провозглашали и искренне считали, что ведут с Римом партизанскую войну на море, которую, за неимением лучшего термина, мы назвали каперской. Что касается термина «пират», то по отношению к большинству киликийцев он нам

¹¹⁷ Чем больше трофеев привозил в Рим тот или иной удачливый полководец, тем большего почёта он удостоивался. См.: Jackson A. H. 1) Privateers in the ancient Greek world / A. H. Jackson. In: War and society: historical studies in honour and memory of J. R. Western 1928–1971 / Foot, M. R. D. (ed.). London, 1973. 241–253; 2) War and raids for booty in the world of Odysseus / A. H. Jackson In: War and society in the Greek world / J. Rich, G. Shipley (eds.). London, 1993. P. 64–76.

представляется не совсем корректным. Голландско-немецкий термин капер¹¹⁸ как нельзя лучше отражает подлинную сущность киликийцев и их войны против Рима. Поясним: в древности считалось, что частное лицо или группа людей, материально потерпевшее от врагов, могли самочинно, под свою ответственность, возмещать ущерб за счёт неприятеля на суше и на море¹¹⁹. Никто в этом не видел ничего предосудительного, взыскивать талион (от лат. *talio* – «такой же», «схожий») было легитимно и справедливо: эта традиция корнями уходит в глубокую архаику и воспринималась как категория равного возмездия, воздаяния за равное по силе преступление¹²⁰.

Правда, каперам позволялось искать отмщения и компенсировать понесённые от врагов убытки только имея специальную авторизацию властей, в Средние века больше известную

¹¹⁸ Во Франции их называли корсарам, а в Англии – приватирами. подробнее об этом см.: Marrin A. The sea rovers: pirates, privateers, and buccaneers. New York, 1984.

¹¹⁹ Fabey M. 1) Pirates private and public / Michael Fabey. In: Traffic World, vol. 256, nr.10, 1998. (Dec 7). P. 26; 2) Bad times spur pirates / Michael Fabey. In: Traffic World, vol. 257, 1999 Feb 22, nr. 8. Pp. 42–43.

¹²⁰ Классической считается ветхозаветная формула Талиона: «душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу» (Втор.: 19, 21). Генетически талион восходит к временам кровной мести, и предполагал коллективное возмездие за совершенное преступление. Весь родовой коллектив нес ответственность за правонарушение, совершенное его членом. Вместе с тем, род обязан был мстить за смерть или страдания, причинённые одному из его членов. См.: Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Второе издание, исправленное и дополненное. Москва, 1998: 209–213; Апресян Р. Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // Вопросы философии, № 3. Москва, 2001. С. 72–84; Апресян Р. Г. Талион: его восприятие и видоизменения в христианстве и исламе // Сравнительная философия: Моральная философия в контексте многообразия культур / Отв. ред. М. Т. Степанянц. Москва, 2004. С. 221–229.

под названием *репрессалия*¹²¹ – своего рода каперский патент, выдаваемый корсару при условии, что он будет регулярно платить пошлину в казну покровительствующего ему сюзерена¹²². Особняком от каперов стоят рейдеры. «Цель рейдера та же, что и корсара. Но если пират обогащается сам, а корсар делится добычей с владельцем судна и правительством, то рейдер состоит у правительства на службе и в распределении прибылей участвовать не должен. И ещё одно различие: корсары и пираты редко топят судно, предварительно не обобрав его. Это противоречит самому духу их ремесла. Рейдер может просто уничтожать суда противника, не очищая их трюмы. Рейдерство свойственно в основном новому времени, когда стало ясно, что убыток противника – всегда прибыль»¹²³.

Однако сами римляне называли киликийцев морскими разбойниками, пиратами, действующими на свой страх и риск¹²⁴.

¹²¹ Грамота на репрессалии (фр. *lettre de représailles*). Выдача таких разрешений для действия на суше прекратилась ещё в Средние века, но из *lettres de représailles* развились каперские патенты (фр. *lettre de marque*, буквально *грамота-отметка*), с помощью которых правительства пытались контролировать действия своих подданных – частных судовладельцев, старавшихся, во время войны навредить неприятелю на море. Платой за их патриотизм была захваченная добыча, которая полностью переходила в их собственность.

¹²² Haywood J. Dark age naval power: a re-assessment of Frankish and Anglo-Saxon seafaring activity / John Haywood. London, 1991; Hebb D. D. Piracy and the English Government, 1616–1642 / David Delison. Aldershot, 1994; Heeres W. G. From Dunkirk to Danzig: shipping and trade in the North-Sea and the Baltic 1350–1850 / ed. by W. G. Heeres ... [et al.]. Hilversum, 1994.

¹²³ Можейко И.В. Пираты, корсары, рейдеры: очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях, XV–XX века. Москва, 1991. С. 5.

¹²⁴ Ormerod H. A. Piracy in the ancient world. An essay in Mediterranean history. Original edition University Press, Liverpool 1924; Hoppe E. O. Pirates, buccaneers and gentlemen adventurers. Barnes & Noble Bookstore in East Brunswick, NJ, 1972.

Латинское *pirata* происходит, от греческого *πειρατής*, одноко-ренного с *πειράω* («пробовать, испытывать»). Таким образом, изначальное значение лексемы было «пытающий счастья», «джентльмен удачи». Конечно же, римская юридическая мысль отлично знала в чём различие между пиратством и каперством¹²⁵, но римские политики и вторящие им ангажированные историографы, вроде Плутарха, намеренно квалифицировали их действия как заурядный грабёж и мародёрство¹²⁶, а самих киликийцев прозывали разбойниками (распространённая во все времена практика). Это делалось для того, чтобы лишить их борьбу с Римом идейной подоплёки.

Мы исходим из того, что киликийские каперы феноменологически сопоставимы с греческими морскими клефтами и арматолами времён туркокрации (османское правление)¹²⁷ или голландскими и зеландскими морскими гёзами эпохи Филиппа II. Как и некогда киликийские каперы, бежавшие из родных

¹²⁵ Первый пример такого рода репрессалий на море содержится в описании путешествия египетского жреца Уну-Амона (XII в. до Р. X.). В хананском городе Дор (современный Израиль), принадлежавшем «народу чекер» (возможно, тевкры или сикулы), Уну-Амон был ограблен капитаном своего корабля. Потребовав возмещения убытков у градоправителя Дора, Уну-Амон получил отказ, тогда он сам взыскал убытки, ограбив первый встречный чекерский корабль.

¹²⁶ De Souza Ph. Piracy in the Graeco-Roman world / Philip de Souza. Cambridge, 1990; De Souza Ph. Piracy and Republican politics, review of Pohl / Philip de Souza. In: Classical Review, vol. 45, 1993; De Souza Ph. Greek Piracy / Philip de Souza. In: The Greek World / A. Powell (ed.). London, 1995. Pp. 179–198; Rauh N. K. Who were the Cilician pirates? / N.K. Rauh. In: Res maritimae: the cities on the sea. Chicago, 1998.

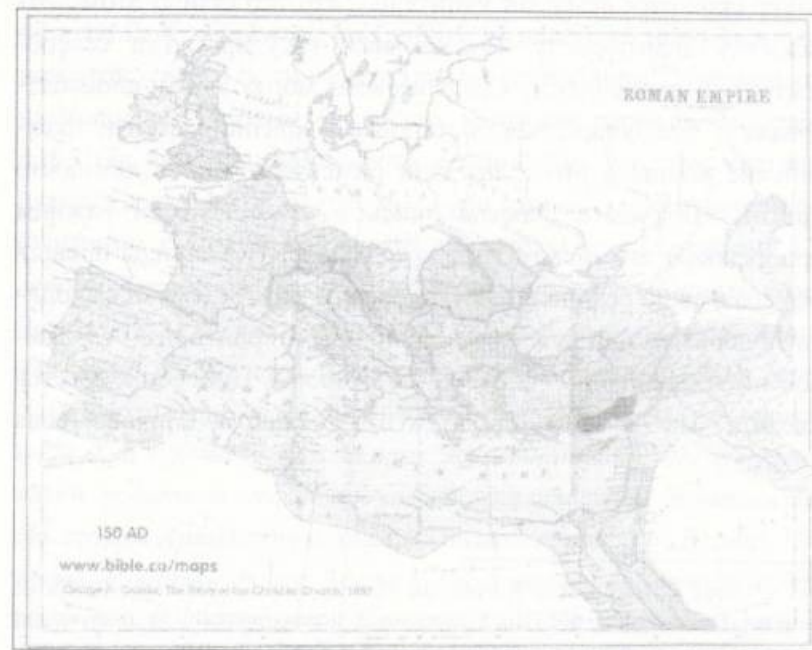
¹²⁷ Vasdravellis J. K. 1) Piracy on the Macedonian coast during the rule of the Turks / John K. Vasdravellis; transl. by T. F. Carney. Thessaloniki, 1970; 2) Klephts armatoles and pirates in Macedonia during the rule of the Turks, 1627–1821 / John K. Vasdravellis. Thessaloniki, 1975.

закраин от поборов и беззакония, чинимых римскими квесторами, проконсулами и пропреторами, нидерландские гёзы спасались бегством от «бешенства» солдат Альбы и гонений инквизиции. Стоять грудью на суше против инфантерии испанских Габсбургов было так же самоубийственно, как драться с римскими легионерами периода расцвета империи. Единственным пристанищем для гёзов могли стать леса или бескрайние морские просторы. Здесь, месяцами не получавшая жалования, разнузданная испанская солдатня и алчные вельможные чиновники не могли добраться до них, чтобы взимать с протестантских бюргеров *аль кабау* и другие регрессивные средневековые налоги. В условиях военной оккупации их родины гёзам ничего иного не оставалось, кроме как заняться каперством, атакуя суда своих врагов, грабить то, что у них самих когда-то было отобрано испанцами¹²⁸. Само название гёзов (нидерл. Geuzen, фр. Les Gueux, буквально – «нищие», «оборванцы», также «бездомные») должно было послужить оправданием роду их деятельности и показать, что в результате бесчинств и грабежей испанцев они обнищали и потеряв кров над головой, лишь возвращают утерянное имущество. Война и торговля раскидала голландских каперов по всему миру. Так, на атлантическом побережье Нового света, на юге Африки и др.¹²⁹ возникло много кальвинистских колоний, некоторые из

¹²⁸ Egmond F. Underworlds: organized crime in the Netherlands 1650–1800 / Florike Egmond. Cambridge, 1993.

¹²⁹ Edmundson G. Anglo-Dutch Rivalry During the First Half of the Seventeenth Century: Being the Ford Lectures, Delivered at Oxford in 1910.

коих, со временем отпочковались от метрополии и превратились в самостоятельные государства¹³⁰.

Киликия на карте римской империи*

2. *Первое издание каперского государства. Зеникет.* Среди каперских государств (не первым и не последним в мировой истории) особое место занимает царство Зеникета (Ζηνικέτης) в

¹³⁰ Baetens R. The organization and effects of Flemish privateering in the seventeenth Century / R. Baetens In: Acta Historiae Neerlandicae, 9, 1976. Pp. 48–76; Baer J. H. The Complicated Plot of Piracy // Eighteenth century: Theory and Interpretation. Johns Hopkins University Press Vol. 23. 1982. Pp. 3–28.

* Источник: George R. Crooks, The Story of the Christian Church, 1897 (www.bible.ca/maps) Дата обращения: 12.12. 2022.

Киликии¹³¹. Промышляя на морях в качестве корсара и купца (ведь торговля и разбой в древности шли рука об руку)¹³², Зеникет сколотил немалый капиталец, что позволило этому отважному авантюристу создать своё государство в северо-восточной оконечности Средиземного моря. Этому способствовала и международная обстановка – кризис власти и гражданские войны в Риме, неудачи римской армии в кампании против Митридата. Закрепившись в стратегически важном прибрежном ликийском городе Олимпосе¹³³, Зеникет превратил его в свою резиденцию. Отсюда его флот и войска выходили за добычей или для завоевания новых территорий¹³⁴. Олимпос имел древнюю и славную историю. У Цицерона имеется такой отзыв об этом городе: «Urbs antiqua et omnibus rebus

¹³¹ Feld K. *Barbarische Bürger: die Isaurier und das Römische Reich*. de Gruyter, Berlin, 2005, 67f. Хотя некоторые исследователи, на наш взгляд безосновательно, отрицают существование в Киликии каперского государства, в подлинном смысле этого слова (Avidov A. *Were the Cilicians a Nation of Pirates?* / A. Avidov In: *Mediterranean historical review*, vol.12 nr. 1, 1997. 5–55).

¹³² Casson L. *The Ancient Mariners: Seafarers and Sea Fighters of the Mediterranean in Ancient Times* / Lionel Casson. New York, 1959; *Gabrielsen V. Economic activity, maritime trade and piracy in the Hellenistic Aegean* / Vincent Gabrielsen. In: *Revue des études anciennes*, vol. 103, nr. 1–2, 2001. Pp. 219–240.

¹³³ Мы намеренно называем этот город на греческий манер Олимпосом, дабы не возникало недоразумений и путаницы в терминах.

¹³⁴ Ormerod H. A. *Piracy in the ancient world. An essay in Mediterranean history*. Original edition University Press, Liverpool 1924. Neuausgabe, 1996. P. 216; *Rauh N. K., Townsend R. W., Hoff M., Wandsnider L. Pirates in the Bay of Pamphylia: an archaeological inquiry*, in Oliver, G. J., Brock, R., Cornell, T. J., and Hodkinson, S., (eds.) *The Sea in Antiquity*, British Archaeological Reports International Series 899. Oxford, 2000. Pp. 151–180.

aucta et ornata» [Cic. Verr. II. 1. 56]¹³⁵. Другие латинские авторы, упоминая Олимпос, используют выражение *urbs clarissima*. Во времена процветания «Ликийского союза» (163 г. до Р. Х. – 43 г. по Р. Х.) Олимпос был одним из наиболее значимых членом этой, своего рода федеративной республики¹³⁶ (чем-то напоминающей союз швейцарских кантонов периода Реформации). Он был одним из шести крупнейших городов, возглавлявших союзный совет, где имел три голоса¹³⁷. Об отношениях Олимпоса с Ликийской лигой свидетельствует Страбон: «23 города Ликийского союза имеют право голоса. Жители каждого города сходятся на общее собрание, выбрав подходящий для этого по своему усмотрению город. Самые большие города располагают каждый 3 голосами, города средней величины – 2, а прочие – 1. В таком же отношении они выплачивают подати и несут прочие государственные повинности. По словам Артемидора, очень больших городов 6: Ксанф, Патары, Пинары, Олимп, Миры и Тлос; последний лежит у горного прохода, ведущего в Кибирю. В собрании совета прежде всего выбирают «ликларха»¹, а затем других должностных

¹³⁵ Текст приводится по изданию: Марк Туллий Цицерон. *Речи в двух томах*. Том I (81–63 гг. до н. э.). Издание подготовили В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1962. Перевод В. О. Горенштейна.

¹³⁶ *Larsen J. A. O. Representation and Democracy in Hellenistic Federalism*. *Cph*, 1945. 40, 65–97; *Jones A. H. M. The Cities of the Eastern Roman Provinces*. Oxford: Sandpiper Books. Original edition 1937, Oxford, 1998.

¹³⁷ Подробнее об Олимпосе и его месте в Ликийском союзе см.: *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaften* herausgegeben v. Pauly-Wissowa. B. XIII, S. 2270–2291; *Bean G. & Mitchell S. Lycia*. In: *Oxford Classical Dictionary*. Ed. S. Hornblower & A. Spawforth, 894–895. Oxford, 1996; *Özer E. The Lycian League and Olympus in Eastern Lycia (Doğu Likya'da Likya Birliğine Olympus)*. In: *Mediterranean Journal of Humanities*. 1, 2013. Pp. 211–224 (Источник: <http://mjh.akdeniz.edu.tr/enIII/>).

лиц союза. Суды они также назначают сообща. В прежние времена они обсуждали вопросы войны, мира и союзов, теперь же, естественно, это не допускается (так как эти дела неизбежно зависят от римлян), за исключением, быть может, тех случаев, когда римляне разрешают такие обсуждения или это полезно для них самих. Таким же образом они выбирают судей и должностных лиц от каждого города соответственно количеству голосов. При таком прекрасном государственном устройстве они даже под господством римлян сохранили свободу и отцовские владения» [Strab. XIV, 3. 3]¹³⁸.

Пиратская бухта на подступах к Олимпосу*

Благодаря своему расположению, Олимпос был почти неприступен. Он был построен чуть выше по течению реки, пет-

¹³⁸ Здесь и далее тексты приводятся по изданию: *Страбон. География в 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского. Москва, 1994.*

* Источник: <http://surl.li/eozra> Дата обращения: 09.12.2023.

ляющей между скал¹³⁹. Устье этой извилистой водной артерии было почти не видно из-за густых зарослей, которые намеренно не прорежались, чтобы спрятать устроенные в них засидки, охраняемые схроны с припасами и убежищами. На склонах соседней с Олимпосом горы Зеникет построил укрепленный замок с дозорной башней. Подойти к городу с суши, со стороны Тавра, было практически невозможно. Со стороны моря к городу вело узкое русло реки между скал. Это было единственное место, откуда можно было добраться до города, но суда, проникшие в русло реки с враждебными целями, могли быть подвергнуты массированному обстрелу из метательных орудий, размещенных на сторожевых башнях и специальных площадках, вырубленных в скалах и лабазах. Олимпос, пожалуй, как никакой другой город подходит под собирательное описание Аппиана, как местообитание «пиратов». «Главным местом стоянки для них всех или их лагерем была так называемая Суровая Киликия; но они имели повсеместно гарнизоны и укрепленные пункты, пустынные острова и пристани, но самыми важными пунктами они считали те, которые находились около этой самой Киликии, скалистой, не имевшей гаваней и вздымающейся высокими вершинами» [App. Mithr: 92].

¹³⁹ *Seiple E. Ch. Pirate coasts of the Mediterranean Sea. In: The Geographical Review. August, 1916. P. 141.*

Фазелис. Современный вид*

Имея столь надёжную опорную базу и мощный флот, Зеникет без труда расширил пределы своих владений, распространив свою власть практически на всё побережье восточной Ликии от Памфилии до Священного мыса. Его власть распространялась на крупные портовые города Фазелис и Корикос с его знаменитой гаванью и шафрановой рощей. Суверенитет Зеникета признал также город Аперия, удобно расположенный в бухте напротив Симены. Вероятно, под начало Зеникета перешли и многие другие, находящиеся по соседству города¹⁴⁰, о чём имеются свидетельства Цицерона [Cic. Leg. Agr. II, 50; Cic. Verr. II, 4, 21], Саллюстия [Sall. Hist. I, 127–132; II, 81–86], Страбона [Strab. XIII, 4, 17; XIV, 4, 7] и таких поздних авторов, как Флор, Евтропий и Орозий.

Среди городов, добровольно примкнувших к Зеникету, были Ороанда и Кибира. Последний был разгромлен преемником

* Источник: <https://clck.ru/33P4A4> Дата обращения: 09.12.2023.

¹⁴⁰ Özer E. The Lycian League and Olympus in Eastern Lycia (Doğu Likya'da Likya Birliğive Olympus). In: Mediterranean Journal of Humanities.1, 2013. Pp. 211–224 (Источник: <http://mjh.akdeniz.edu.tr/enIII/>)

Суллы – Луцием Лицинием Муреной, поэтому население города с готовностью примкнуло к набирающему мощь новому игроку, претендующему на роль морского лидера антиримской оппозиции. Кроме большинства крупных городов в восточной Ликии, молодому киликийскому государству подчинились Аталия и другие области Памфилии. Зеникет стремился (хотя и безуспешно) подчинить своему влиянию и на западную Ликию.

Однако далеко не все готовы были признать легитимность новообразованного киликийского государства и его харизматичного властителя. Подобно другому знаменитому правителю этого края Левону II Рубениду (1187–1219), княжившему в Киликии спустя двенадцать веков, Зеникет понимал, что для международно-правового признания недостаточно быть богатым и просвещённым, и даже сильная армия и флот не всегда являются залогом того, что другие государства захотят признать новое государственное образование субъектом международного права. Для юридического обоснования своих полномочий Зеникету прежде всего нужен был своего рода мандат – царская диадема. Поэтому он решает обратиться к Додонскому оракулу – второму сакральному авторитету в греческом мире. Во время археологических раскопок Додонского святилища был найден стригиль с предсказанием, данным Зеникету коллегией жрецов:

«Царю Зеникету храм Зевса Наоса и святилище Дионы провозглашают:

*Будут дела и торговля во все времена безопасны,
Смелой рукою своей пока ты господство удержишь.*

В жизни конце ты почёт обретёшь, чужеземец»¹⁴¹.

Хотя, как и большинство киликийцев, Зеникет, очевидно, был митраистом, ему было важно, чтобы царская диадема самого могущественного киликийского правителя была освящена именно додонскими жрецами¹⁴², предсказавшими его государству процветание, а ему самому – почёт и признание¹⁴³. Зеникет справедливо полагал, что царский титул поможет ему в дальнейшем собирании и консолидации киликийских горных князей и морских баронов. Провозгласив себя царём, Зеникет, как и положено суверенному эллинистическому монарху, начал чеканить серебряные деньги (благо, в драгметаллах дефицита он не испытывал), по типу монет Ликийской лиги¹⁴⁴.

О том, что Зеникет и его сподвижники были митраистами недвусмысленно указывает Плутарх: «число разбойничьих кораблей превышало тысячу, и пиратам удалось захватить до четырёхсот городов. Они разграбили много неприкосновенных до того времени святилищ – кларосское, дидимское, самофракийское, храм Хтони в Гермione, храм Асклепия в Эпидавре, храмы Посейдона на Истме, на мысе Тенаре и на Калаврии, храмы Аполлона в Акции и на Левкаде, храмы Геры на Самосе, в Аргосе и на мысе Лакинии. Сами пираты справляли в Олимпе странные, непонятные празднества и совершали какие-то

¹⁴¹ Peek W. Orakelaus Dodona für den Piratenkönig Zeniketes. In: Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 30. 2013. Pp. 247–248.

¹⁴² Характерно, что для легитимизации своей власти на западе Левон II, по сути, поступил аналогичным образом, будучи адептом ААЦ, он, тем не менее, обратился к Папе Римскому и получил от него корону.

¹⁴³ De Souza Ph. Romans and pirates in a late Hellenistic oracle from Pamphylia / Philip de Souza. In: Classical Review. Vol. 47, 1997. Pp. 477–481.

¹⁴⁴ Troxell H. The Coinage of the Lycian League, №№ 42, 47 etc. / Numismatic Notes and Monographs No. 162, ANS, 1982.

таинства; из них до сих пор ещё имеют распространение таинства Митры, впервые введённые ими» [Plut. Pomp., 24].

Олимпос. Амфитеатр. Современный вид*

Характерно, что «киликийцы», «сицилийцы», «критяне» и прочие каперы не чтили традиционных эллинских богов и римских пенатов, потому бесцеремонно и безбоязненно грабили их храмы и святилища. Очевидно, они не опасались гнева старых богов, поскольку за спиной у корсаров стоял древний как мир и одновременно молодой Митра Непобедимый, на него полагались, его почитали как единого и сущего бога выступившие против римской экспансии харизматичные лидеры эллинистического мира. По сути каперы взяли на вооружение не просто очередную языческую религию, а вполне в духе своего времени, синкретическую, эсхатологическую, сложную этичес-

* Источник: <http://surl.li/eozpx> Дата обращения: 09.12.2023.

кую религиозную доктрину, способную сплотить вокруг единой цели самых разных людей. Адепты новой монотеистической религии своей главной задачей считали активное участие в смертельной борьбе Добра и Зла. Победа над Злом должна была привести к установлению Царства добра и справедливости на земле. Рим в большинстве переднеазиатских эллинистических стран воспринимался как воплощённое Зло, и война против него была священной. (Мы думаем, идея Священного джихада была заимствована пророком Мухаммедом у зороастрийцев (манихеев) и митраистов).

Всё это, естественно, вызывало раздражение в Капитолии. Ещё со времён Пунических войн Рим, стремящийся превратить Средиземное море в своё внутреннее озеро и монопольно контролировать потоки товаров и денег, не мог допустить появления в Средиземном море столь динамичного и целеустремлённого конкурента, стремящегося взять под свой контроль важнейшие экономические и стратегические узлы этого региона. Именно до Фазелиса и Корикоса тянулись караванные магистрали из Китая и Центральной Азии. Кроме того, Киликия и Коммагена (особенно приевфратские перевалочные пункты на её восточной границе) были важнейшими развязками на пути протекания этих товаров и денег. Для Рима было крайне важно закрепиться на киликийском побережье и вытеснить на периферию, вплоть до Евфрата, всех игроков. В дальнейшем римляне рассчитывали взять под свой полный контроль также караванный тракт от Киликии до Селевкии на Тигре.

До начала Митридатовых войн, в период наместничества Луция Корнелия Суллы и Квинта Оппия, в источниках нет упоминаний о пограничных конфликтах между людьми Зеникета и римскими погранпостами в Каменистой Киликии. Очевидно в

начале своего правления новоиспечённый эллинистический монарх старался не пересекаться с римлянами, обосновавшимися на юге Малой Азии, по соседству с его вотчиной. некогда дерзкий морской авантюрист остепенился, обзавёлся семьёй, окружил себя роскошью и предметами искусства. Его резиденция стала образцом церемониального общества и мало чем отличалась от эллинистических дворов Митридата VI Понтийского, Тиграна II Армянского или Антиоха I Коммагенского. Однако Зеникет всё более явственно ощущал за спиной дыхание Рима. Повидавший виды царь каперов отчётливо понимал, что войны с милитаристским Римом не избежать. Римская республика переживала очередной экономический и политический кризисы и нуждалась в новых денежных вливаниях. Известно, что экономические трудности Рим привык решать с помощью войн¹⁴⁵, и Киликия была той лакомой добычей, на которую нацелился Капитолий. Легитимное обоснование начала военной операции тоже имелось – искоренение пиратства в восточной оконечности *Rex Romana*. Поэтому, не дожидаясь пока Рим разгромит своих конкурентов поодиночке, Зеникет решил примкнуть к антиримской коалиции Митридата, и нанести удар первым там, где его не ждут. Эта каперская тактика всегда приносила ему успех.

Напомним, что тогда же Тигран II Армянский не поддался на уговоры знаменитого ратора Метродора Скепсийского, посланного Митридатом сагитировать Тиграна II поддержать понтийского царя в войне против Рима [Plut. Luc. 22]. Античные авторы считают Метродора виноватым в том, что армянский

¹⁴⁵ *Stevenson G. H. Roman provincial administration till the age of the Antonines. Westport: Greenwood Press, 1975.*

царь отказался присоединиться к антиримскому блоку. Красочно и достоверно описав несомое Римом зло, выдающийся представитель стремящейся стои завершил свою речь призывом к Тиграну поддержать своего союзника и тестя Митридата, предрекая, в противном случае, гибель всей Переднеазиатской эллинистической цивилизации и самой Великой Армении от рук римских варваров. Однако, в непротокольной беседе скепсисец дал понять всё ещё колеблющемуся Тиграну, что война с сынами Марса бесперспективна, Митридат обречён и его держава не устоит, поэтому Тиграну лучше не ссориться с Римом и сохранять нейтралитет. Это, видимо, совпадало с представлениями армянского царя о последствиях конфликта с империей-хищником, поэтому он решил не ввязываться в войну на истощение против находящейся на взлёте могущественной Средиземноморской державы¹⁴⁶.

Тигран II Великий*

¹⁴⁶ Маргарян Е. Г. Поиски идеального государственного устройства в эллинистической Армении: утопия и реальность. // Национальная идея. Ереван, 2008. С. 64–75.

В отличие от Тиграна, Зеникет не любил рефлексировать и в свойственной ему манере решительно и энергично начал готовиться к войне. Чтобы блокировать Рим и оборвать связь столицы с заморскими провинциями, по словам Аппиана, Митридат: «наполнил всё море от Киликии до Геракловых столпов морскими разбойниками, которые сделали все пути между городами недоступными для сношений и непроезжими и вызвали повсеместно тяжёлый голод» [App. Mithr. 93]. Хотя в источниках нет прямых свидетельств участия Зеникета в Митридатовой войне, не приходится сомневаться, что его суда сыграли определяющую роль в кампании Митридата на море¹⁴⁷. Возможно, именно он возглавлял объединённую эскадру киликийских вождей, о которых Аппиан сообщает следующее: «Когда Митридат в первый раз вступил в войну с римлянами и завладел всей Азией... на море допустил морских разбойников, которые вначале плавали, как обычно у пиратов, на небольших и немногочисленных быстроходных судах и грабили; когда же война стала затягиваться, их стало появляться больше, плавали они уже на больших кораблях» [App. Mithr. 92]. Очевидно, Зеникет усовершенствовал свои суда для борьбы с военным флотом римлян и их союзников. В его флоте появляются настоящие биремы и триремы. О том же повествует Плутарх: «Могущество пиратов зародилось сперва в Киликии. Вначале они действовали отважно и рискованно, но вполне скрытно. Самоуверенными и дерзкими они стали только со времени

* Источник: <https://vstrokaх.net/drevnyaya-armeniya/monetyi-tigrana-ii-velikogo-tsarya-tsarey/> Дата обращения: 09.12.2023.

¹⁴⁷ Maróti E. Die Rolle der Seeräuber in der Zeit des Mithridatischen Krieges / E. Maróti In: Ricerche storiche ed economiche in memoria di Corrado Barbagallo, a cura di Luigi de Rosa, Naples vol.1, 1971. Pp. 479–493.

Митридатовой войны, так как служили матросами у царя. Когда римляне в пору гражданских войн сражались у самых ворот Рима, море, оставленное без охраны, стало мало-помалу привлекать пиратов и поощряло их на дальнейшие предприятия, так что они не только принялись нападать на мореходов, но даже опустошали острова и прибрежные города... Во многих местах у пиратов были якорные стоянки и крепкие наблюдательные башни» [Plut. Pomp. 24].

3. Битва Бегемота и Левиафана. Гибель киликийского каперства. Вечный город был парализован. Рим уже давно перестал быть самодостаточным городом и полностью зависел от заморских поставок. Причём, речь шла уже не просто о восточных предметах роскоши, а о товарах первой необходимости, дешёвых, но высокого качества, импортируемых из Греции, Азии и Африки. В прежние времена римляне только слышали об этих предметах, теперь же Рим превратился в общество потребления, и целые слои населения просто представить не могли свою жизнь без восточной продукции. Но самое главное – Рим был полностью зависим от поставок хлеба из Египта, Сардинии, Сицилии и Малой Азии. В результате действий каперов заморские провинции оказались, в свою очередь, отрезанными от Рима, превратившись в практически автономные единицы, что лишь усилило их центробежные настроения.

Коммуникации – важнейшая составляющая существования любой империи¹⁴⁸. Обрубая коммуникации, Митридат закладывал под Римскую державу мину с непредсказуемым сроком действия. Занятая внутривосточной грызнёй Римская республика впервые после разгрома Карфагена упустила ини-

циативу¹⁴⁹. За неполный десяток лет под боком у Рима объявился новый мстительный и беспощадный враг, который явился, чтобы предъявить счёт империи¹⁵⁰. В определённом смысле этот враг оказался для Рима опаснее, чем Карфаген. А ведь когда-то карфагеняне также пытались применить тактику «континентальной блокады», чтобы задушить Рим, но в то время это не принесло ощутимых результатов. Теперь же всё было иначе. Киликийцы были для римлян опаснее не потому, что они были сильнее пунийцев: сам Рим был уже не тем. Вечный город потерял самодостаточность и давно превратился в гигантского спрута, живущего за счёт высасываемых из многочисленных провинций жизненных соков, и потому ставшего весьма уязвимым. Перебои с поставками зерна и некоторых видов стратегически важного сырья лихорадили экономику, а нерегулярная раздача хлеба и вина раздражала люмпенизированный плебс и накаляла обстановку в городе. Дело грозило обернуться голодными бунтами, вполне способными взорвать империю изнутри. Римская политическая элита была близка к панике. Плутарх пишет по этому поводу: «Могущество пиратов распространилось почти что на всё Средиземноморье, так что море стало совершенно недоступным для мореходства и торговли. Именно это обстоятельство и побудило римлян, уже испытывавших недостачу продовольствия и опасав-

¹⁴⁸ Parry J. H. Trade and dominion / J. H. Parry. London, 1971.

¹⁴⁹ Pohl H. Die römische Politik und die Piraterie im östlichen Mittelmeergebiet vom 3. bis zum 1. Jahrhundert v. Chr., 1993; De Souza Ph. Greek Piracy / Philip de Souza. In: The Greek World / A. Powell (ed.). London, 1995. Pp. 99–101.

¹⁵⁰ De Souza Ph. Ancient Rome and the pirates / Philip de Souza. In: History Today, vol. 51 nr.: 7, 2001. Pp. 48–53.

шихся жестокого голода, послать Помпея очистить море от пиратов» [Plut. Pomp. 25].

Однако война с каперами оказалась сложным мероприятием, куда сложнее, чем поначалу себе это представляли в Риме. Численность каперских кораблей к тому времени уже перевалила за шесть сотен. Но Риму не удавалось отловить киликийцев по другой причине. Рассеянные по морям и действующие автономно, часто месяцами не имея связи с большой землёй, манёвренные и быстроходные корабли каперов представляли собой настолько «ускользающую натуру», что охотиться за ними было занятием почти безнадёжным¹⁵¹.

Уже достаточно давно создавший свой военно-морской флот Рим, в отличие от критской, карфагенской и эллинской цивилизаций, так и не стал талассократической державой. Римляне, вплоть до гибели своей империи остались сухопутной нацией (не зря символом Рима стали дороги и акведуки); даже на море они воевали как при осаде городов и крепостей – идя на таран и беря суда противников на бордаж. Бордажные снаряды – вороны (corvi), впервые применённые Гаем Дуилием против Ганнибала Гискона в сражении при Милах, по сути, были производными от туры – штурмовой башни (*turres ambulatoriae*). Римское вооружение и боевые навыки были очень эффективны именно во время ближнего боя, на ограниченном пространстве, в сутолоке и давке, например, на палубе корабля. Однако трудность войны с каперами заключалась в том, что их корабли-призраки невозможно было догнать и захватить с помощью бордажных крюков. Зато сами каперы ис-

¹⁵¹ Baer J. H. The Complicated Plot of Piracy // Eighteenth century: Theory and Interpretation. Johns Hopkins University Press Vol. 23. 1982. Pp. 3–28.

пользовали против римлян передовые, для своего времени, технологии: обстреливали вражеские суда из метательных орудий, применяя гарпуны, ядра и горючие смеси. Вместе с тем, киликийцы всячески избегали ввязываться в ближний бой. Во время столкновений с римлянами они старались сохранять безопасную дистанцию и, нанося противнику максимальный урон, рассыпались в разные стороны и исчезали за горизонтом.

Нередко каперы плавали открыто, выдавая себя за богатых негоциантов. Наверняка некоторые корабли легально заходили в морские ворота и были официально зарегистрированы в портовых кадастрах, имея составленную по форме документацию. Некоторые корсары имели в приморских городах торговые фирмы, под прикрытием которых они сбывали свои трофеи. У каперов повсюду были информаторы, им помогали «прикормленные» римские чиновники и местные жители. В то же время по всему восточному Средиземноморью у киликийцев имелись базы с тайниками для оружия и серебра. Здесь же всегда можно было загрузить на судно товары, не вызывающие подозрения, скажем, амфоры с маслом или вином, тюки с шерстью, египетский папирус, минеральные краски, которые в случае облавы можно было предъявить патрульным или таможенным офицерам на пристани. Киликийцы словно дразнили римлян, раз за разом обставляя их во время досмотров. Средиземное море из внутреннего римского озера превратилось в озеро флибустьеров.

Аппиан так описывает операции киликийцев: «...им, как морякам, легко было благодаря своему снаряжению ускользнуть; выступали они не из родной земли, известной всем, и не имели ничего собственного и личного, но только то, что в данный момент попадало под руку. Поэтому война с ними не

была обычной, не имела ничего закономерного, ничего твёрдого или ясного; этим она вызывала чувство беспомощности и страха». «Это чувство, – добавляет российский историк А. А. Хлевов, – усугубляли регулярные промахи и провалы римских флотоводцев. Пираты не довольствовались действиями на периферии Италии, а проникали в самое уязвимое место – в Тирренское море. Такой наглости римляне не помнили со времён войн с Ганнибалом. Один из готовившихся к выходу против них в море флот они умудрились сжечь прямо в гавани Остии, т. е. буквально в двух шагах от Рима. Проконсул Мурена с вверенным ему флотом попытался вести борьбу с пиратами на море, однако практически ничего не добился – от крупных сражений разбойники, естественно, уклонялись, сами, в то же время, нанося римскому флоту ощутимый ущерб»¹⁵². Далее он пишет: «Под контролем разбойников находилось не менее четырёх сотен приморских городов; флот пиратов насчитывал в общей сложности более тысячи судов разных классов. Не будет преувеличением сказать, что к 70–69 гг. до Р. Х. пиратские силы находились в наивысшей точке своего развития. В довершение всего Рим постигла ещё одна беда. Знаменитое восстание Спартака, встряхнувшее всю Италию, происходило именно в 73–71 гг. до Р. Х. Его подавление потребовало от римлян невероятного напряжения сил, и относительно спокойный тон античных авторов, которые порой как бы бесстрастно и отстранённо описывают происходящие события, не должен вводить нас в заблуждение. Если только представить себе положение, в котором оказалось государство, то становится страшно. Незаконченные войны на Востоке, разгул пиратства, жесто-

¹⁵² Хлевов А. А. Морские войны Рима. Санкт-Петербург, 2005. С. 326.

чёрная политическая борьба группировок знати в самом Риме, бесчинствующие по всей Италии гладиаторы – всё это поставило страну на грань гибели. Решать все проблемы одновременно было просто просто невыносимо – нужно было определяться с приоритетами»¹⁵³.

Лишь огромным напряжением сил Риму удалось сломить сопротивление хорошо организованных и отчаянно сражавшихся за каждый опорный пункт каперов. Причём, поражение киликийцев, прежде всего, было обусловлено разгромом сухопутных армий Митридата – их главного союзника. Зеникету и его федерату – тирану Кибире Моагете в горной части Ликии пришлось драться с двумя легионами легата Суллы Луция Лициния Мурены, который штурмовал Киликию с суши и с моря. Кампания планировалась с огромным размахом. На море новый наместник Рима на Востоке собрал весь флот греческих сателлитов. Только Милет выставил с десятков военных судов, хорошо оснащённых и укомплектованных опытными матросами [Cic. Verr. II, 1, 89–90]. Разбив Моагету, легионеры Мурены вплотную подступили к владениям Зеникета со стороны суши [Strab. XIV, 4, 17. 11]. Однако неожиданно легат изменил направление столь удачно начавшейся для Рима военной операции. Не выполнив поставленной перед ним задачи, Мурена самочинно развернул свои легионы на Каппадокию. Это был стратегической ошибкой.

В просчётах Мурены античные авторы винят Архелая, прибеглого опального офицера Митридата, убедившего римского проконсула напасть на Понт. перебросив силы из Киликии в соседнюю Каппадокию и спровоцировав здесь погранич-

¹⁵³ Там же.

ный конфликт, Мурена рассчитывал выбить дополнительные силы из метрополии и развязать новую войну против Митридата. Но Сулла счёл момент для очередной войны неподходящим, и не стал потакать амбициям Мурены. Не получив подкрепления Мурена был отброшен, и Сулла в 81 г. отозвал его в Рим, вторично заключив с Митридатом мирный договор [App. Mithr. 64]. Так, на этом этапе противостояния, Зеникету удалось избежать решающей битвы с Римом и получить отсрочку для подготовки к войне, но на этот раз на своей территории. Вместе с тем, нападение Мурены развеяло всякие иллюзии по поводу истинных намерений Рима относительно Киликии, которая должна была быть завоёвана и включена в состав империи. По всему периметру Средиземного моря не должно было быть ни пяди неподконтрольной Риму земли.

Поэтому уже год спустя, для подготовки полномасштабного вторжения в Киликию был направлен новый проконсул Гней Корнелий Долабелла, за год до этого исполнявший должность претора. Как сообщает Цицерон, сенат поручил ему аннексировать «*Милиаду, Ликию, Памфилию, Писидию и всю Фригию*» [Cic. Verr.: II, 1, 95], на тот момент находящихся в подчинении Зеникета или его союзников. Однако, Долабелла вымогательствами, насилием и открытыми грабежами, проводимыми по его заданию квестором Маллеолой и особенно легатом (позже – проквестором) Гаем Лицинием Верресом, настроили против себя местное население, которое предпочло поддержать «разбойника» Зеникета, а не прибывших «восстановить закон и порядок» римлян. Как видно из знаменитой речи Цицерона, захватчики, не считаясь с религиозными чувствами местных жителей, грабили храмы и святыни, вывозя на грузовых кораблях в Рим статуи богов и произведения искусства

[Cic. Verrem II. 4], создаваемые местными мастерами на протяжении столетий. Оккупанты врываются в дома к частным лицам и брали всё самое ценное, или просто то, что им приходилось по нраву. Всё это напоминает «испанское бешенство» солдат Альбы 1576 г. в Антверпене.

Плутарх наивно вопрошает, почему в это время «...многие люди, состоятельные, знатные и, по общему суждению, благоразумные, начали вступать на борт разбойничьих кораблей и принимать участие в пиратском промысле, как будто он мог принести им славу и почёт...» [Plut. Pomp. 24]. Думается, ответ очевиден.

Однако ещё недавно марианец, а ныне сулланец Веррес, отличился не только в Киликии и Сирии, но и в Сицилии, куда, благодаря своим связям, был назначен наместником¹⁵⁴. Согласно Цицерону, оказавшиеся в этих краях высокопоставленные римские чиновники буквально потеряли голову от невиданных дотоле богатств и, уверенные в своей безнаказанности, так увлеклись поборами, что забыли о том, для чего их сюда послали [Cic. Verr. II, 5, 66, 79]. Кампания против Зеникета протекала вяло [Cic. Verr. II, 1, 73] и, скорее всего, закончилась поражением римлян. Поэтому легат Веррес казнил [Cic. Verr. II. 5] командиров кораблей (очевидно, в основном местного происхождения, но имевших римское гражданство), свалив на них вину за свои фиаско. Из-за многочисленных поражений Долабелла и Веррес были до срока отозваны в Рим, где политические со-

¹⁵⁴ Maróti E. Piracy around Sicily at the time of C. Verres' propraetorship [title transl. from Greek] // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, vol. 4, 1956. Pp. 197–210.

перники уже выдвинули против них обвинения¹⁵⁵. Несмотря на единодушную поддержку римского нобилитета, не желавшего создавать прецедент, Цицерон добился обвинительного приговора: в качестве наказания Долабелла должен был вернуть сицилийцам часть награбленного, особенно похищенные святыни. Марк Аврелий Скавр, на основе показаний Верреса, смог выдвинуть обвинения против Долабеллы, который выплатил штраф в три миллиона сестерциев, что составляло лишь малую часть награбленного [Cic. Verr. II, 1, 97]. То, что вытворяли Веррес и Долабелла было в порядке вещей, и в прежние времена никто за подобные действия не понёс бы ответственности, но в этот раз в столице намеренно решили дать ход делу. Рим готовился к крупной кампании на море и нуждался в союзниках. В метрополии было решено преподнести грабежи и пограбление святынь римской солдатней как частный случай, не сопряжённый с подлинным отношением римлян к покорённым странам. Поэтому власти решили дистанцироваться от зарвавшегося чиновника и, пока не будет покончено с каперами, постараться не провоцировать новых коррупционных скандалов. И все же возникает впечатление, что Долабеллу и Верреса наказали не за открытые грабежи, коррупционные действия и казни невинных, а прежде всего, за провалы в войне с киликийцами [Cic. Verrem I]. Одержжи они победу, все бы сошло им с рук.

Чиновники понесли не очень строгие наказания. Оставалось найти в Риме некоррупцированного сменщика. Оказалось, что такой есть – в 79 г. до Р. Х. новым заместителем Ки-

¹⁵⁵ *Абрамзон М. Г.* Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н. э. – 74 г. н. э.). Перевод В. О. Горенштейна. СПб., 2008. С. 64–65.

ликии был назначен консул Публий Сервилий Ватия, после покорения исавров получивший агномен Исаврик. Ему было поручено возобновить боевые действия против Зеникета и переломить ход войны в пользу Рима [Amm. Marc. XIV. 8. 4; Livy. Per. XC.XCIII; Frontin. Strat. III. 7.1; Flor. Epit. I. 41; Eutr. VI. 3; Vell. II. 39; Cic. Leg. Agr. I. 5, II, 50; Verr. I. 56; II. 1. 21; 3. 21; 4. 22; 5. 79; Strab. XIV. 3. 7; Oros. Hist. V. 23].

Руины акведука Фазелиса*

Путь Сервилия к Олимпосу, столице Зеникета, оказался непростым. Вначале ему пришлось осадить Фазелис. Однако первый приступ не принёс успеха. После марша по горам утомлённая армия попыталась штурмом захватить город, но атака быстро захлебнулась. Подобно своим предшественникам, Сервилий начал кампанию с неудач, римляне в который раз недооценили противника. Именно об этом этапе военной операции пишет Саллюстий: «...утомлённый, он отступил в

* Источник: <http://surl.li/eozui> Дата обращения: 09.12.2023.

Памфилию» [Sall. Hist. I. 128]. Дав здесь передышку легионам, разработав план действий, пополнив и перегруппировав силы, Сервилий вновь двинулся на юг. На этот раз Фазелис не устоял. Вначале римляне разорили окрестности, а затем взяли приступом и сам город. Из города в огромном количестве были вывезены материальные ценности, святыни и предметы искусства. Причём грабёж носил не стихийный характер, он осуществлялся планомерно, каждый трофей детально описывался квестором и заносился в реестр. Цицерон, знакомый с финансовым отчётом о кампании Сервилия, сообщает: *«те же статуи и художественные произведения, которые Публий Сервилий взял из неприятельского города, которым он овладел благодаря своей храбрости приступом, взял по праву войны, как полководец, — он привёз римскому народу, сберёг для своего триумфа и приказал внести в официальную роспись доходов государственного казначейства. Из официального донесения вы можете узнать тщательность этого сановника... в нём записано не только число статуй, но и величина, форма и движение каждой»* [Cic. Verr. II, 1, 57].

И всё же можно сказать, что Фазелису повезло — он был лишь разграблен, но не разрушен римлянами. Рабов в ходе кампании не брали: армию ожидал многотрудный марш, и Ватия не хотел обременять себя неподъёмным обозом и караваном военнопленных. Однако следующая цитадель Зеникета — Корикос, после штурма была разрушена до основания [Oros: V. 23, 22]. Во время штурма римляне понесли значительный урон, и Сервилий отомстил корикосцам за их упорство и нежелание сдаваться. После разрушения Корикоса Сервилий сразу атаковал Олимпос. Положение города было отчаянным: соседи

разбиты, и на суше никто не мог оказать своему сюзерену помощь.

Подъём к акрополю Олимпоса*

Римский флот расположился у Хелидонских (Ласточкиных) островов, блокировав вход в устье реки. Попытки союзников Зеникета пробиться сквозь этот многоэшелонированный заслон не увенчались успехом¹⁵⁶. Десятки каперских судов были взяты на абордаж. Один из навархов эскадры — Никон, был захвачен в плен (правда, убив стражников, ему удалось бежать «из оков» и, несмотря на полученные раны, вплавь добраться до берега, где ему помогли спрятаться местные жители).

* Источник: <http://surl.li/eozwh> Дата обращения: 09.12.2023.

¹⁵⁶ Там же. С. 67.

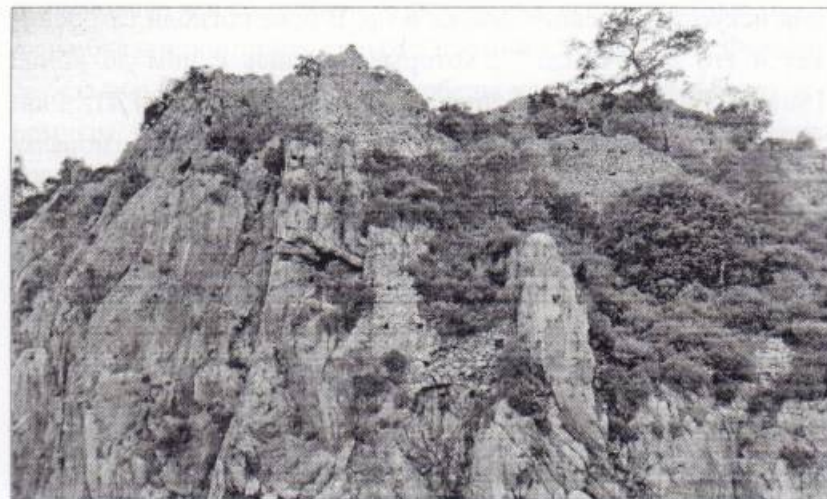
Развалины Олимпуса. Современный вид*

Сам царь с домочадцами заперся в башне акрополя. Кажется, что царский дворец, расположенный в башне на террасе обрывистой скалы в северо-восточной части города, был абсолютно неприступен. Попастъ в него можно было лишь по крутым каменным лестницам в западной части акрополя, с остальных сторон цитадель отвесно обрывалась в море¹⁵⁷. Но римляне были на взводе и останавливаться не собирались. Ватия двинул своих солдат на приступ. Преодолевая бешеное сопротивление киликийцев, легионеры прорвались к подножью акрополя и начали штурм с применением осадной техники. Ме-

* Источник: <https://clck.ru/33P4E7> Дата обращения: 09.12.2023.

¹⁵⁷ Diler A. Lykia Olympos Dağında Bir Ön Araştırma. In: *Türk Arkeologiji Dergisi* 29, 1991. Pp. 161–176; Atıvr O. Olympos Antik Kenti (1991–1992 Çalışmaları). // *Arkeoloji ve Sanat* 88, 1999. Pp. 13–31, 69; Абрамзон М. Г. Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н. э. – 74 г. н. э.). Перевод В. О. Горенштейна. СПб., 2008. С. 69.

тодично работающие каменётные машины превратили город в развалины¹⁵⁸. Несколько атак римлян были отбиты, но силы обороняющихся таяли после каждого штурма, простые горожане бросались в атаки на противника, сотнями погибая под мечами римских легионеров. На милость победителя никто не уповал, и пощады никто не просил.

Крепостные стены Олимпуса. Вид с тыльной стороны*

Видя, что все средства исчерпаны и римляне не отступят, пока не захватят цитадель, более всего боявшийся унижения для себя и своей семьи¹⁵⁹, Зеникет решил «уйти со сцены,

¹⁵⁸ Ormerod H. A. 1) The Campaigns of Servilius Isauricus against the pirates / Henry A. Ormerod. In: *Journal of Roman Studies*, vol. 12, 1992. P. 216; 2) Piracy in the ancient world. An essay in Mediterranean history. Original edition University Press, Liverpool 1924. Neuausgabe, 1996. P. 216.

* Источник: <http://surl.li/eozzj> Дата обращения: 09.12.2023.

¹⁵⁹ Никто не сомневался, что, как и большинству пленным, царю киликийцев с семьёй придётся пройти перед ликующей римской чернью, закованными в золотые цепи.

громко хлопнув дверью». Чтобы не попасть в руки врагу и не дать Риму повода для торжества, он приказал поджечь свою резиденцию. Когда римляне ворвались в акрополь, дворец уже пылал. На глазах у алчных римлян сгорели несметные богатства в прошлом удачливого флибустьера, а ныне просвещённого эллинистического царя: сокровища, великолепные произведения искусства, древние свитки и пр. В огне погибли сам Зеникет и его домочадцы¹⁶⁰, которые остались с ним до конца [Strab. XIV, 5.7 (671); Eutrop. Brev. 6.3; Flor. Epit. 1.41; Plut. Pomp. 24.5]. Так, своё поражение Зеникет превратил в моральную победу, сумев совершить то, что не удалось совершить другому зложелателю Рима – Юбе I¹⁶¹. Во все времена у Вечного города были достойные враги – Ганнибал, Юба, Митридат, Зеникет, Клеопатра...

Погром Олимпоса был такой основательный и беспощадный, что ещё Плиний Старший (ум. 79 г. по Р. Х.) застал его в руинах¹⁶² [Nat. hist. V, 18, 100]. В наши дни в городище Олим-

¹⁶⁰ Ormerod H. A. Piracy in the ancient world. An essay in Mediterranean history. Liverpool 1924, 1996. P. 209.

¹⁶¹ Незадолго до последнего сражения с Цезарем у Тапсы (6 апреля 46 г. до Р. Х.), Юба соорудил в столице Нумидии Заме костёр, на котором собирался, в случае поражения, сжечь себя со своими жёнами, детьми и сокровищами и от которого должен был сгореть и весь город; но когда после поражения у Тапсы он достиг Замы, не желавшие своей гибели горожане закрыли перед ним ворота. Юба был вынужден удалиться с римлянином Петреем на одну из своих вилл, где и кончил жизнь самоубийством в одиночестве, без родных и близких.

¹⁶² Известно, что в 142 году по Р. Х. частично восстановленный Олимпос вновь был сильно разрушен, на этот раз землетрясением. Впоследствии город был восстановлен и даже сыграл более или менее заметную роль среди других городов Ликии. Но это восстановление произошло, надо полагать, уже в IV в.; во всяком случае, история знает Олимпийских епископов на Вселенских Соборах 431 и 451 гг.

поса ведутся интенсивные раскопки, осуществляемые международными археологическими экспедициями.

Римляне вздохнули с облегчением, лишь когда из горных ущелий Киликии они вышли на равнину Атталии, что было завершающим этапом кампании против Зеникета. Здесь Сервилию удалось захватить его памфилийские владения. Это не потребовало много времени и сил, скорее всего, местные города из боязни повторить судьбу Олимпоса, Корикоса и Фазелиса, сдались без боя. Значение победы над Зеникетом было огромным, и проконсул был награждён по заслугам: он получил триумф и был удостоен почётного прозвища «Исаврийский»¹⁶³. Однако Сервилию не удалось покончить с киликийским каперством. Нанеся удар по трём значительным городам Киликии, он лишь разворошил «осиный улей».

Новой столицей киликийских «гёзов» и центром сопротивления римской экспансии стал город Коракесий (иначе – Коракезий, *Κορακῆσιον*, *Coracesium*; современная Аланья) в Суровой Киликии, на границе с только что захваченной римлянами Памфилией. Быстро оправившись, киликийцы нанесли империи ответный удар. Они организовали натиск на римских союзников в Восточном Средиземноморье¹⁶⁴, совершили несколько рейдов вдоль побережья самой Италии. Каперы действовали необычайно дерзко. Именно тогда произошли столь неприятные для римлян события, описанные Плутархом: были

¹⁶³ Ormerod H. A. The Campaigns of Servilius Isauricus against the pirates / Henry A. Ormerod // Journal of Roman Studies, vol.12, 1992. P. 216.

¹⁶⁴ В 70 году до Р. Х. киликийцы договорились со Спартаксом о перевозке 2000 его людей на Сицилию, чтобы поднять новое восстание рабов на острове. Однако получив его дары, они, по непонятным причинам, не сдержали слова [Plutarch, Crassus, 10].

захвачены два римских претора, в претекстах¹⁶⁵, с ликторами и слугами; в другой раз они похитили ехавших по дороге знатных римлянок, и среди них – дочь триумфатора Марка Антония, которую затем отцу пришлось выкупать за очень большие деньги. В плену у каперов побывал даже молодой Цезарь, за которого был заплачен огромный выкуп¹⁶⁶. Римляне больше не могли терпеть таких унижений. Каперы вели себя крайне вызывающе и всячески стремились продемонстрировать, что с гибелью Зеникета в Средиземном море ничего не изменилось. Их не сломить.

Империи пришлось собирать новые силы. На этот раз армией должен был командовать Лукулл, который с помощью сторонников добился своего назначения на должность наместника Киликии, что автоматически предполагало право командовать римскими войсками в этом регионе. Едва получив должность, он ввязался в третью войну с Митридатом (74–63

¹⁶⁵ Тога с пурпурной каймой.

¹⁶⁶ Ward A. M. Caesar and the pirates // American Journal of Ancient History, vol. 2, 1997. P. 27–36. Анекдотическая история о том, как юный узник издевался над своими похитителями, зачитывая им свои литературные опусы, и особенно рассказ о том, как после освобождения за выкуп он «ододел» у легата Суллы небольшой флот, вернувшись туда, где оставил своих похитителей, обнаружил и всех истребил, представляется выдумкой, следствием посмертной мифологизации образа и деяний Цезаря, скорее всего, в годы принципата Августа. Вряд ли бежавшему от гонений Суллы юноше доверили бы командовать римским флотом, и уж совсем кажется невероятным, что пираты, получив выкуп, остались на якоре у острова Формоза, бражничали и куролесили. Но можно с уверенностью сказать, что юный потомок Юла, попав в плен, и в правду не потерял присутствия духа и, скорее всего, вёл себя вполне достойно, чем и вызвал уважение своих похитителей. Известно, что в некоторых случаях, во время похищения, между агрессорами и заложниками устанавливается своего рода травматическая симпатия, известная как *идентификационный* или *стокгольмский* синдром.

гг.), который выказал своё недовольство по поводу присоединения Вифинии к Риму. Разбив понтийскую армию, Лукулл спровоцировал вооружённый конфликт с Великой Арменией. Началась Первая римско-армянская война (69–66 гг.). На море Лукулла должен был поддерживать Марк Антоний (Marcus Antonius Creticus) – отец печально известного триумвира. Антонию Старшему, имевшему личные счёты с пиратами, Сенат вручил империй для зачистки Средиземного моря от «разбойников». В 73 году до Р. Х. Антоний получает должность пропретора и отбывает на Крит, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей. По сути, ему была дана неограниченная власть над всем Средиземным морем – таких полномочий в Риме не имело ни одно должностное лицо, что дало повод Веллею Патеркулу говорить о «распространении власти одного человека на почти весь мир» [Велл. Пат. 1996. II, 31, 3]. Всё это свидетельствовало о том, что проблема войны с каперами для Рима действительно была приоритетной. Своей базой Антоний сделал остров Крит.

Как и следовало ожидать, Кретик повторил ошибки своих предшественников. Вместо того, чтобы сосредоточиться на облаве в вверенной ему акватории, он занялся реквизицией сокровищ и рабов местных храмов. Разграбив, по римскому обыкновению, переданную ему в управление провинцию, Антоний вызвал бурю недовольства среди местного населения¹⁶⁷.

Разъярённые критяне объединились с пиратами и на своих кораблях открыто выступили против римлян. Луций Анней Флор пишет: «Марк Антоний... был так уверен в победе, что

¹⁶⁷ Ormerod H. A. Piracy in the ancient world. An essay in Mediterranean history. Liverpool 1924, 1996. P. 224.

вёз на кораблях больше оков для пленных, чем оружия. И поплатился за свою опрометчивость, ибо враг перехватил много кораблей. Критяне привязали тела пленников к парусам и якорным канатам и на манер триумфаторов полным ходом вернулись в свои гавани» [Флор 1996, I, 42, 2–3]. Это послужило Антонию *casus belli* для начала открытых военных действий против критян, но в сражении у Кидонии в 71 г. до Р. Х. он потерял весь флот. Сам Антоний попал в плен и был этапирован на Крит, где вскоре умер, за что получил от современников глумливый эпитет «Кретик». Цицерон так живописует поражение и смерть этого посредственного и алчного человека: «что же касается Антония, то он много дурного сделал, много намерен был сделать в ущерб и союзникам и производительности провинций, но смерть застигла его среди его несправедливостей и грабежей» [Цицерон, 1993, Против Верреса, III, 213]. Эпитоматор Тита Ливия, описывая его кончину, ограничивается лапидарным сухим предложением: «Претор Марк Антоний завершил своей смертью войну против критян, которую начал не особенно благополучно»¹⁶⁸.

Лишь Помпею Магну удалось решительно и быстро сломить сопротивление пиратов и распространить власть Рима на Киликию. Благодаря знаменитому закону Габиния, несмотря на тяжёлое состояние казны, в распоряжение Помпея была отдана огромная сумма в 144 миллиона сестерциев, под его начало перешло до 500 кораблей различных классов, 24 легата и право вербовать 120 тысяч солдат и почти столько же гребцов. Помпей понимал, что в противоборстве с каперами недоста-

¹⁶⁸ Смыков Е. Марк Антоний Критский — ординарный человек с неординарными полномочиями // *Studia historica*. 2012. № XII. С. 113.

точно иметь численное превосходство — важна связь и чёткая организация. Во время прежних попыток римлян одолеть каперов, римский флот действовал крайне неуклюже, играя по навязанным ему правилам. Пока небольшая группа самых быстрых и манёвренных судов, отвлекая на себя внимание римской флотилии совершала выходы в одном направлении, а затем, перегруппировавшись, быстро удалялась, главные силы морских рейдеров прорывались в другом. Каперам не составляло труда оторваться от римлян, поскольку киликийские биремы по своим скоростным и манёвренным качествам превосходили римские боевые корабли. Чтобы не дать и на этот раз каперам ускользнуть от тяжёлых и неуклюжих римских кораблей, помимо гребцов, несущих на себе по две и даже три маныпулы, Помпей устроил охотничью облаву, разделив римские морские владения на тринадцать квадратов, каждый из которых находился под контролем одного из подчинённых ему легатов. Уходя от преследований одного из наместников Помпея корсары оказывались в зоне действия полномочий другого. Единственный открытый для отступления путь вёл в Киликию.

Пока легаты гонялись за каперами, оттесняя их к своим базам на родине, Помпей организовал доставку хлеба в Рим, причём караваны грузовых судов он конвоировал сам. Когда первый из эскортируемых им караванов добрался до Остии, цены на хлеб резко упали. Оказалось, что ещё до прибытия первого конвоя крупные латифундисты из числа патрициев и всадников, а также крупные спекулянты, придерживавшие хлеб и искусственно взвинчивавшие цены, выбросили на рынок все запасы зерна, не дожидаясь, пока цены окончательно упадут. После этого авторитет Помпея среди римского плебса взлетел на невиданную высоту. Обеспечив бесперебойную

доставку хлеба в Италию, Помпей сконцентрировался вначале на зачистке западного Средиземноморья, на что у него ушло всего шесть недель. После этого он перебросил все силы в восточное Средиземноморье. Римская эскадра, впервые за многие годы действовала чётко, слажено и уверенно, прижимая каперов к побережью Ликии. Сыновья Помпея – Секст и Гней, несмотря на свой юный возраст, также хотели принять участие в операции, но отец откомандировал их на относительно безопасный участок боевых действий – Адриатическое море.

Когда флотилия каперов была прижата к берегу, у Коракесия – последнего оплота киликийцев, произошло решающее сражение. Силы были неравными, и каперы были разгромлены. В отличие от всех своих предшественников, Помпей повёл себя с побеждёнными великодушно. Он сдержал слово и амнистировал всех, кто сдался без боя даже на последнем этапе проводимой им операции. Пленных он расселил вдали от моря в Азии и в Ахайе. В руки Помпею попали несметные богатства и стратегически важные материалы (медь, железо, лес, снасти), боевые и грузовые корабли и пр. [App. Mithr. 94–96]. Были скрыты многие горные замки киликийцев, ликвидированы прибрежные форпосты и базы. После разгрома киликийских прибрежных форпостов Помпей получил выход к Коммагене и Софене, а через них – далее к Великой Армении и Кавказу. Для реализации своей миссии ему было дано 3 года, он же справился всего за 3 месяца.

Каперам был нанесён огромный, казалось, невосполнимый урон. Страбон сообщает: «... пираты были совершенно уничтожены сначала Сервилием Исаврийским, в то время когда он разрушил Исавры, а потом – Помпеем Великим, который сжёг более 1300 их кораблей и уничтожил их жилища. Остав-

шихся в живых после битвы пиратов Помпей частично переселил в Солы (которые он назвал Помпейополем), остальных же – в малонаселённую Диму, где теперь находится римское поселение» [Strab. XIV, 3. 3].

4. Второе издание каперского государства. Предмечта Cosa Nostra. Однако вопреки распространённому мнению, после зачистки восточного побережья Средиземного моря каперство не было искоренено. Вскоре оно возродилось, и, по иронии судьбы, случилось это благодаря младшему сыну Помпея Магна – Сексту. После битвы при Мунде Секст бежал на Сицилию. В 44 г. до Р. Х., узнав о смерти Цезаря, он вернулся в Рим и изъявил желание служить республике, защищать её от внутренних и внешних врагов. В апреле 43 г. Секст получил от сената должность префекта военно-морских сил, вероятно, с проконсульским империем. Молодой Помпей принял назначение с энтузиазмом приступил к реформированию флота. Однако после узурпации власти Вторым триумвиратом ситуация изменилась: Помпей обвинил цезарианцев в стремлении реставрировать тиранический режим и, не получив поддержки у соотечественников, бежал в Сицилию – последний оплот средиземноморских флибустьеров. Сицилия по-прежнему имела огромное значение в деле снабжения Рима зерном. Здесь Секст воссоздаёт каперское государство – второе издание каперского царства Зеникета. Позднее Секст перебазировался в Испанию.

Так Секст Помпей возобновил войну на море. Однако война против тирании и восстановление республики очень скоро превратилась в войну против Рима. В ряды возрождённого каперского флота он привлёк немало киликийских и сицилийских ветеранов морских войн, больше прежнего ненавидящих Рим и жаждущих реванша. К Сексту без конца прибывали но-

вые корабли, и даже небольшие флотилии. Так, к удивлению современников, считавших каперский флот разгромленным, Сексту за короткий срок удалось собрать огромные силы. Сама по себе ситуация была не нова, многие из врагов Римского государства после потери своей родины, имущества и статуса уходили в море. Новым было то, что к каперам присоединилась внутриримская оппозиция¹⁶⁹. Палубы кораблей флибустьеров сделали последним прибежищем опальных сенаторов-республиканцев, проскрибированных всадников и пр. Нахождение римлян во флоте Секста не особенно сказывалось на численности личного состава и тем более на его боевых качествах, но делало действия каперов более предсказуемыми и потому менее опасными для их врагов. Более того, присутствие республиканцев во флоте Помпея создавало впечатление, что ведома им война имеет гражданский характер и её главной целью является устранение цезарианской тирании и реставрация древних республиканских ценностей. По сути так оно и было, только война на море велась не за возрождение Римской республики (Рим, по сути, уже давно перестал быть республикой), а за Средиземноморскую федерацию эллинистических талассократических республик и небольших монархий, противостоящих римскому доминированию на Средиземном море.

Достойный сын своего великого отца, Секст Помпей Магн проявил себя как блестящий организатор и харизматичный лидер. Октавиан, с первых же дней противостояния, с опаской относился к своему *vis-a-vis*, а потом и вовсе стал его бояться.

¹⁶⁹ Рязанов В. В. Социальная база государства Секста Помпея // НО-ВИК. Вып. 6. Воронеж, 2002.

В августе 43 г. до Р. Х. Цезарь Октавиан избирается консулом, и первое, что он предпринимает – со ссылкой на закон Педия, инкриминирует Сексту Помпею убийство Цезаря. Абсурдное обвинение, так как в момент покушения Секст отсутствовал в Риме и, скорее всего, даже не знал о готовящемся заговоре. В ноябре 43 г. до Р. Х. триумвиры объявили Секста Помпея *persona non grata* и внесли его в проскрипционные списки [См. *Cic. Fam.* XI 1; *Att.* XIV 1; 13; 21–22; *Phil.* V 39–40; XIII 12–13; 50; *Vell.* II 73; *App.* BC II 122; III 4; 57; IV 83–84; 94; 96; *Dio* XLV 10; XLVI 40; XLVII 12; XLVIII 17; *Grueber*, CRRBM II 370–373; *Oros.* VI 18, 19]. Секст, в свой черёд, усилил натиск на Рим, в 41–40 гг. он совершил несколько дерзких рейдов вдоль берегов Италии, разграбил Бруттий и опустошил южное побережье Апеннинского полуострова, овладел Сардинией и Корсикой и, перекрыв подвоз продовольствия, вновь поставил Рим на грань голода.

В 40 г. началось восстание италиков, вызванное незаконными конфискациями Октавианом земельных наделов для своих ветеранов. К повстанцам примкнули Луций, брат Марка Антония и Фульвия – тёща Октавиана Августа (по его первому браку) и жена Марка Антония (в третьем браке). Вначале удача была на стороне повстанцев. Пока Октавиан перегруппировывал свои силы, им даже на некоторое время удалось овладеть Римом. Однако вскоре им пришлось отступить в Перузию (совр. Перуджа), где они были осаждены подошедшей армией Октавиана. После непродолжительной осады город пал. Эта война получила название Перузинской. Секст предоставил убежище потерпевшим поражение в этой войне повстанцам. После этого Марк Антоний инициировал отдельные переговоры о заключении мира с Секстом и начале совместных дейст-

вий против Октавиана, однако под давлением своего войска Антоний отказался от затеи и заключил с Октавианом Брундизийский мир. Секст вновь оказался в изоляции, но это не остановило его, он продолжил морскую блокаду, вызвав голод и новые мятежи в Италии. Октавиан был вынужден принять посредничество Антония в переговорах с Секстом [См. *Liv. Per.* 123; *Vell.* II 72–73; 75; *Val. Max.* III 7, 10; *Suet. Tib.* 4; 6; *App. BC* IV 36–51; 84–86, 99, 117; V 2, 15, 18–20, 25; 50; 52; 56; 58; 61–63; 66–68; *Dio XLVII* 12–13; 36; *XLVIII* 15–20; 27; 30–31; 36; *Auc. Vir.* III. 84; *Eutrop.* VII 4; *Oros.* VI 18, 19].

В 39 г. в Путеолах Октавиан и Антоний заключили с Секстом Помпеем мирное соглашение. [См.: *Liv. Per.* 127; *Vell.* II 77; *Plut. Ant.* 32; *App. BC* V 67–74; *Flor.* II 18; *Dio XLVIII* 36–38; *Oros.* VI 18, 20]. Однако мира за этим так и не последовало [App. BC V 77; Flor. II 18, 5; Dio XLVIII 45–46]. В 38 г. Менодор, которого Секст ещё недавно назначил наместником Сардинии, предал своего покровителя и перешёл на сторону главного врага Секста – Октавиана, передав под его начало своё войско и флот, а также Сардинию, имеющую в этой войне первостепенное стратегическое значение. За это Октавиан причислил «разбойника» Менодора к всадническому сословию, и сделал легатом при начальнике флота Кальвизия Сабина¹⁷⁰. Прои-

¹⁷⁰ Однако, как и следовало ожидать, в лагере Октавиана Менодор пришёл не ко двору. Никто не доверял бывшему пирату, рассорившись с новыми хозяевами, он бежал и примкнул к Сексту, но здесь его тоже старались держать на дистанции, не доверяя важных дел, особенно это касалось Менекрата. Менодор был вынужден вновь переметнуться к Октавиану, который, хотя и простил его, практически не обращал на него внимания. Так, звезда Менодора окончательно закатилась. Он погиб во время осады Сисции в Паннонии в 35 г. до Р. Х., утонул в волнах реки Савус [Vell. Pat. 2, 73 слл.; App. BC. 5, 70 слл. 96 слл.; Dio Cass. 41, 45; Suet. Aug. 74].

зошла существенная перестановка сил, что привело к новой эскалации военных действий. На место переметнувшегося Менодора своим главным флотоводцем и легатом Секст назначил конкурента Менодора – Менекрата. Вскоре оба наварха сразились в бухте у города Кум; Менодор и Кальвизий были разбиты Менекратом, зажавшим их в узкой лагуне, где корабли не могли ни атаковать противника, ни бежать. Но сам Менекрат был атакован флагманской биремой Менодора и во время abordaжного боя был ранен иберийским копьем в бедро. Чтобы не быть схваченным Менодором, он бросился в море и вплавь достиг берега. Менодор тоже получил ранение в этой заварухе. В то же время флот Октавиана был атакован в Мессинском проливе, когда шёл на помощь Сабину. В довершение, протараненные и изрядно потрёпанные суда Октавиана в Неаполитанской бухте попали в бурю и не смогли удержаться на плаву. Так флотилия Октавиана была окончательно уничтожена, да и сам он выпал за борт флагманского корабля и едва не утонул.

Во время встречи в Таренте 37 г. раздражённые и напуганные Октавиан и Антоний постановили лишить Секста авгурата и консульства. Год спустя разгромленный флот Октавиана был отстроен заново, и боевые действия возобновились. Однако новый год не принёс римлянам удачи. «Пиратская» эскадра Секста потопила сразу два римских флота. Положение усугублялось из-за неразберихи, вызванной новым витком Гражданской войны, Рим вновь оказался на грани голода.

Римская бирема*

Каперы быстро восстанавливали утерянные позиции. И хотя Агриппа одержал победу над Секстом в морском сражении при Милах, флот под командованием Октавиана был отрезан и попал в западню, у Тавромении Цезарь Октавиан был полностью разгромлен и лишь чудом спасся. Казалось, это конец, но ситуацию спас подоспевший Марк Випсаний Агриппа: 3 сентября того же года в решающей битве при Навлохе ему удалось нанести сокрушительное поражение Сексту, который был вынужден ретироваться в Малую Азию [См.: *Liv. Per.* 129; *Vell.* II 79; *Plin. NH* VII 148; 178; IX 55; *Suet. Aug.* 16; *App. BC* V 78–92; 96–122; 133–136; *Flor.* II 18, 7–9; *Dio XLVIII* 45–49; 54; *XLIX* 1–10; 17; *Eutrop.* VII 6; *Oros.* VI 18, 25–30].

* Источник: <https://clck.ru/33P43R> Дата обращения: 09.12.2023.

При Навлохе Агриппа применил против Секста Помпея тактику его великого отца: используя численное превосходство, римляне оттеснили к берегу каперские суда и вынудили их принять сражение. Кроме того, Агриппа заимствовал у каперов технологию изготовления гарпаксов (лат. *harpax*)¹⁷¹, с помощью которых те обыкновенно охотились на римские суда. Несмотря на великолепные скоростные качества, высокую манёвренность и профессионализм кормчих, заарканенным каперским биремам и триерам не удалось прорвать многоэшелонированную блокаду. Загарпуненные двумя-тремя римскими либурнами каперские суда брались на abordаж, либо, в случае упорного сопротивления, поджигались керамическими гранатами с горючей смесью (античный аналог «коктейля Молотова»). Некоторые каперы, поняв, что им не вырваться из окружения, пробивали днища собственных кораблей и тонули, пытаясь, с помощью всё тех же гарпаксов, утянуть за собой судно неприятеля. Лишь немногим, самым лёгким судам корсаров, удалось ускользнуть по мелководью, вдоль береговой линии. Спасаясь от преследований, они добрались до Малой Азии. Среди спасшихся был и Секст.

Здесь он вновь начал рекрутировать армию, захватил Никиею и Никомедию, включился в переговоры с местными элли-

¹⁷¹ Гарпакс – своего рода гарпун с тяжёлым железным наконечником хитроумной конструкции. Гарпун баллистой выстреливали в корпус неприятельского корабля, после чего наконечник раскрывался так, что извлечь гарпакс обратно было практически невозможно. Таким образом, вражеское судно «арканили» и с помощью лебёдок притягивали к борту своего корабля, иногда арканили сразу с двух или трёх бирем и переходили собственно к abordажному бою. Так, согласно античным авторам, пиратское орудие средиземноморских флибустьеров было эффективно использовано против них самих (*App. BC.* 118).

нистическими династами и парфянским царём, пытался заключить союз с Антонием и Клеопатрой. Однако фортуна отвернулась от Секста, прежние сторонники дистанцировались, новые также держались настороженно и выжидали. Определённо Антоний опасался Секста больше, чем Октавиана, поэтому его легаты Гай Фурний и Марк Титий развернули на Секста настоящую охоту. Тот пытался бежать, но был отрезан и захвачен в плен в местечке под названием Мидея. В 35 г. до Р. Х. Титий перевёз Секста Помпея Магна Пия в Милет и немедленно казнил, без суда и соблюдения должных процедур, что, с точки зрения римской законности, было абсолютно неприемлемо, особенно по отношению к римскому гражданину [Liv. Per. 131; Strab. III 2, 2; Vell. II 79, 5–6; Sen. Cons. ad. Polyb. 15; App. BC V 133–145; Dio XLIX 17–18; Eutrop. VII 6; Oros. VI 19, 2]. Римский плебс искренне скорбел по выдающемуся сыну великого отца. Даже Октавиан (возможно, притворно) выразил сожаление по поводу его смерти. Невзирая на массированную атаку пропаганды Августа, поставившую целью затушевать образ Секста, он превратился в легенду. Имя Марка Тития, убийцы Секста, стало нарицательным. Стоило ему однажды появиться на играх в театре Помпея, как народ его освистал и изгнал [App. BC V 134–145; Dio XLIX 17–18; Vell. II 79, 5–6; Oros. VI 19, 2; CIL III 7160]¹⁷².

5. Секст. Античные авторы единодушно утверждают, что Секст Помпей был пиратом и флот его был пиратским. На это указывает пиратский характер его действий и состав экипажей

¹⁷² Macmullen R. Soldier and Civilian in the Late Roman Empire. Cambridge (Mass.), 1963. P. 363; Idem. Roman Legion as Society // Historia. 1984. Bd.33. S. 440–456.

кораблей [App. B. C., V, 77; Flor. II, 18; Vell. II, 73]. Достаточно вспомнить лишь одно весьма характерное трёхстишие Лукана:

*«Секст... – он был Великого сын недостойный,
Тот, кто скоро бежал бродягою в Сциллино море
И замарал Помпея триумф как пират сицилийский»
(Luc. Phars. VI, 420–422).*

Однако, характеристики античных авторов почти всегда предвзяты и часто не вызывают доверия. В современной историографии оценки деятельности и личности Секста ожидаемо разнятся. Немалая часть исследователей, вслед за античными авторами, считает Секста морским разбойником¹⁷³, пусть и незаурядным. Некоторые исследователи к этому утверждению добавляют свои аргументы, например, преимущественно пиратский состав армии Секста, а также, по сути своей, партизанские способы ведения войны¹⁷⁴. Среди исследователей также есть мнение, что сам Секст и ядро его команды не были пиратами, и единственное, что связывает Секста с пиратством, – это временный союз с настоящими пиратами, который он заключил, чтобы одержать победу над своими оппонентами и захватить власть в Риме. При этом, исследователи расходятся во мнениях о характере этого альянса: одни считают его вполне паритетным¹⁷⁵, другие убеждены, что пираты подчинились Сексту и играли в его флоте всего лишь вспомогательную

¹⁷³ Hadas M. Sextus Pompey. New York, 1930.

¹⁷⁴ Рязанов В.В. Социальная база государства Секста Помпея // НО-ВИК. Вып. 6. Воронеж, 2002.

¹⁷⁵ Парфенов В. Н. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 75.

роль¹⁷⁶. Однако, и те и другие отрицают генетическую связь пиратского флота Помпея с его предшественниками – киликийскими и сицилийскими каперами.

Единственное, что не оспаривается исследователями, – это наличие ветеранов прежних каперских войн с Римом в командном составе флота Секста, и в его ближайшем окружении. Самым известным и самым одиозным из этих морских волков был лидер вольноотпущенников Менодор, этакий сицилианский *caporegime*. В прошлом Менодор был киликийским навархом, взятый в плен и обращённым в рабство Гнеем Помпеем Магном, ныне же, подобно многим его товарищам, освобождённым, возможно, сыном Помпея Магна Секстом, и принятым на службу в его флот. Менодор быстро сделал карьеру в армии Секста и стал его ближайшим помощником. Что могло объединить столь разных людей: пережившего взлёты и падения киликийского *padrino* и молодого честолюбивого римского нобиля, чей отец разгромил киликийский флот и поработил средиземноморского корсара? Думается, общие цели и жажда мести, а ещё, пожалуй, тяга к авантюрам. Безусловно, между Секстом Помпеем и просоленными «сынами моря» были разногласия; они бывают всегда, даже у людей с общими корнями, и причины могут быть разные – столкновение амбиций, желание немолодых уставших людей закончить войну или же продолжать её до полного истребления противника (что в случае с Римом, конечно же, было нереально) и многое другое. Не исключены и противоречия относительно методов ведения войны. Любопытная деталь: обвиняя Секста в пиратстве и раз-

¹⁷⁶ Maróti E. Die Rolle der Seeräuber unter den Anhängern des Sextus Pompeius // Sozialökonomische Verhältnisse im Alten Orient und Klassischen Altertum / Ed. by H. Diesner Berlin, 1961. P. 209.

бое, в соседнем предложении Дион пишет, что тот добывал себе снабжение, «не прибегая к преступлению» [*Dio XLVIII, 17, 2–4*]. Вряд ли подобные методы были по душе большинству флибустьеров и рейдеров старой формации. Но осознание общих целей всегда брало верх над разногласиями, в источниках нет упоминаний о беспорядках или расколе среди соратников Секста Помпея.

Кем же на самом деле был Секст Помпей Магн Пий? Оценки разнообразны и зачастую противоречивы. Его считают «последним защитником республики» и «монархом эллинистического типа», пиратом и политическим авантюристом и даже «совершенно загадочной личностью»¹⁷⁷. Мы же считаем его удачливым флибустьером, создавшим на Сицилии государство, сопоставимое с эллинистическим царством Зеникета, харизматичным лидером, умным, напористым, нестандартно мыслящим военачальником, крайне опасным для Рима в силу именно своего римского происхождения. Будучи учеником своего великого отца, он воплотил в себе одновременно лучшие качества римского военачальника и морского авантюриста, творчески применяющего на практике наработки собратьев по ремеслу.

В то же время Секст Помпей и его главный противник – Цезарь Октавиан, сын врага его отца, в современной историографии рассматриваются как лидеры двух противоборствующих группировок, сцепившихся в смертельной схватке в одной из бесконечных гражданских войн в Риме. Однако, по мнению исследователей, у этих политических оппонентов было больше

¹⁷⁷ Рязанов В. В. Политические цели и методы Секста Помпея и Октавиана Августа // Норция. Вып. 3. Воронеж, 1999; Парфенов В. Н. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 68.

общего, нежели различий¹⁷⁸. На первый взгляд, Секст и Октавиан действительно имеют много внешних сходств: оба представители знатных римских фамилий и дети выдающихся отцов, каждый из которых по-своему пытался вывести Рим из системного кризиса. Оба деятеля в молодости выступали бескомпромиссными мстителями за убийство своих отцов и главными принципами своей политики считали *pietas* по отношению к сакрализованному образу отца. При этом оба позиционировали себя продолжателями их великих начинаний.

Однако, при всей внешней схожести, направленность деятельности Октавиана и Секста совершенно различная. Октавиан любил Рим, и всего себя посвятил служению этому Городу. За свою жизнь он покидал Рим лишь несколько раз, чтобы принять участие в сражениях, которые почти всё проиграл (к счастью, Агриппа был на его стороне, без него мир возможно так и не узнал бы принцепса Цезаря Августа Октавиана). Секст был архитектором всех своих побед, любим солдатами и простыми людьми. Он обладал политическими амбициями, но его нельзя назвать политиканом, мастером по плетению заговоров, сидеть затаившись, подобно морскому змею, выжидая, когда противник совершит оплошность, чтобы нанести ему стремительный удар не в его духе. Для этого Секст был слишком импульсивным, честным и прямолинейным. Не следует забывать, что юные годы будущий корсар провёл в военном лагере, вдали от Рима, вдали от угодничества, наущничества и клеветы. Здесь, среди простых солдат и провинциалов, великий флотоводец сложился как личность. Немаловажным яв-

¹⁷⁸ Парфенов В. Н. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001.

ляется и то, что его образованием и воспитанием занимался отец, человек благородный и принципиальный, это отразилось на его образе мыслей и действиях. Веллей Патеркул, один из наиболее громких рупоров Августовой пропаганды, так описывал Секста: «Юноша этот – в науках невежда, варвар в спорах, в натиске быстрый, в решениях поспешный, в дружбе неверный – в этом пропасть между отцом и сыном – либертин своих либертинов, раб своих рабов, завидуя высшим, угождал низшим» [Vell. II, 73, 1.]. При всей тенденциозности, в этой характеристике есть доля правды: он был темпераментным, импульсивным и неотягчённым бременем предрассудков. Октавиан же считал себя адептом пасторальной модальности, радетелем веры отцов и родных пенатов. Секст называл себя потомком Посейдона, Октавиан же наоборот, не любил море и страдал от морской болезни каждый раз, едва ступал на борт флагманского корабля. И, наконец, главное: Октавиан был сыном своего города, любил его и был им любим. Секст не был страстным поклонником Рима¹⁷⁹ и наезжал туда лишь тогда, когда этого требовали дела. Римская знать его считала чужаком, отщепенцем, главарём шайки рабов и пиратов. Римский плебс, вопреки всему, его любил. А. Б. Снисаренко характеризует его как человека «... кристальной честности, как и его отец»¹⁸⁰. Яркий, харизматичный, удачливый в сражениях, он рядился в тогу защитника республики, выступал поборником исконных римских *virtutes*, но, подобно Александру Великому,

¹⁷⁹ Таких римоненавистников среди римлян история знает немало. Достаточно вспомнить Сертория, по иронии судьбы, боровшегося с Римом в Испании и разгромленного Помпеем Магном.

¹⁸⁰ Снисаренко А. Б. Властители античных морей. Москва, 1986.

больше любил заморские страны и свою армию, а родной город не был в числе его приоритетов.

Ещё одно обстоятельство: Октавиан, в отличие от своего приёмного отца, предпочитал опираться на консервативную оптиматскую верхушку римского общества. Среди его ближайшего окружения почти не было выскочек из низов, лишь представители элиты. «(1) *Море я умиротворил от разбойников*, – хвастался он в своих «Деяниях». – *В той войне рабов, которые бежали от своих господ и подняли оружие против государства, примерно тридцать тысяч захватив, господам для достойного наказания я отдал*» (25) (Текст приводится по изданию: Шифман И. Ш. Цезарь Август, Ленинград, 1990. С. 189–199 (Приложение). Перевод Т. Ш. Шифмана). Секст же не гнушался дружбой с провинциалами, простыми солдатами, каперами и вольноотпущенниками. Гораций изображает Секста изменником своей родины и своего класса:

*«...вождь, Нептуна сын,
Грозивший Риму узами, что дружески
С рабов он снял предателей»* [Hor. Ep., IX, 8–10].

В советской историографии его даже объявляли вождём заключительного этапа революции рабов¹⁸¹, сродни Спартаку.

Конечно, в его окружении были и нобили, но исключительно проскрибированные, прибившиеся к нему из-за безысходности своего положения. Но когда некоторые из них, освоившись в войске Помпея, требовали у того смещения капитанов из вольноотпущенников с командных должностей и передачи власти «достойным», а именно нобилиям. Секст подав-

¹⁸¹ Ковалев С. И. История античного общества. Эллинизм. Рим. Москва-Ленинград, 1938. С. 164

лял такие настроения на корню¹⁸². И дело не только в том, что, по его мнению, они провалили бы дело. Важнее то, что он не доверял староримской знати и считал ее временным попутчиком. Лишь те нобили, что пришли к Помпею со своими отрядами, стали командирами его армии. Но и это не давало им никаких предпочтений. Безусловно, это раздражало аристократов, и тогда Помпей Вифиник и Стай Мурк возглавили заговор знати против Секста. Заговор провалился, адмиралы флота Помпея, вольноотпущенники Менодор и Менеkrat подавили мятеж, что ещё больше прежнего отпугнуло аристократов и толкнуло их в объятия Октавиана, который к тому времени очень кстати изменил своё отношение к оптиматам и стал привлекать их на свою сторону.

Таким образом, несмотря на некоторое внешнее сходство этих двух по-своему талантливых людей, мы считаем их цели и вытекающие из них задачи разными. При всей кажущейся парадоксальности, Октавиан нам представляется наследником политического проекта Гнея Помпея, он завершил начатое его политическим предтечей строительство системы власти, ныне называемой Принципатом. Секст больше вписывается в цивилизационную парадигму, воплощаемую Юлием Цезарем и его эпигоном Антонием. Переросший родной город, Цезарь объявил ему войну, чтобы превратить Римскую империю в своего рода Космополис. (Известно, что Цезарь и Антоний лелеяли мечту перенести столицу в построенную Александром Александрию или Антиохию).

¹⁸² Рязанов В. В. 1) Политические цели и методы Секста Помпея и Октавиана Августа // Норция. Вып. 3. Воронеж, 1999; 2) Социальная база государства Секста Помпея // НОВИК. Вып. 6. Воронеж, 2002.

Конечно, сегодня трудно судить о том, как бы всё сложилось, победы Секст в этой войне. Возможно, с годами его предпочтения изменились бы, как это случилось с Октавианом по окончании гражданской войны и установлении мира в империи, но на том этапе своей политической карьеры он нам представляется скорее гражданином мира, нежели фанатичным патриотом Рима.

Не мы первые изобразили портрет Секста Помпея, исходя из своих представлений об эпохе и тенденциях того времени. Многие исследователи рисовали образ Секста, соответствующий их взглядам и идеям¹⁸³. В. Н. Парфёнов приводит высказывание английского историка М. Гранта, который, суммируя распространённые мнения, иронически заметил, что лишь от личных вкусов исследователя зависит, в каком свете представить Секста Помпея – пиратом или же защитником «конституционного республиканства»¹⁸⁴.

Нам остаётся добавить ещё один, с нашей точки зрения, важный штрих к портрету этой неординарной личности, связанный, прежде всего, с его религиозными убеждениями. Как известно, после утверждения Принципата идеологическая машина Августа разработала программу дискредитации его бывших политических оппонентов. Ни один из них не выжил в мясорубке гражданских войн, но теперь было необходимо стереть их образ из памяти сограждан, представить в наихудшем

¹⁸³ См. также: *Рязанов В. В.* Политические цели и методы Секста Помпея и Октавиана Августа // *Норция*. Вып. 3. Воронеж, 1999. С. 128–141.

¹⁸⁴ *Grant M.* Roman Imperial Money. London, Edinburgh, Paris, Melbourne, Toronto, and New York, 1954, 12, n. 5; *Парфенов В. Н.* Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. – Саратов, 1987. С. 68.

свете¹⁸⁵ (ведь в большинстве своём это были яркие, неординарные личности, талантами превосходившие Октавиана, любое сравнение было не в его пользу). Так, августова пропаганда, среди прочего, объявила Секста своего рода еретиком, нечестивцем, презирающим веру отцов¹⁸⁶ и исповедующим восточные культы, обрядность которых направлена на то, чтобы добиться у верующих состояния экстаза, что коренным образом отличалось от рациональной римской религии. В поэме Марка Аннея Лукана «Фарсалия» читаем следующие строки:

«...Противные высшим

Таинства магов он знал недобрых и ведал он также

Злых алтарей загробный обряд – и Дита правдивость,

И замогильных теней: несчастный думал, что Боги

Видят слабей, чем они...» [Лис. VI, 430–434].

О чём тут речь? Мы отмечали, что в рассматриваемую эпоху под религией магов, прежде всего, подразумевался митраизм¹⁸⁷. Более того, в наших работах мы высказали предположение, что первым римлянином, ставшим адептом этого восточного культа, был не Нерон, а Гней Помпей, проникшийся уважением к этой религии ещё во время войны с киликийца-

¹⁸⁵ *Шифман И. Ш.* Цезарь Август. Ленинград: Наука, 1990; *Маргарян Е. Г.* Восточносредиземноморский фронт в контексте трансформационных процессов в эпоху перехода от республики к принципату // *Трансформационные процессы в эпоху Принципата. Включение Рима в осевое время*. Отв. Ред.: Е. Г. Маргарян. Ереван, 2015. С. 5–91.

¹⁸⁶ *Рязанов В. В.* Политические цели и методы Секста Помпея и Октавиана Августа // *Норция*. Вып. 3. Воронеж, 1999. С. 137.

¹⁸⁷ *Маргарян Е. Г.* Трансформация митраизма в эллинистическую эпоху (Иран, Армения, Коммгена, Рим). // *Иран-намэ*. – Алматы. Vol. 19, 2011, № 3. 78–110.

ми¹⁸⁸. По сути, именно в Киликии римляне впервые столкнулись с силой митраизма, которая произвела на них сильное впечатление. Остаётся предположить, что сын Помпея Магна мог также приобщиться к этому культу в период войн его отца с киликийскими каперами или тогда, когда сам возглавил армию каперов, вооружённую особой провиденциалистской идеологией, придающей им силу и веру в свою исключительность. Как большинство провиденциалистских религий, митраизм отстаивал идею провидения, благоволящего к избранной группе людей и их вождю, способствовал установлению господства избранных над всеми иными людьми и созданию совершенного государства, способного просуществовать века. Кроме того, Митра вдохновлял людей на борьбу с мировым злом, которое воплощали Рим и несомые им ценности. Победа над Римом означала бы победу истинных ценностей над ценностями лживыми и порочными.

Мы не случайно сравнили киликийских пиратов с голландскими гёзами, которые, нападая на испанскую инфантерию на суше, и особенно на испанские галеоны, груженные богатствами из завоёванных стран по обе стороны океана, «грабили награбленное» и тем самым, согласно представлениям своего времени, восстанавливали справедливость. Другое сходство между киликийскими каперами и морскими гёзами заключается в их принадлежности к особым религиозным общинам – в одном случае кальвинистским, в другом – к митраистским, что делало их борцами за свободу и новую веру. Осознание принадлежности к касте избранных, приближаю-

щих победу добра над злом, установление царства справедливости делало митраистов стойкими и бесстрашными, презирающими смерть и беспощадными к врагам. В этом другое, пожалуй, наиболее существенное отличие Секста от Октавиана, который всю свою жизнь посвятил борьбе с восточными культурами, был радетелем и поборником «веры отцов», её реставратором и популяризатором.

Так или иначе, после смерти Секста Октавиан мог спокойно вздохнуть. Рим избавился от последнего яркого лидера, способного объединить разрозненные морские силы врагов и придать им характер освободительной войны с единой программой и весьма своеобразной, но очень действенной идеологией.

Из всего сказанного напрашивается вывод, Секст Помпей не был морским разбойником и своей главной задачей никогда не считал грабёж и обогащение. Он лишь решал, нестандартными для римлянина-традиционалиста партизанскими методами политические и, почему бы нет, цивилизационные задачи. Секст остро ощущал, что старый Рим исчерпал свой ресурс и нуждается в обновлении. Но Вечный город сам, по своей воле, никогда не пошёл бы на радикальные изменения, самообновление, только воздействуя на Рим извне можно было изменить парадигму римского государства, завершив трансформацию города-государства в мир-империю.

Секст был не первым и не последним врагом Рима. Римляне и раньше терпели поражения, чаще, чем об этом принято писать в учебниках. Но не могущественные империи пугали Рим и не орды варваров. Больше всего Рим опасался таких *кориоланов*, римских маргиналов или хорошо знавших Рим изнутри, образованных харизматиков, таких как Юба, Митридат,

¹⁸⁸ Маргарян Е. Г. Митраизм в армяно-римской цивилизационной контактной зоне // Историческое пространство. Москва, 2011. С. 127–129.

Секст и прочих или тех, кто применял против римлян нестандартные методы ведения войны, которые Карл Шмитт назвал иррегулярной войной, иначе говоря, герильей, войной на истощение и обескровливание сил противника. При этом Шмитт считает, что партизан – это революционер, который не связан с властями, не имеет единого руководства и его борьба протекает исключительно на суше¹⁸⁹ – спорное, на наш взгляд, утверждение. Корсар – это никто иной, как морской партизан, ведущий иррегулярную войну. Особенность партизана в том, что он не носит униформу, поскольку это может причинить ему вред – сделать его узнаваемым, в то время как одной из задач партизана является оставаться незаметным и неузнанным¹⁹⁰. Партизан живёт гражданской жизнью, занимается повседневной деятельностью, выжидая удобного момента, чтобы нанести удар врагу там, где он этого не ожидает. Главный военный приём партизан – это засада, которую они устраивали в лесу, в горах, особенно на перевалах, у мостов и бродов¹⁹¹.

Как видим, путь римлян к победе над каперами не был усыпан лепестками роз. Империи пришлось столкнуться с

¹⁸⁹ Шмитт К. Теория партизана / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. Москва, 2007. С. 36–38, 108–109.

¹⁹⁰ Там же. С. 60.

¹⁹¹ В годы второй мировой подобную тактику боевых действий под названием «Национальный редут» намеревался применять против германского Вермахта швейцарский генерал Анри Гизан (*Gautschi W. General Henri Guisan: Die schweizerische Armeeführung im Zweiten Weltkrieg*. 4. Auflage. Verlag NZZ, Zürich 2001). Швейцарцы готовили для немцев «маленький Вьетнам» в Альпах. В итоге немцы поняли, что легче договориться с швейцарцами о транзите нужных им ресурсов, чем вести утомительную и неприбыльную войну (*Bernhard R. Das Reduit. Mythen und Fakten: militärischer Notbehelf, Rettungsanker der Nation, Mythos, Gegenmythos*. Institut Libertas, Biel/Bienne 2007).

ожесточённым сопротивлением суровых киликийских горцев и опытных мореходов по всей акватории Средиземного моря. Война Рима с каперами длилась не один десяток лет и была достигнута ценой больших потерь. Чем же объясняется такое упорство киликийцев, сицилийцев, критян и сардинцев? Как Зеникету, Никону, Менодору, Менекрату, Сексту и многим другим удалось сплотить и повести за собой в смертельную схватку разноплеменную и социально разношёрстную массу людей? Думается, дело не только в тяге людей с авантюристскими наклонностями, пиратской вольнице, и не только в желании пограбить, покуролесить, а заодно, быстро разбогатеть, или в стремлении унижить Рим, своего главного и самого ненавистного врага. Помимо корыстных интересов, киликийцев и других каперов должно было объединять нечто большее. Здесь не обошлось без идейной составляющей, которая обычно упускается исследователями. На наш взгляд, митраизм стал консолидирующей идеей и очень эффективным инструментом борьбы против Империи и несомых ею цивилизационных ценностей. Эта синкретическая религиозно-этическая система появилась в нужное время и в нужном месте, и без неё борьба с могучей милитаристской Римской державой в горах и на морях, пожалуй, не была бы столь долгой и успешной. И хотя Рим, в конце концов, победил средиземноморских каперов и нагорных эллинистических государей Востока (причём, почти одновременно), сама Империя оказалась побеждена митраизмом. Выдающиеся плагиаторы-римляне взяли на вооружение эту весьма привлекательную религиозную систему и превратили её в знамя римской армии и инструмент укрепления своей тоталитарной империи. Рим всегда умел извлекать бенефиции

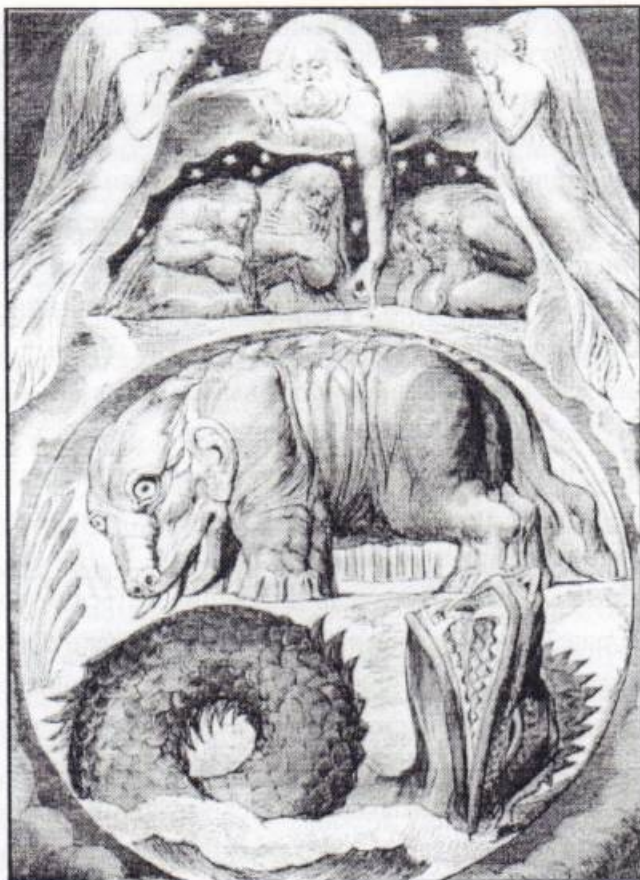
из своих поражений, и обращать себе на пользу оружие врага, используемого против него.

А чем объясняется поражение каперов в войне с Римом? Какие бы мотивы, меркантильные или возвышенные, ни двигали ими, что бы ни стояло за их упорством и самоотречением, какими ловкими и отважными бы они ни были, всё равно их борьба была обречена. Пожалуй, одной из причин их поражения стала замкнутость бассейна Средиземного моря, которую римлянам удалось превратить в своё внутреннее озеро. В этом смысле голландские каперы, английские приватиры и французские флибустьеры находились в гораздо более выгодном положении. Даже после оккупации Нидерландов испанцами, морские гёзы могли продолжать борьбу на океанических просторах. Численное превосходство испанского флота, и тем более на тот момент самой боеспособной в Европе сухопутной армии, не было определяющим фактором. Столкнувшись с превосходящими силами противника, всегда можно было ретироваться, ускользнуть от преследователей, исчезнуть за горизонтом. Сомкнутость берегов Средиземного моря не давала античным каперам такой возможности. Пока морской транспорт оставался примитивным, Средиземное море казалось бесконечно огромным, но по мере развития технологий и эволюции морских судов, зажатое между материками море стало казаться этакой лоханью. Где тут спрятаться пиратам, как уйти от облавы?

Важную роль в деле разгрома пиратов сыграли гарпаксы. Римляне научились использовать технические достижения своего врага против него же самого. Во время проводимых облав гарпаксы давали возможность многопалубным плавающим крепостям римлян (*navesrotundae*, «круглые корабли»), с крю-

ками, лебёдками, башнями, воронами и прочим, а также с двумя-тремя центуриями на борту, гарпунить быстроходные и манёвренные *naves longae*, «длинные корабли» каперов, лишая их возможности проскользнуть мимо, уйти от преследования. Гарпаксы лишили относительно лёгкие корабли флибустьеров главного преимущества – манёвренности и быстроходности. Заарканив проплывающего мимо противника, римляне вынуждали его принять ближний бой, в котором им не было равных на суше и на море. И хотя средиземноморские каперы были отчаянными рубаками и непревзойдёнными мастерами абордажного боя, благодаря чему они даже в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях не раз одерживали победу над римлянами, военно-морская машина римлян, в конце концов, перемолола их летучие партизанские силы.

И, наконец, последнее: если дистанцироваться от конкретных исторических событий и взглянуть на развернувшиеся на рубеже тысячелетий в Средиземноморском бассейне бурные события в цивилизационном ракурсе, то поневоле напрашиваются аналогии с небезызвестными образами, весьма убедительно использованными выдающимся немецким мыслителем Карлом Шмиттом для объяснения многих и многих исторических реалий. На наш взгляд, упорные и кровопролитные войны Империи с каперами вполне можно охарактеризовать как битву Бегемота и Левиафана, ветхозаветных мифических чудовищ [см.: Книга Иова: Гл. 40, 41].

Уильям Блейк. Бегемот и Левиафан*

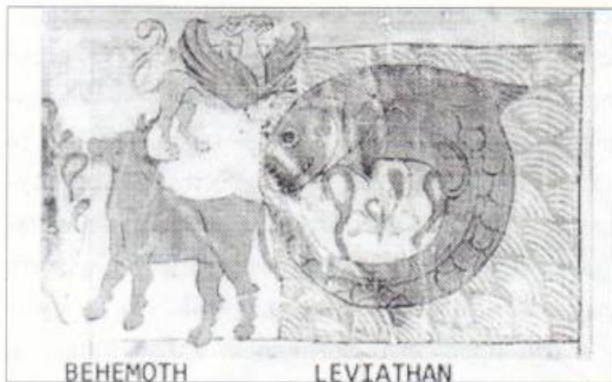
Именно так Шмитт характеризует борьбу двух цивилизационных типов или, точнее, *номосов* – талассократии и теллуократии, континентальных империй и морских, чаще всего островных или полуостровных государств. Шмитт пишет, что мировая история – это история борьбы континентальных дер-

* Источник: <http://surl.li/epawg> Дата обращения: 09.12.2023.

жав против морских и морских держав против континентальных. В работах средневековых каббалистов сохранилось весьма характерное описание этой битвы: Бегемот старается раздавить Левиафана своими рогами и разорвать клыками (в представлениях каббалистов Бегемот – это хтоническое существо, являющее помесью речного буйвола и слона), Левиафан же (своего рода помесь змеи и кита) стремится зажать своими плавниками пасть и нос Бегемота, чтобы тот не смог есть и дышать¹⁹². Это предельно наглядное, какое только и позволяет дать миф, изображение блокады континентальной державы морской державой, которая закрывает все морские подходы к суше, чтобы вызвать голод. Так, обе воюющие державы убивают друг друга¹⁹³. Планетарное противостояние морских и континентальных миров – основа цивилизационного дуализма. В кульминационные моменты войн между державами всё сводится к войне между стихиями, остальное уходит на задний план. Об этом говорили практически все античные летописцы войн Рима и Карфагена, Афин и Спарты.

¹⁹² Шмитт К. Планетарная напряжённость между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря. Москва, 2000. С. 1; Habermas J. The Horrors of Autonomy: Carl Schmitt in English // Habermas. The New Conservatism: Cultural Criticisms and the Historians' Debate. Cambridge, 1989. P. 135; Василенко И. Политическая глобалистика. Иконография глобального пространства. Том 2. Москва, 2000. С. 92; Бунге: 2012, 4; Шмитт К. Море против земли. Москва, 2007. С. 33.

¹⁹³ Изначальный антагонизм земли и моря был замечен с давних пор, и ещё в конце XIX века имевшуюся тогда напряженность в отношениях между Россией и Англией любили изображать в виде битв медведя с китом. Кит здесь воплощает огромную мифическую рыбу – Левиафана, медведь же означает одного из многих представителей наземных животных. Шмитт отмечает, что, разумеется, земля и вода в природе не враждебны друг другу: «Медведь не враждует по своей природе с китом, а кит не объявляет войну медведю». Иное дело – бесконечно враждующие номосы.

Бегемот и
Левиафан*

При этом, согласно Шмитту, оба типа номосов имеют разную подоснову. Основа существования номоса земли – Дом, обработанная земля, твёрдость суши, а номос моря символизирует текучесть воды, движение, развитие, динамику, воплощением номоса воды является Корабль или же Остров посреди вод. Платон же писал о морских народах, в частности о греках, что «те сидят на берегу Средиземного моря, подобно лягушкам» [Plato Phaedo, 109b]. Отсюда совершенно разные ментальные типы. Номос земли тяготеет к консерватизму, религиозному фундаментализму. Основной тип занятий – оседлое земледелие, преимущественно словесное творчество, вычурный стиль письма (иногда иероглифическое, как правило, на основе мёртвых языков), обычное место обитания – деревня, поместье, и неперенным условием существования этого номоса является большой город, где находится царский/императорский двор и органы центрального управления. Поэтому на континентах складываются политические образования с мощным государственным аппаратом, и неизбежными при

централизованной вертикали власти, бюрократией и чиновничеством. Более того, в таких державах очень большое значение придаётся мессианству, культу героев, жертвенности, приоритету общих целей над частными. Совокупность версий номоса земли составляет то, что принято называть историей «традиционного общества». Неизменность бытия, желание остановить время в тоталитарных сообществах порождает обращённые назад теории типа «Извечной Поднебесной», «Вечного города», «Третьего Рима», «Катехона» и пр.

Одной из важных характерных черт морских держав является их способность к перетеканию, трансформации и структурным изменениям. Поэтому морские народы свободолюбивы, склонны к исследованиям и изобретательству. Политические режимы морских государств, как правило, эволюционируют в республиканские. Другими словами, сухопутные державы имеют определённую особенность – постоянство, а морские цивилизации более склонны к прогрессу, динамике, ориентированы на завтрашний день. Это не расовая или этническая особенность, просто в консервативных континентальных сообществах окружающая среда не особенно располагает к самостоятельному мышлению, готовности быстро реагировать на калейдоскоп событий и изменения в мире, потребности к техническим нововведениям. Но иногда, с целью выстоять в конкурентной борьбе, континентальные державы мобилизуют свой ресурс и совершают подвиг, проведя модернизацию флота и армии, чтобы разбить своего извечного врага. При этом нужно учитывать, что континентальные государства, Бегемот, по Шмитту, – это не всегда исключительно сухопутные державы. На определённом этапе своего бытия Бегемот создаёт свой флот, чтобы обеспечить выход к морю и безопасность морских

* Источник: <http://surl.li/epawr> Дата обращения: 09.12.2023.

границ, как это случилось с Ахеменидской державой, Римом, Византией, Поднебесной, Османской империей, Российской империей и пр. Таким образом, море тоже может выступать зоной контакта и одновременно фронтиром между разными мирами.

Что касается непосредственно предмета нашего исследования, очевидно, что война Рима против эллинистических государств Средиземноморья была конфронтацией *номосов*, по образному выражению С. Хантингтона, «the West against the Rest» («Запад против остальных»). Это противостояние вытекало из непримиримости противоположных устоев цивилизаций. Рим воплощал строгую устойчивость легислативной и этической форм, пространство, легко поддающееся структуризации (фиксированность границ, постоянство коммуникационных путей, неизменность традиций и интересов), гиперцентрализацию, авторитаризм, чиновничий аппарат, доминирование государственных интересов над частными и т. п. Средиземноморские талассократии, наоборот, символизируют экономическую и политическую свободы, примат частного интереса над групповым, прецедентное право в противовес праву кодифицированному, по типу римского или византийского, нежелание подчиняться единому центру, самодостаточность и подвижность. Это объясняет, почему эллинам у себя на родине не удалось создать империю, подобную Ассирийской, Ахеменидской, Римской или Византийской. Наивысшей степенью объединения в талассократических сообществах стали государственные образования типа Афинского морского союза или упомянутого нами Ликийского союза, объединяющего приморские города и нагорные области (весьма схожего с Федерацией Швейцарских кантонов, разных по сути, но объединённых по интересам).

Отсюда нежелание многих свободлюбивых людей жить в Римской империи, подчиняться её «чугунным» законам и коррумпированным чиновникам, отказаться от своей самости ради тотальной нивелирующей идеи, стать маленьким винтиком хорошо отлаженной имперской государственной машины.

Однако на этом витке истории номос Моря был побеждён номосом Суши, Левиафан не смог задушить Бегемота. Рим победил все талассократические государства Средиземноморья, превратил или скорее приспособил Средиземноморский бассейн для каботажных перевозок. Без них империя не смогла бы просуществовать и года. Город-паразит просто умер бы как пациент в коме, отключённый от системы жизнеобеспечения. Поэтому, на наш взгляд, победа над средиземноморскими и черноморскими «пиратами» и покровительствовавшим им Митридатом для Рима была жизненно важна (куда важнее, скажем, чем победа над могущественными царствами Великой Армении или Парфии). Благодаря этим победам Рим обеспечил себе монопольную, дешёвую и бесперебойную перевозку жизненно важных товаров и ресурсов, обеспечил эффективную связь с колониями и оперативную транспортировку войск и пр. Со временем Рим, в некотором смысле, сам начал превращаться в талассократическую державу, помесь Бегемота и Левиафана, что может стать темой отдельного разговора.

ОЧЕРК III

ЛИМИТРОФНЫЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИ НЕСТАБИЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ РИМСКОГО МИРА. СОФЕНА И КОММАГЕНА

*Каждая цивилизация начинается с теократии и
заканчивается демократией*

Виктор Гюго
«Собор Парижской Богоматери»

1. Историко-географический обзор. Коммагена эллинистического периода – это небольшая гористая страна на правом берегу Евфрата в непосредственном соседстве с Великой Арменией. На севере естественной границей Коммагены был горный хребет Тавра, на западе – Аманские горы и Киликия, на востоке – Евфрат, а на юге Сирия. Политическим и культурным центром страны был город Самосата, окружённый мощной неприступной крепостью, остатки которой сохранились вплоть до недавнего времени. При строительстве водохранилища Ататюрк Бараджи стены Самосаты и само городище были затоплены.

Недра Коммагены были богаты полезными ископаемыми. В горах Тавра добывалась железная руда, бурый уголь (лигнит), гипс, в Евфрате мыли золото, промышленляли нефть. Богатым был мир флоры и фауны Коммагены. Склоны гор были покрыты густыми лесами, которые частично сохранились до начала прошлого века. Немецкий путешественник геолог Карл Сестер, в 1881 г. обнаруживший Немрудские памятники, так описывает этот край: «Дубы и платаны покрывают горные склоны. Растущие там и здесь в долинах фиговые, масличные деревья, орешины, гранат и виноградная лоза и лавровые кусты нигде, кроме этих мест не дают столь обильный урожай»¹⁹⁴. Приведённое описание воистину напоминает рай. Однако сегодня, спустя всего столетие, эта страна мало похожа на райские кущи. Деревья давно вырублены, а овцы и козы уничтожили остатки растительности.

¹⁹⁴ Crijns M. The Discovery of the Colossal Coronation Horoscope of Antiochus I, King of Commagene on Mt. Nemrud. BABESCH 97, 2022. P. 77–91.

Изучение страны Коммагена, её истории и культуры началось с 1883 г., когда немецкий путешественник и археолог-любитель Карл Хумманн и историк Отто Пухштайн представили научной общественности результаты археологических исследований Немрудского святилища Антиоха I Теоса Коммагенского¹⁹⁵. Обнаруженный на месте раскопок богатый материал поразил воображение современников и дал возможность исследователям по-новому взглянуть на историко-культурное прошлое региона. Изыскания были продолжены в XX в. В 1938 г. немецкая экспедиция, под руководством Карла-Фридриха Дёрнера и Рудольфа Нойманна продолжила раскопки, которые были прерваны в разгар Второй мировой. В середине 1950-х археологические исследования продолжились после того, как к Дёрнеру присоединилась американка Тереза Гёлл. Научной общественности был представлен богатый археологический материал из Арсаеи на Нимфее¹⁹⁶, среди которого особое место занимает знаменитая лапидарная надпись на греческом языке¹⁹⁷.

¹⁹⁵ Humann K. und Puchstein O. Reisen in Kleinasien und Nordsyrien. Textband. Berlin: Reimer, 1890; Puchstein O. Arsameia (am Euftrat) / Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft 3, 1895.

¹⁹⁶ Dörner F. K. 1) Zur Rekonstruktion der Ahnengallerie des Königs Antiochos I von Kommagene. //: Istanbuler Mitteilungen 17, 1967, P. 195–210; 2) Dörner F. K. ed., Kommagene. Geschichte und Kultur einer Antike Landschaft. // Antike Welt 6, 1975; 3) Kommagene, Götterthron und Königsgräber am Euphrat. Neue Entdeckungen der Archäologie, Bergisch Gladbach, Germany, 1981; Dörner F. K. and Goell T. Arsameia am Nymphaios. // Istanbuler Forschungen (далее: IF) 23, Berlin, 1963; Dörner F. K. and Naumann R. Forschungen in Kommagene. IF 10, Berlin, 1939; Hoepfner W. Arsameia am Nymphaios. II, I, IF 33, Tübingen, 1983.

¹⁹⁷ Waldmann H. Die kommagenischen Kulturreformen unter König Mithridates I Kallinikos und seinem Sohne Antiochos I. // Etudes préliminaires aux religions orientales dans l'empire romain 34, Leiden, 1973.

С древнейших времён Коммагена была в экономическом отношении одной из наиболее развитых стран региона. Это было обусловлено, прежде всего, выгодным географическим положением Коммагены. Проходящие через её территорию торгово-транспортные артерии, особенно расположенные практически на всех мостах и переправах Евфрата таможенные пункты обеспечивали правителям Коммагены высокие доходы. Не менее важную роль играл контроль над горными дорогами Тавра, позволявший правителям Коммагены регулировать товарообмен между Малой Азией и Месопотамией. На главном перекрёстке торговых путей Коммагенские Ервандяны основали свою столицу – богатый и цветущий город Самосату, который, наряду с экономическим, имел также важное стратегическое значение. Традиционно занимая нейтральную позицию между различными враждующими сверхдержавами региона, Коммагена выступала в роли торгового посредника между ними. Как и соседняя Киликия, находясь на стыке разнородных культур, в Коммагене перекрещивались хурритские (митаннийские и урартские), иранские, сирийские, греческие, и армянские этнокультурные традиции. Это, в свою очередь, обусловило выраженный синкретический характер местной культуры, наиболее ярко проявившийся в эллинистическую эпоху.

Самые ранние политические образования здесь появились ещё в первой половине II тыс. до Р. Х. В XVI в. на территории этой страны образовалось развитое и довольно жизнестойкое государство – Митанни со смешанным хурро-арийским населением. Окружённое тремя сверхдержавами того времени – Египтом, обширной Хеттской империей и Ассирией, Митаннийское царство вело непрерывную борьбу за выживание. Во

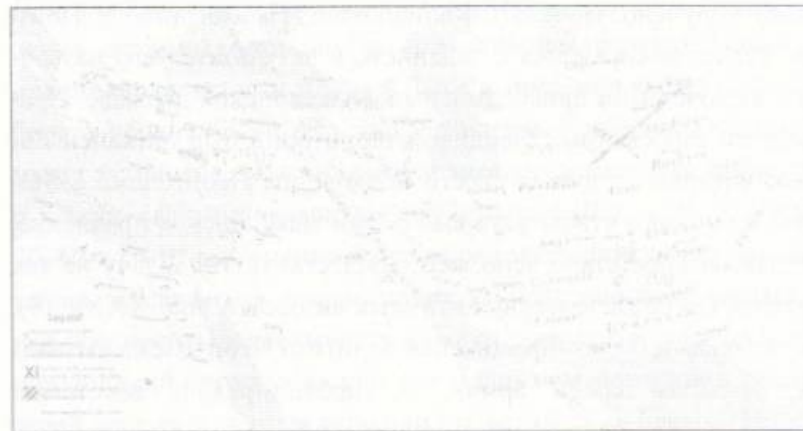
второй половине XIV в. до Р. Х. оно оказалось под властью могущественной хеттской державы, а в XIII в. окончательно рухнуло под ударами Ассирии¹⁹⁸. В период урартийского доминирования в регионе Куммух-Коммагена некоторое время входила в состав Ванского царства (Урарту).

2. Страна Коммагена в период Ахеменидского владычества и в эпоху эллинизма. Приблизительно в 605 г. рядом с Каркемышем, на месте будущей столицы Коммагены Самосаты, в решающей битве вавилонский царевич Навуходоносор нанёс сокрушительное поражение объединённой ассиро-египетской армии, поставив тем самым точку в истории Ассирийской державы. В то же время, страна Коммагена, находившаяся в подчинении у Ассирии, переходит под власть Нововавилонского царства, а спустя ещё полстолетия Кир II Великий включает Коммагену в состав своей державы. На протяжении всего персидского владычества Коммагена и Армения были частями одной из самых больших Ахеменидских сатрапий¹⁹⁹. По мнению исследователей в 518 г. до Р. Х., в результате административных реформ Дария I, Коммагена оказалась в составе,

¹⁹⁸ Մարգարյան Ե. Հ. Հյուսիսային Ասորիքը իբրև հնագույն գերտերությունների առնակատման թատերարեն՝ (Ք.ա. XVI դ. – Ք. ա. VI դ.) // Միջրականությունը Առաջավոր Ասիայի և Միջերկրածովյան ավազանի քաղաքական և կրոնահոգեվոր համակարգում, Սեդմագիր, Է.00.02 «Համաշխարհային պատմություն» մասնագիտությամբ պատմական գիտությունների դոկտորի զիտական աստիճանի հայցման ատենախոսության, Երևան 2014, էջ 17–19:

¹⁹⁹ Косвенное подтверждение этому мы находим в Немрудской надписи Антиоха I Коммагенского (о чем будет сказано ниже). В ряду царственных предков Антиоха I здесь упомянут зять Артаксеркса-Мнемона Ароанд-Ерванд, на основании чего Г. Тирацян делает вывод о том, что Ароанд-Оронтес правил одновременно над Арменией и Коммагеной (Тирацян Г. А. Указ. соч.; Саркисян Г. Х. Указ. соч. С. 34 и далее., նույնի, նշվ. աշխ., էջ 29 և հաջ., էջ 71).

так называемой XIII или Западноармянской сатрапии. Однако, во время отступления 10.000 греков, XIII и XVIII сатрапии очевидно уже составляли одну большую административную единицу²⁰⁰, что должно свидетельствовать о мощи и влиянии Ервандянов на политическую жизнь не только субрегиона, но и империи в целом. Такое положение сохранялось вплоть до походов Александра Великого. После гибели персидской державы, Коммагена ещё более полувека входила в состав Великой Армении.

Ахеменидская держава*

Однако последовавшее за распадом Ахеменидской державы смутное время подстегнуло к ослаблению сформировавшихся за предыдущие столетия традиционных экономических, этнокультурных и других связей между различными частями бывшей империи. Это привело к разьединению областей даже внутри отдельных сатрапий. Не составила исключения Арме-

²⁰⁰ Անդ, էջ 72:

* Источник: <http://surl.li/epehe> Дата обращения: 09.12.2023.

ния, где начавшийся несколькими столетиями ранее процесс формирования армянского этноса ещё не был завершён. Центробежные устремления внутри Армении подстегивались различными силами извне, в первую очередь Селевкидами. В результате от Великой Армении одно за другим начали отделяться приграничные области. Как известно, первой отделилась Малая Армения, которая до этого была частью довольно большой Западноармянской сатрапии. Это произошло в 323 г. до Р. Х., сразу после Соборания диадохов в Вавилоне, где Пердике было поручено завоевать Каппадокию, Пафлагонию и Понт. Он успешно справился с заданием, в результате чего названные страны были присоединены к Македонской державе. Правителем завоёванных Пердикой территорий был назначен Евмен, который отправил своего полководца Неоптолема в Малую Армению, чтобы установить там македонское правление. Однако вскоре стало ясно, что осуществить эту задачу не так просто. По свидетельству античных авторов (*Diod. XXXI, 19*), неуклюжая и бескомпромиссная политика Неоптолема вызвала недовольство среди армян, и спровоцировала восстание. Власть македонян оказалась под угрозой, и лишь вмешательство более гибкого политика Евмена, который, прибыв на место, вступил в переговоры с местными элитами и довольно легко согласился на многие требования армян, предотвратило вооружённое столкновение. Так Малая Армения стала первой из отделившихся армянских областей. Ситуация не изменилась и после 321 г., когда были убиты Пердика, а позднее и Евмен. На смену им пришли Селевкиды.

Что касается других приевфратских областей бывшей Армянской сатрапии Софены и Коммагены, то они, и, пожалуй, Акилисена, откололись позднее, приблизительно в 70–60-х гг.

III в. до Р. Х. (также не без вмешательства Селевкидов). Отделившись они, на юго-западе Армянского нагорья образовали объединённое Софено-Коммагенское царство, вначале с центром в Самосате, а затем и в Аршамашате. Однако даже после отделения от Великой Армении в Коммагене и Софене, лишь с небольшими перерывами, продолжала править одна из побочных ветвей династии армянских Ервандянов²⁰¹, которую мы для удобства назвали западными Ервандянами.

3. Морфогенез династии Коммагенских Ервандянов. Противостояние Селевкидам и Великой Армении. После падения державы Ахеменидов возрождённая царская династия Ервандянов с первых же дней была вынуждена вести упорную борьбу против посягательств Селевкидов. Ервандяны стали самыми активными участниками антиселевкидской коалиции государств, сформировавшейся ещё в начале III в. до Р. Х. Уже в 70–60-х гг. III в. Армения и целый ряд малоазийских стран оказались вовлечены в единое политико-правовое поле, призванное обеспечить легитимность новосозданных государственных образований. Это выражалось во взаимном признании правителей этих царств и заключении династических браков. Не менее важным было создание царских генеалогий и собственных календарей, берущих за точку отсчёта события локального значения. Так, в причерноморских странах широкое распространение получил вифинский календарь.

Однако занять определённое место в этом тандеме новообразованных эллинистических государств для большинства местных царствующих династий было лишь первым шагом на

²⁰¹ Тирацян Г. А. Страна Коммагена и Армения // Известия Академии наук Арм. ССР. Общественные науки, 1954, № 3; *Տիրացյանի Գ. Երվանդյանների Վաղաժամանակը*, «Տեղեկագիր ՀՍՍՀ ԳԱ, հաս. գիտ.», 1958, № 6:

пути к самоутверждению, следующим этапом должно было стать безусловное признание их власти Селевкидами. Для этого большинство из них непременно стремились установить матримониальные связи с домом Селевкидов. Женитьба местного монарха на принцессе из дома Селевкидов в эллинистическом мире воспринималась как официальное признание законности его царского титула и соответственно власти над управляемой страной. Однако подобное было возможно лишь при нескольких обязательных условиях: грекофильстве, признании местными государями базовых эллинистических ценностей и применении их в повседневной жизни. Кроме того, Селевкидские принцессы, поселяясь во дворцах своих мужей, привносили сюда обычаи и образ жизни своих предков. Это становилось дополнительным стимулом для распространения и укоренения эллинистических ценностей среди аутигенных элит.

Следующей ступенью морфогенеза местных династий стали конструирование генеалогий, философских и исторических опусов, призванных обосновать древность и правомочность данного царского рода, её безусловного права на власть в данной стране. Как видно из лапидарных надписей Антиоха I Коммагенского, сразу после Ароанда-Ерванда (предположительно правил в первых десятилетиях III в. до Р. Х.) в Великой Армении правил некий <...анес> (две начальные буквы его имени повреждены и не прочитываются). После смерти этого царя или в последние годы его жизни от Великой Армении, очевидно, и отделилось Софено-Коммагенское царство. Нерудская надпись Антиоха указывает на то, что основателем этого царства стал берущий начало из рода западных Ервандянов Самос (Шам или Шамс в семитских языках означает Солн-

це) (прибл. 260–243 гг. до Р. Х.). Мы мало что знаем об этом периоде Софено-Коммагенского царства. Известно, что приблизительно в середине III в. Самос построил город Самосату, будущую столицу Коммагены. В источниках этот город впервые упоминается в 245 г. до Р. Х. в труде Эратосфена²⁰². Топоним Самосата (τὰ Σαμόσατα) или Шимшат народная этимология также интерпретировала как «город Солнца». Некоторое время город назывался также Коммагенская Антиохия (Ἀντιόχεια ἡ Κομμαγηνή), возможно потому, что Самосата была одним из самых красивых городов региона и отличалась высокой эллинистической культурой. Место для столицы было выбрано так, чтобы было возможно контролировать пересекающие Евфрат торговые и военные дороги. Город также стал перевалочным пунктом на путях, ведущих из Дамаска, Пальмиры и Суры, в Малую Армению и Понт Эвксинский. Царь Самос на востоке Софены, а возможно в Акилисене, на правом берегу Евфрата основал город, в работах ранних византийских авторов известный как Самокарта.

Из источников явствует, что Шаму-Самосу наследовал его племянник Арсамес (Аршам) (прибл. 243–226 гг. до Р. Х.). Сохранилось лишь одно упоминание этого царя: автор III в. Полиен, описывая подвиги выдающихся полководцев, расска-

²⁰² См.: *Memnon*. History of Heracleia, 14; *Athenaeus* Deipnosophistae, II, 58; *Pompeius Trogus* Prologi, 27; *Stephanus* Ethnica, s.v. "Ziela". Эратосфен рассказывает, как после смерти Никомеда I, его вторая жена Этазета, пренебрегнув правами своего малолетнего сына Зиела, узурпировала власть в Вифинии. Достигнув совершеннолетия, тот в 260 г. покинул страну и нашёл убежище в Самосате при дворе «сатрапа» Самоса. Спустя некоторое время он вернулся на родину и, с помощью галатов и восстановил свои права на престол (Об этом см.: *Cohen G. M.* The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor. Berkeley, 1996).

зывает, как Антиох Гиеракс, брат Селевка II Каллиника, попытался узурпировать престол. Однако потерпев поражение от своего брата во время боевых действий в Месопотамии (прибл. 230 г. до Р. Х.), он с остатками войска отступил и был вынужден искать убежища в соседней стране, у своего друга, армянского царя Арсабеса (Ἀρσάβησ) (*Polaeni, Strategematicon libri octo. IV, 47*). Некоторые исследователи, считают, что речь идёт о правителе Софено-Коммагенского царства Арсамесе, который, подобно правителям небольших государств региона, безусловно был заинтересован в ослаблении Селевкидской державы и делал для этого всё возможное. Подобно своему предшественнику, Аршам-Арсамес развернул энергичную строительную деятельность в Софене и Коммагене. Известно, что на границе Софены и Акилисены он построил для себя новую резиденцию Арсамосату (Аршамашат)²⁰³. Кроме того, в Коммагене им были построены два значительных города, названные его именем: Арсамея на Евфрате и Арсамея на Нимфее – из чего можно заключить, что Арсамес ещё правил над объединённым Софено-Коммагенским царством.

Однако очевидно, что известный нам следующий Ервандян сын Аршам-Арсамеса по имени Ксеркс²⁰⁴ был царём лишь одной Софены и его резиденция соответственно находилась в Аршамашате. Сегодня трудно определить, когда именно разде-

²⁰³ Մարգարյան Գ. Խ. Հայ ժողովրդի պատմություն, Հատոր Ա, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատարակ., 1971, էջ 518–519, Մարգարյան Ե. Հ. Կոմմագենի Երվանդականները / Հայկազունիներ, Եր., ՀԱ ԳԱ «Գիտություն» հրատ., 2013, էջ 502–510, Մարգարյան Ե. Հ. Հելլենիստական դարաշրջանի Կոմմագենի և Ծոփքի բաղադրական պատմություն, Մաս երկրորդ: Պատմություն և մշակույթ, Գ, Եր. 2014:

²⁰⁴ Правил до 212 г. до Р. Х., первый раз упоминается у Полибия (*Polyb. VIII, 25*).

лилось Софено-Коммагенское царство. Дело в том, что единственным источником могущим пролить свет на этот вопрос остаётся лапидарная Немрудская надпись Антиоха I, однако на ней, сразу после упоминания Арсамеса, имеется большая лакуна, возникшая из-за скола в нижнем углу каменной плиты.

В 212 г. Полибий наряду с Ксерксом упоминает некоего Самоса, пожалуй, брата софенского царя Ксеркса. Сохранились монеты этого царя, которые сильно отличаются от тех, что чеканил правитель Софено-Коммагенского царства Аршам-Арсамес. Это обстоятельство дало повод многим исследователям считать, что Коммагена откололась от Софенского царства именно в этот период²⁰⁵. Очевидно, что тогда в Коммагене и утвердилась западная ветвь Ервандянов.

Годы правления Ксеркса не были безоблачными, они совпали с небывалым расцветом и ростом могущества Сирийского царства, и как следствие – чрезвычайно активной внешней политикой Антиоха III Селевкида. Согласно Полибию, первый подвергся агрессии Антиоха, тогда ещё юный софенский царь Ксеркс. Избегая столкновения с самой большой и боеспособной армией в регионе, Ксеркс в осаждённой столице оставил сильный гарнизон, а сам, очевидно с отрядом гетайров, отступил в горы, куда стал стягивать новые силы, сосредотачивая их в крепостях и горных перевалах. Осознавая, что осада и штурм этих неприступных крепостей и перевалов потребует много сил и времени и может негативно отразиться на ходе едва начавшейся кампании, Антиох решил пойти на компромисс. Он предложил Ксерксу спуститься с гор, признать суверенитет

²⁰⁵ Hummann K. und Pushstein O. Idem. S. 240; Тирация Г. А. Указ. соч. С. 74; Մարգարյան Գ. Անտիոքոս Գ Սելևկյանը և Հայկական պետությունները // Вестник Ереванского университета, 1969, № 1, С. 48–49.

Антиоха и заключить с ним союз. Хотя доверять Антиоху не было оснований, очевидно не видя другого выхода, а также поддавшись давлению своего ближайшего окружения, молодой софенский царь был вынужден принять предложение и явился к македонянам.

Опасения Ксеркса были не напрасны, Полибий свидетельствует, о том, что люди из ближайшего окружения Антиоха подстрекали его воспользоваться удобным поводом и «не выпускать из рук юношу», который прежде, как и его отец, отказывался признавать вассальную зависимость от Селевкидов, и пока он у них в руках, захватить Арсамосату и возвести на престол некоего Митридата, сына сестры Антиоха III (*Polyb.* VIII, 23 (25), 23). По мнению, Г. Х. Саркисяна, отцом Митридата был некий армянский вельможа, возможно из рода Ервандянов²⁰⁶. Однако, Антиох не только не последовал этим советам, но и радушно приняв Ксеркса, заключил с ним договор, признав его власть над Софеной «и даже сложил с него большую часть дани, которую должен был уплатить Антиоху отец Ксеркса». Получив от Ксеркса лишь «300 талантов и 1000 лошадей и столько же мулов с упряжью», Антиох III выдал замуж за софенского царя свою сестру Антиохиду, таким образом, «истинно царским великодушием, какое он обнаружил в настоящем случае, Антиох снискал себе расположение местных жителей страны» (*Polyb. Idem*).

Подобная уступчивость и «великодушие» Антиоха III в отношении софенского царя могут показаться странными, ведь породниться с домом Селевкидов и стать их союзником в дан-

²⁰⁶ Մարգարյան Գ. Խ. Там же. С. 48, Մարգարյան Գ. Խ. Հայ ժողովրդի պատմություն, Հատոր Ա, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1971, էջ 529–530:

ном случае означало укрепить и без того довольно сильные позиции царя Софены. Но Антиох имел далеко идущие планы на Востоке, и временные уступки правителю этой маленькой горной страны вовсе не были случайностью, а «на данном этапе вполне продуманной политикой»²⁰⁷, направленной на обеспечение тыла Селевкидского царства, в период отсутствия в регионе основных сил во время похода вглубь Азии.

Монета с изображением Антиоха III

Восточная кампания Антиоха увенчалась успехом. В 201 г. вернувшись в Сирию, он решает подвести черту под с десяток лет назад начатыми мероприятиями, подчинить своей власти владения дома Ервандянов – Великую Армению, Малую Армению, Софену и Коммагену (Малая Армения и так находилась под контролем македонян). Первым делом, софенская царица Антиохида по поручению брата умерщвляет своего мужа Ксеркса. Оставшись без правителя Софена в одночасье оказа-

²⁰⁷ Մարգարյան Գ. Խ. Там же. С. 47:

* Источник: <https://ru.pinterest.com/pin/558446422522790534/> Дата обращения: 09.12.2023.

лась оккупирована Селевкидами. Вместо заговорщически убитого Ксеркса Антиох назначает стратегом Софены Зареха-Зариадра, а стратегом Коммагены некоего Птолемея (Πτολεμαῖος) (201–163)²⁰⁸. Птолемей, в статусе эпистата правил страной в годы правления Антиоха IV Великого, Селевка Филопатора и Антиоха V Евпатора.

В 163 г. до Р. Х. был убит Антиох V Селевкид, после его смерти Сирийское царство стало клониться к упадку, чем поспешили воспользоваться многие управляющие на местах, в том числе Птолемей, который объявил себя независимым царём. Описывая события 162 г. Диодор Сицилийский уже упоминает Птолемея в качестве автократора Коммагены (*Diod. XXXI, 19a*), а Самосату называет его престольным городом.

Некоторые исследователи убеждены, что в годы правления Птолемея династия Ервандянов в Коммагене оборвалась, подобно тому, как это было в армянских эллинистических царствах, сам же Птолемей был обычным македонским военачальником, вероятнее всего командиром Самосатского гарнизона. На это указывает и то обстоятельство, что он не имел статуса стратега, и в источниках упоминается лишь как эписнат. В Коммагене он был абсолютно чуждым элементом, скорее всего не имевшим опоры ни среди местной элиты, ни среди городских низов.

И действительно, вряд ли Антиох III Селевкид стал бы менять одного Ервандяна на другого, ведь местное население воспринимало ставленников Селевкидов не как легитимных правителей, а как узурпаторов, чья власть зиждется лишь на

²⁰⁸ Это тоже говорит в пользу того, что к тому времени Коммагена отделилась от Софены.

мощи македонского оружия. Такие «назначенцы» обычно только и могут рассчитывать на политическую и военную поддержку со стороны империи. В то же время, всегда есть вероятность, что изначально компрадорски настроенные местные династы под воздействием тех или иных обстоятельств могут поменять политическую ориентацию и, опираясь на внутренний ресурс (особенно на родовую знать и народное собрание), отложиться от метрополии, объявив себя суверенными царями.

Поэтому Селевкиды предпочли правителем Коммагены, да ещё в статусе эпистата, назначить греко-македонского офицера, не имевшего социальной базы среди местного населения и могущего уповать только на поддержку имперских властей. К тому же, Селевкиды были уверены, что назначение управленцем грека или македонянина не вызовет негативной реакции среди полиэтничного и более остальных стран эллинизированного торговопромышленного населения городов Коммагены. Такое назначение невозможно представить в практически моноэтничных Великой Армении, Софене и даже Малой Армении, где стратеги скорее всего избирались из числа местной родовой знати, состоявшие в родственных связях со свергнутой династией. Очевидно поэтому, после поражения Селевкидов у Магнесии, практически все местные династы провозгласили независимость своих стран, за исключением эпистата Коммагены. Будучи фактически суверенным правителем с 189 г., Птолемей осмелился объявить о своей независимости и присвоить себе царский титул лишь в 162 г. За этой лояльностью Селевкидам стояли не столько политическая осторожность или македонский патриотизм, сколько опасение не удержаться у власти без содействия из Антиохии.

Однако ряд исследователей, опираясь на лапидарные надписи Антиоха I Коммагенского, всё-таки склонны считать Птолемея также представителем дома Ервандянов²⁰⁹. Учитывая распространённую в этом регионе практику увязывания местных царствующих династов с империями при помощи матриониальных связей, исключать такую возможность нельзя. Арташес, Зариадр и Птолемей вполне могли состоять в когнатических отношениях с местным домом Ервандянов (например, доподлинно известно, что Птолемей был родственником Митридата I Парфянского). Но поскольку на это нет прямых указаний, подобное предположение может быть принято лишь в качестве одной из версий.

Умер Птолемей в 130 г. до Р. Х. Сразу после его смерти на коммагенском престоле мы вновь видим венценосного царя с династическим именем западных Ервандянов – Самос Дикайос Феосебос (прибл. 130–109 гг. до Р. Х), который, по всей видимости, был восстановителем прерванных традиций этой древней династии в Коммагене²¹⁰.

Однако, пожалуй, одним из наиболее ярких представителей этого царского дома на коммагенском престоле следует считать Митридата I Каллиника (109–70 гг. до Р. Х.), который, как известно, пользовался большой популярностью у себя на родине. Подобно многим странам региона, Коммагена эллинистического периода имела полиэтничное и весьма разношёрстное население. Местные народы и племена говорили на разных языках и наречиях, имели свои обычаи и отличались

²⁰⁹ *Chahin M. The Kingdom of Armenia: A History. Bristol, 2001. P. 190–191.*

²¹⁰ *Տիրացյանի Գ. Երվանդունիները Հայաստանում, «Տիդեկագիր» ՀՄՄՀ ԳԱ, հաս. գիտ., 1958, № 6:*

разными уровнями развития. В условиях ещё несформировавшейся национальной идентичности, когда общинные родовые взаимоотношения продолжали доминировать, важно было найти какую-нибудь объединяющую идею, способную сплотить дискретный коммагенский социум. С этой целью Митридат I провёл ряд мероприятий. Он организовал пользующиеся большой популярностью, ежегодные Олимпийские игры, посвящённые главным богам и демонам (духам) царских предков, очевидно взяв за образец Элладу классического периода, где разные племена и постоянно враждующие города-государства объединяли пантеон Олимпийских богов и посвящённые им панэллинские Олимпийские игры, проводимые у подножия священной для всех эллинов горы²¹¹. В молодые годы Митридат и сам принимал участие в таких играх и всегда выходил победителем (возможно не только потому, что остальные атлеты подыгрывали и поддавались царю). Отсюда его прозвище Каллиник – «Красиво побеждающий», «Одерживающий славные победы». Эти спортивные достижения принесли Митридату признание и всенародную любовь.

Особое значение приобрело формирование новой религиозной системы. Она была основана на обожествлении предков и модернизированном, с учётом местных особенностей, зороастризме. Однако стержневым компонентом нового религиозного учения стал культ Митры. В результате синкретизации зороастризма, культа митры, древнейших арийских духовных традиций и эллинистических философских воззрений в Приевфратской контактной зоне сложилась новая, в основе

²¹¹ *Miles R. Communicating culture, identity, and power. In J. Huskinson (Ed.), Experiencing Rome. Culture, identity and power in the Roman empire. New York: Routledge in association with Open University Press, 2000. Pp. 29–62.*

своей эллинистическая, надплеменная, надэтническая религиозно-этическая система.

Ещё в юности Митридат женился на Лаодике (ἡ Λαοδίκη) VII Тее (род. в 122 г. до Р. Х.), дочери Селевкидского царя Антиоха VIII, и принцессы дома Птолемеев Клеопатры Трифани (Κλεοπάτρα Τρύφαινα). От этого брачного союза 29 июля 98 г. до Р. Х. родился Антиох I (правил ок. 70–38 гг.), пожалуй, бывший единственным сыном в семье и наследником престола. Своё имя Антиох Ервандян получил в честь деда по матери. Таким образом, Антиох I был первым царём в Северной Сирии, имевшим по материнской линии греко-македонские корни и бывшим прямым наследником Селевка I Никатора и Египетского царя Птолемея I Сотера.²¹²

Брак Митридата и Лаодики был взаимовыгодным. С каждым днём слабеющее Селевкидское царство подвергалось сильнейшему натиску со стороны молодых хищников – Рима и Парфии. В этих условиях Селевкиды остро нуждались в союзниках. Бывшие в прошлом объектами селевкидской агрессии небольшие эллинистические царства ныне оказались в одинаковом и даже более выигрышном положении, нежели Сирийское государство. Выравнивание сил и общие интересы толкали бывших врагов на сближение, которое по традиции закреплялось матримониальными узами. Очевидно, именно так Митридат Каллиник стал зятем Селевкидского царя и переплёл ветви своего генеалогического древа с древом Селевкидов. Сын же Митридата был женат на принцессе Пифодории²¹³ (Исида Фи-

лострога «Единолюбивая»), дочери Каппадокийского царя Ариобарзана I (95–63) и сестрой Ариобарзана II (63–51). Как и в случае с родителями Антиоха I – это был брак по расчёту, и, тем не менее, в своей лапидарной надписи Антиох с нежностью называет Пифодорию «любимой». Она родила Антиоху трёх детей: Митридата II, который после смерти отца унаследовал престол Коммагенского царства, Антиоха II, убитого в 29 г. до Р. Х. по приказу Октавиана-Августа и дочь Лаодику, выданную замуж за парфянского царя Орода II.

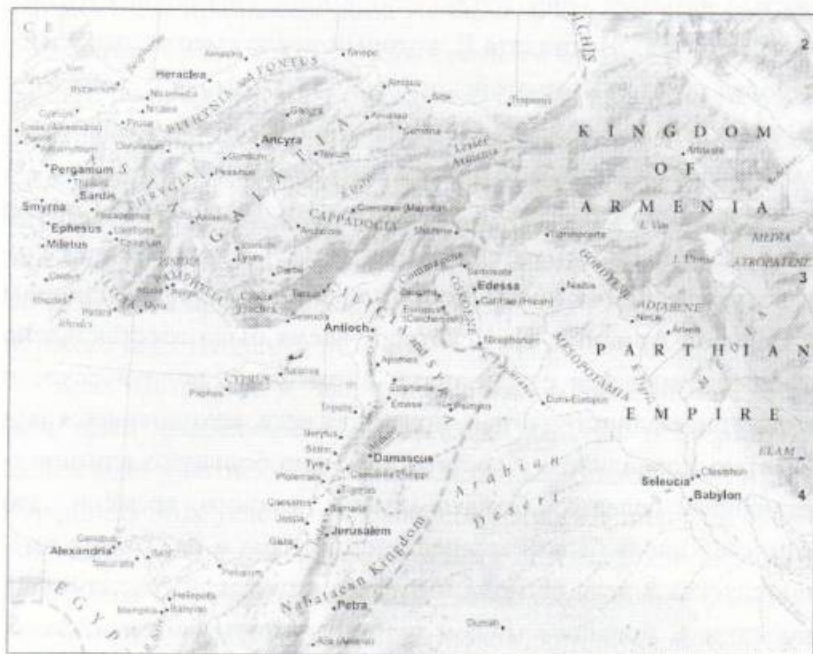
Известно, что, будучи завоёванными Тиграном II Софена (93 г. до Р. Х.) и Коммагена (87 г. до Р. Х.), в качестве вассальных царств, без видимого сопротивления были присоединены к Великой Армении. На некоторое время было восстановлено сформировавшееся ещё в эпоху Ахеменидов политическое и культурное единство стран, почти два века, находившихся под властью Ервандянов, в составе довольно большого административного деления. Однако спустя немного времени, это единство вновь было нарушено, на этот раз в результате вмешательства в дела региона империалистической Римской республики. С большим трудом разбив Митридата Понтийского, Рим направил свой следующий удар на Великую Армению.

Excavations Directed by Theresa B. Goell. Theresa Goell (Editor), H. G. Bachmann (Editor), Donald Hugo Sanders (Editor). Eisenbrauns, Winona Lake, Ind. 1996. P. 374; Маргарян Е. Г. 1) Святилища страны Коммагены и Армения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Ереван: Изд. Института истории АН РА, 1992; 2) Очерки политической истории Софены (Цопк) и Коммагены эллинистического периода // Историческое пространство. Москва: Наука, 2013; 3) Риторика на вершинах Тавра // Критика и семиотика и герменевтика. Вып. 15. Новосибирск-Москва: Институт филологии сибирского отделения РАН, Новосибирский госуниверситет, РГГУ, 2013. С. 31–84.

²¹² Sullivan R. The dynasty of Commagene. Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt, 1977. 2 (8), 732–798.

²¹³ Donald H. Sanders (Hrsg.) Nemrud Dagi: The Hierothesion of Antiochus I of Commagene (Volume 1, Illustrations): Results of the American

Тигран II был вынужден оставить завоёванные страны, и среди них Коммагену. Появление Рима нарушило гомеостазис, саморегулирующееся системное политическое, экономическое и культурное динамичное равновесие в регионе.

Восточные пределы Римского мира.
Привефратский фронтир в нач. I в.*

4. Противостояние Риму и Парфии. *Race e guerra romana.* Согласно Диону, в 69 г. до Р. X. римляне впервые атаковали Коммагену и осадили Самосату (*Dion Cass. Frag. XXXV 2*). Однако совершенно неожиданно, и в первую оче-

* Источник: Curtis, A. Oxford Bible Atlas / A. Curtis. Oxford: University Press, 2007. P. 159.

редь для самих римлян, их военная машина дала сбой и буквально увязла под стенами города. Оборону возглавил сам Антиох I. С крепостных башен на римлян обрушился град стрел и камней, и вдобавок к этому, некое горючее вещество, которое невозможно было погасить водой. Завоеватели никогда прежде не сталкивались с подобным оружием. Римский историк Плиний рассказывает, что солдаты, на которых попадала эта горючая смесь, сгорали вместе с оружием, щиты и шлемы прожигало насквозь. Хорошо организованное сопротивление и прежде неизвестная огнесмесь повергли римлян в замешательство. Было очевидно, что в этот раз покорить город не получится, и в 69 г. до Р. X. состоялись переговоры: под стенами Самосаты встретились царь Коммагены Антиох I и проконсул Азии Луций Лициний Лукулл. Неизвестно, что они обсуждали, однако сразу после этого римские легионы отступили от города и покинули страну. Римские историки ничего определённого не говорят о результатах этой кампании Лукулла, однако не вызывает сомнения, что в Коммагене римлян постигла неудача. Воодушевлённый своими победами, и воспользовавшись тем, что Тигран Армянский и Митридат понтийский были отвлечены войной с Римом и внутренними неурядицами²¹⁴, Антиох Коммагенский овладел Селевкией, значительно прирастив территорию своего царства за счёт сопредельной Месопотамии, ранее входившей в состав державы Тиграна Великого.

Неудачи Лукулла на Востоке постарался исправить молодой и удачливый военачальник Помпей. В основном это ему удалось, однако и на этот раз в Коммагене римляне столкну-

²¹⁴ По наущению Митридата, против Тиграна Великого восстал его сын и наследник престола Тигран Младший, вовлечённый во внутренний конфликт вначале парфян, а затем и римлян.

лись с трудностями. Сразу после заключения с Тиграном в 66 г. Арташатского мирного договора (*Appian Mithr.* 106, 114) Помпей двинул свою армию против Антиоха Коммагенского. Перевалив Тавр, он вторгся в Коммагенское царство, на этот раз римляне были лучше подготовлены, но тоже особых успехов не добились. Аппиан так описывает эти события: «Помпей, перейдя через Тавр, вступил в войну с Антиохом, царём Коммагены, пока Антиох не заключил с ним дружбы и союза; он начал войну и с Дарием, царём Мидии, пока не заставил его бежать, за то, что тот помогал или Антиоху, или ещё раньше Тиграну» (*Appian. Mithr.* 106). Как видим, Помпей счёл достаточным, что царь Коммагенский признал себя другом (*Amici Populi Romani*) римского народа и заключил мир, весьма выгодный, как увидим дальше, для Антиоха и не слишком выигранный для Рима.

Выгоды от союза с Рима для Коммагены становятся более очевидными при сравнении статуса Антиоха Коммагенского со статусом других правителей региона. Вследствие совершённых Помпеем в Передней Азии политических перестановок, некоторые страны потеряли свою независимость и вошли в состав Римской империи. Это в первую очередь относилось к Малоазийским странам и Сирии, в том числе к Селевкидскому царству, территория которого была включена в состав провинции Сирия²¹⁵. Коммагена же напротив, не только сохранила свой суверенитет, но и расширила границы, присоединив некоторые области соседней Северной Месопотамии (*Strabo* 16, 2,3; *Plin.*, NH, 2,1; *Tac. Ann.*, 12, 12). В связи с этим Аппиан пи-

²¹⁵ *Hartmann M. and Speidel M. A.* The Roman Army at Zeugma: recent research results // *Zeugma: Interim Reports. Journal of Roman Archaeology. Suppl. Seris* 51, 2003. Pp. 100–121.

шет «Из завоёванных народов он одних оставил автономными за оказанную военную помощь, других он подчинил римлянам, а третьих передал под власть царей, отдав Тиграну Армению, Фарнаку Боспор, Ариобарзану Каппадокию и все другие области, о которых я сказал раньше. Антиоху из Коммагены он отдал Селевкию и все другие области Месопотамии, которые он захватил во время набега» (*Idem.* 114).

Договор с Помпеем очевидно был заключён в 64 г. Подобно государям Великой Армении и других ключевых государств региона, Антиох был объявлен «другом и союзником римского народа», были восстановлены суверенитет и прежняя титулатура Ервандянов. Казалось, римляне всячески старались потрафить царю Коммагены. В 59 г. до Р. Х. Цезарь, от имени Сената, послал Антиоху I Коммагенскому тогу. Обычно тогу жаловали тем, кого объявляли римским гражданами²¹⁶, но часть исследователей считают маловероятным, чтобы Антиох I получил тогу и гражданство одновременно²¹⁷. Есть мнение, что первым коммагенским царём, получившим римское гражданство был лишь Антиох IV²¹⁸.

Все эти преференции и знаки внимания к Коммагенскому царю отнюдь не были случайностью. Ведь римлянам так и не

²¹⁶ *Steele Ph.* *Clothes and Crafts in Roman Times.* Gareth Stevens Publishing, 2000. P. 23; *D'Amato R.* (Author) and *Sumner G.* (Illustrator) *Roman Military clothing (2) AD 200 to 400 (Men-at-Arms).* Oxford, 2002.

²¹⁷ *Raggi A.* The First Roman Citizens among Eastern Dynasts and Kings: In *Kingdoms and Principalities in the Roman Near East 2010.* P. 92; *Ching-Yuan Wu* "Live Like a King": The Monument of Philopappus and the Continuity of Client-Kingship // *Perceiving Power in Early Modern Europe.* 2016. P. 25–47.

²¹⁸ *Bround D.* Rome and the Friendly King. The character of the client kingship. London and Canberra, New York, 1984. P. 42; *Speidel M. A.* Early roman rule in Commagene. In *Scripta Classica Israelica.* 2005. Pp. 85–100. P. 4.

удалось овладеть этой небольшой, но довольно сильной высокогорной страной. В источниках нет упоминания ни единой значимой победы римского оружия в Коммагене, поэтому нет ничего странного в том, что Помпей довольствовался малым. Его мотивы более чем очевидны. Как и в случае с Тиграном Великим, римский военачальник не счёл целесообразным продолжать конфронтацию и ещё более обострять взаимоотношения Рима с правителем этой приевфратской страны. Помпей понимал, что любой неосторожный дипломатический манёвр может подтолкнуть армянского и коммагенского царей на союз с Парфией, а это, в свою очередь, неизбежно поставит под угрозу все достижения римского оружия и римской внешней политики на востоке Римского мира (как это уже раз случилось из-за недалёковидной политики Лукулла).

Монеты с изображением Антиоха Коммагенского и Тиграна Армянского с армянской династической тиарой, украшенной характерной символикой*

Так, в регионе возникла новая политическая ситуация, не соотносившаяся с которой было невозможно. Отделив Ком-

магену от Великой Армении, Антиох Каллиник начал осуществлять вполне самостоятельную политику, направленную на сохранение (пожалуй, не столь уж формального) суверенитета и поднятие авторитета царского дома коммагенских Ервандянов²¹⁹. Характерно, что «филоромейство» Антиоха не помешало ему выдать замуж свою дочь Лаодику за парфянского царя Орода (*Dion Cass.* XLIX. 23), того самого, чьей армии в 53 г. ещё предстояло разгромить легионы Красса под Харраном. От этого брака родился наследник парфянского престола царевич Пакорос-Бакур, в дальнейшем ставший зятем армянского царя Артавазда II. Из источников явствует, что Антиох не оказывал явного предпочтения ни одной из противоборствующих сторон и, исходя из политической конъюнктуры в равной мере оказывал содействие то римлянам, то парфянам, избегая при этом конфронтации с теми и с другими. Показателен эпизод, когда в годы наместничества Цицерона в Киликии (51 г. до Р. Х.) в римский лагерь неожиданно прибыли посланники Антиоха Коммагенского, предоставившие важные известия о продвижении войск Орода и Артавазда II (*C. a Fam.* XV. 1, 3, 4).

В «Гражданской войне» Цезарь сообщает, что в его борьбе за власть между двумя из оставшихся триумвиров (49 г.) Антиох занял сторону Помпея и деятельно помогал ему. Коммагенский царь считал себя связанным узами личной дружбы с Помпеем, вдобавок ранее Помпей проявил себя как договорос-

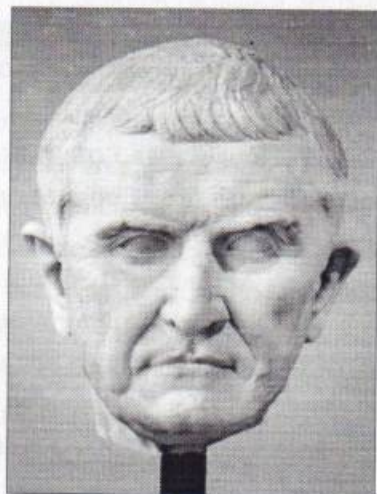
²¹⁹ Не будем забывать, что между царствующими домами Ервандянов и Арташесидов ещё с 201 г. до Р. Х. существовала застарелая вражда, сопоставимая с враждой более позднего периода между армянскими Аршакидами и персидскими Сасанидами. Пожалуй, этим обусловлено то обстоятельство, что Ервандяны Коммагены даже не пытались заключить союз с армянскими Арташесидами против Рима – общего врага армян и коммагенцев.

* Источник: <http://surl.li/epcmu> Дата обращения: 09.12.2023.

пособный союзник, поэтому уже в первые дни войны коммагенский царь выслал на помощь Помпею своих верховых лучников-иппотоξόται²²⁰.

Актёр с маской в руках
Изображение с греческой вазы*

Марк Лициний Красс
Мраморный бюст. Лувр, Париж**

Заключённый в 65 г. договор с Помпеем и расклад сил в регионе в целом на тот момент как нельзя более соответствовали интересам Коммагены. В то же время, Восток не был зна-

²²⁰ сс. "ex Syrie a Commagene Antiocho, cui magna Pompeius praemia tribuit, missi errant in his plerique hippotoxotai" (Caesar. Bell. civ. III 4-5); "Κομμαγηνοὶ τε ὑπ' Ἀντίοχου πεμφθέντες" (Appian. Bell. civ. II 49 параграф 202). О конных лучниках в указанную эпоху см.: Launey M. Recherches sur les armées Hellénistiques. Paris, 1949. P. 585-586; Fraser P. M. The Kings of Commagene and the Greek World // Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens: Festschrift für Friedrich Karl Dörner zum 65. Geburtstag am 28. Februar 1976 / hrsg. von Sencer Sahin, Elmar Schwertheim, Jorg Wagner Leiden: E. J. Brill, 1978. In 2 vol. Vol. 1. P. 373.

* Источник: <http://surl.li/epcnm>.

** Источник: [pinterest.com](https://www.pinterest.com) Дата обращения: 09.12.2023.

ком с Цезарем, местным политическим элитам тот представлялся жёстким и бескомпромиссным политиком, типа Лукулла, нацеленным исключительно на разграбление и порабощение восточных стран²²¹. Поэтому в противоборстве Цезарь – Помпей, предпочтение, естественно, отдавалось последнему. Любые изменения в регионе могли нарушить едва оформившийся и ещё совсем неустойчивый баланс сил и окончательно подорвать региональный гомеостазис, что облегчило бы римлянам доступ в Приевфратское междумирье. Можно также допустить, что симпатии Антиоха к Помпею были обусловлены

религиозными соображениями, ведь Помпей был первым римским государственным деятелем, принявшим митраизм, а коммагенский царь был одним из его мистагогов, посвятившим молодого римского нобиля в очередной митраистский ранг.

Стела Антиоха I. Царь пожимает
руку Митре-Аполлону-Гелиосу*

²²¹ Хотя мы склонны считать, что Цезарь не только продолжил бы линию Помпея, но и пошёл бы дальше. Вероятнее всего он, подобно Августу, не стал бы противопоставлять Рим Востоку, а перенес свою столицу в Александрию или Антиохию, положил бы начало новому эллинистическому Риму.

* Источник: <http://surl.li/epcoy> Дата обращения: 09.12.2023.

Всё это характеризует Антиоха как гибкого и расчётливого политика, по меньшей мере, регионального масштаба. Будучи во многом обязан своим суверенитетом римлянам и имея в своей титулатуре эпитет «филоромей» (φιλορώμαιος), он без колебаний мог оказаться в противоположном лагере, если того требовали интересы страны. В этом отношении образ Антиоха имеет много общего с образом его современника армянского царя Артавазда II, который, подобно Антиоху, тоже довольно успешно использовал политику «третьей силы»²²².

В годы правления Антиоха Коммагена переживала небывалый экономический и культурный подъём, лучшим подтверждением чему является огромное богатство и развернувшееся в годы его правления строительство²²³. О степени политической самостоятельности и высоком международном авторитете царя Коммагены говорит его титулатура, засвидетельствованная в греческих надписях гиеротесиона на горе Немруд и в святилище Арсамеи на Нимфее. В этих инскрипциях Антиох себя величает: «Царь Великий Антиох Бог Справедливый Нисшедший Филоромей и Филэллин...» (ο Αντίοχος Θεός Δίκαιος Επιφανής Φιλορώμαϊός Φιλέλλην...).

²²² *Մանուկյան Ռ. Հայաստանը Արտավազդից մինչև Տիգրան Մեծ, Երևան, 1997, էջ 71–72, 213:*

²²³ *Elsner J. Art and the Roman viewer. The transformation of art from the pagan world to Christianity. Cambridge: Cambridge University Press, 1995; Kropp A. J. M. Images and monuments of near eastern dynasts, 100 BC–AD 100. Oxford: Oxford University Press, 2013. Dörner F. K. Epigraphy analysis. In D. H. Sanders (Ed.), Nemrud Dagi. The Hierothesion of Antiochus I of Commagene (Vol. 1, pp. 361–377). Eisenbrauns: Winona Lake, 1996; Sanders D. H., & Young J. H. Sculpture analysis. // Ed. by D. H. Sanders, Nemrud Dagi. The Hierothesion of Antiochus I of Commagene. Vol. 1. Eisenbrauns: Winona Lake, 1996. P. 378–471.*

Αντίοχος ὁ Θεός Δίκαιος Ἐπιφανής
Φιλορώμαϊός Φιλέλλην

Голова Антиоха из Святилища на горе
Немруд с Западной террасы. Фото
1883*

Однако сколь бы эффективной ни была политика Антиоха, она не могла бесконечно ограждать страну от посягательств соседних державных государств. Статус «друга и союзника римского народа» царь Коммагены, в основном, использовал для укрепления своего суверенитета, что не совпадало ни с экспансионистскими империалистическими устремлениями римской политической элиты, ни с военно-политическими планами парфян и даже армян. Особое приграничное геополитическое расположение и растущее богатство Ервандянов притягивало к Коммагене внимание смежных держав региона. И теперь, в период вновь обострившейся политической обстановки, приходилось ожидать новых рецидивов агрессии, особенно со стороны милитаристической Римской державы.

Следующую попытку подчинить Коммагену предпринял Марк Лициний Красс, который, однако, в 53 г., потерпел поражение от парфян и был убит, а труп его подвергся надруга-

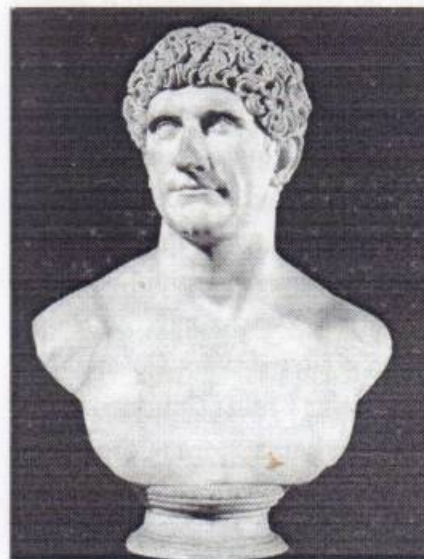
* Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Antiochus_Hamdy.jpg

тельству. Вторжение Красса окончательно расстроило го-меостазис в регионе. Доверие к римлянам было потеряно и «филоромейство» Антиоха перестало соответствовать злобе дня. От римлян не могли укрыться попытки коммагенского ца-ря диверсифицировать союз 65 года. Вместе с тем, римлян не могло не беспокоить то, что парфянский кронпринц престола Бакур приходился внуком Антиоху Коммагенскому и зятем Артавазду Армянскому. Наметившаяся парфяно-армяно-коммагенский военно-политическая коалиция явно нарушала раск-лад сил, некогда сложившийся стараниями Помпея, и могла стать причиной больших неприятностей для Рима. Однако смерть Бакура и естественные внутренние противоречия лиши-ли этот союз перспектив. Он, по сути, распался.

Некоторое время спустя Антиоху пришлось защищать свою страну от ещё одного «друга и союзника», триумвира Марка Антония. В 38 г. легат и, пожалуй, самый способный военачальник Антония, Публий Вентидий Басс, во время вой-ны с парфянами напал на коммагенского царя. Поводом стало обвинение, выдвинутое Антонием Антиоху в том, что тот имел тайные сношения с парфянами и помогал своему внуку Бакуру (это, пожалуй, могло быть правдой, но Антоний не смог предъявить даже косвенных доказательств в подтверждение своих обвинений). Подлинные причины вторжения Басса в Коммагену, безусловно, следует искать в другой плоскости. В регионе, да и в самом Риме ни для кого не было секретом, что Антоний разорён и задолжал всем, от солдат до поваров и па-рикмахеров. Вместе с тем, все знали об огромном богатстве коммагенского царя, которого предшественники Антония, сог-ласно римской традиции, ещё не успели обобрать. Имея огром-ные запросы и ещё большие долги, также имея в своём распо-

ряжении самую совершенную военную машину того времени, алчному римлянину было трудно удержаться от соблазна раз-рубить «гордиев узел» своих финансовых проблем мечом римских легионеров. Зная о мотивах Антония и его финансо-вых проблемах, Антиох обратился к Антонию с «взаимовыгод-ным предложением». Римскому триумвиру была предложено «вспоможение» в 1000 талантов серебром (прибл. 25 тонн), после чего тот должен был удалиться из страны раз и навсегда. Однако алчному римлянину этого показалось мало. Он был уверен, что в отличие от своих предшественников сможет лег-ко овладеть Коммагеной и захватить все богатства страны, ук-

расив, вдобавок, своё чело венцом победителя Антио-ха Каллиника. Непобеди-мый же коммагенский царь с женой и детьми должны будут в золотых цепях и с ярмом на шее пройти перед Клеопатрой, став достой-ным украшением триумфа Антония.

Предполагаемый бюст Марка Антония*

* Источник: <http://surl.li/epckm> Дата обращения: 09.12.2023.

Однако, как продемонстрировали дальнейшие события, триумвир недооценил противника и, как водится, переоценил свои силы. Антоний был настолько самоуверен, что на начальном этапе кампании даже не счёл нужным лично возглавить свою армию. Вместо себя командиром своих легионов и организатором специальной военной операции по изъятию денег у коммагенского царя он назначил Вентидия Басса, а сам остался в Тарсе, куда, как видно из источников, в 38 г. прибыла Клеопатра со своим двором.

Однако скоро из Коммагены стали поступать тревожные вести: осадившего Самосату Басса, единственного из римлян, кому до того удалось нанести поражение парфянам, одна за другой преследовали неудачи. Для того, чтобы подбодрить деморализованное из-за неудач войско, Антоний сам прибыл в лагерь. Обвинив Басса в безынициативности и отстранив его от командования, он предпринял несколько штурмов, но понесся огромные потери, был вынужден отказаться от этой затеи. Его присутствие в войске стало поводом для недовольства и брожения среди солдат. В отличие от Басса, Антоний не жалел солдат и кидал их в одну провальную атаку за другой. Не помог Антонию и давний соперник коммагенских Ервандянов, царь Иудеи Ирод, который прибыл под стены Самосаты в самый разгар кампании и немедленно приступил к осаде городских стен²²⁴. По сути, Антоний, как и все его предшественники, по-

²²⁴ Описывая эти события в «Иудейской войне», Иосиф Флавий сообщает, что якобы Ироду удалось захватить Самосату, что не находит подтверждения у других авторов. Еврейский историк приписывает Ироду подвиги, которые тот никогда не совершал: «... узнав, что Антоний с сильной армией ведёт атаку на Самосату (сильный город на Евфрате), он ещё больше ускорил свой путь, так как здесь ему представился удобный случай показать свою храбрость и этим ещё больше обязать Антония. И действ-

терпел фиаско. Это удостоверяет Кассий Дион, который повествует, что Вентидий «... осадил в Самосате Антиоха, царя Коммагены. Антиох был согласен уплатить тысячу талантов и впредь подчиняться распоряжениям Антония, но Вентидий приказал ему отправить послов к самому Антонию, который был уже близко и не позволял своему полководцу заключать мир, желая хоть это единственное дело обозначить своим собственным именем, чтобы не казалось, будто все достижения на Востоке – заслуга одного Вентидия. Осада, однако ж, затягивалась, неприятели за стенами Самосаты отказались от надежды на перемирие и стали защищаться с удвоенной силой, и Антоний, ничего не достигнув, в стыде и раскаянии, был рад примириться с Антиохом, получив от него триста талантов» (Plut. Ant. 34). Приблизительно также эти события описаны и у Кассия Диона (см.: Dion Cass. XXIX, 20, 4–5, 22, 1).

Так, заключив с Антонием договор, Антиох сохранял свой суверенный статус и оставался «другом и союзником римского народа». Он дал формальное обещание впредь не помогать парфянам и выплачивал Антонию лишь 300 талантов, вместо изначально предложенных 1000 (Dion Cass. XLIX 20–22; Plut. Ant. 34). Это фиаско значительно подорвало авторитет Антония и вынудило его отложить поход против парфян до следую-

вительно, его прибытие положило конец осаде: он истребил много варваров и собрал много добычи. Антоний, давний обожатель его храбрости, сделался им теперь ещё в более высокой степени; к прежним знакам отличия он прибавил ему ещё новые и укрепил его надежды на престол. Царь Антиох должен был, однако, сдать Самосату» (Иосиф Флавий Иудейская война. Кн. I, Гл. 16. 7). Большая часть исследователей считают сведения Флавия тенденциозными и не заслуживающими доверия. Более достоверно описывает эти события Дион Кассий, именно его данные мы взяли в качестве исходных.

шего года. Однако и следующий год оказался для Антония несчастливим: бездарно потерпев фиаско в парфянской кампании, он обвинил в своих неудачах Артавазда Армянского.

Не сумев разрешить свои финансовые трудности за счёт коммагенцев, Антоний решил пожить за счёт ещё одного «друга и союзника римского народа» царя Великой Армении Артавазда. Триумvir пригласил армянского царя для переговоров об организации нового похода против парфян, а чтобы закрепить римско-армянский союз²²⁵ браком дочери Артавазда и сына Цезаря и Клеопатры Птолемея (больше известного как Цезарион – «цезаренок»), формально последнего царя (фараона) Египта. Но приглашённые в Антиохию Артавазд и члены его семьи попали не на свадьбу, а в ловушку. Они были предательски арестованы (*Plut. Ant.* 50) и закованы в золотые цепи, чтобы украсить триумф Антония, не выигравшего на Востоке ни единого сражения. В 31 г. одним из последних приказов Клеопатры было казнить Артавазда и его царственную жену, так и не признавших в Клеопатре и Антонии своих владык²²⁶.

Характерно, что после ареста Артавазда в 34 г. до Р. Х. в источниках исчезает упоминание обычно столь активного Коммагенского царя Антиоха I Каллиника. Доподлинно неизвестно, когда и при каких обстоятельствах он умер, но очевидно, что это произошло не позже 31 г. до Р. Х. Клеопатра была мастерицей интриг, отравительница и устроительница лову-

²²⁵ По сути, это должен был быть союз между эллинистической Арменией и гигантской эллинистической монархией, управляемой Клеопатрой и Антонием. Под властью этой, фактически отложившейся от Рима семейной четы, оказались бывшие владения Птолемеевского Египта и Селевкидского царства, вплоть до Евфрата.

²²⁶ *Raggi A.* The First Roman Citizens among Eastern Dynasts and Kings: In Kingdoms and Principalities in the Roman Near East 2010. P. 89.

шек, там, где Антонию не удавалось добиться успеха силой оружия (а это случалось почти постоянно), она добивалась успеха с помощью каверз и подсидок. Мог Антиох Коммагенский удостоиться судьбы армянского царя Артавазда II и угодить в сплетённых ею тенётах? В источниках об этом нет данных, но после 31 г. в качестве правителя Коммагены в источниках уже упоминается несовершеннолетний Митридат II (Ο Μιθριδάτης Αντίοχος Ελιφανής Φιλωμαίος Φιλέλλη' Μονοκρίτης) (прибл. 31–20 гг. до Р. Х.).

Митридат был младшим сыном в семье, и не он должен был наследовать престол. Однако в 29 г., едва взшедший на престол старший брат Митридата Антиох II по требованию Октавиана-Августа явился в Рим, где был арестован по обвинению в убийстве другого брата, имевшего выраженную про-римскую ориентацию, и вскоре казнён²²⁷. Так несовершеннолетний Митридат оказался царём Коммагены. Будучи современником армянского царя Арташеса II, Митридат, в каком-то смысле, имел сходную судьбу. Он продолжил политику своих предшественников, направленную на сохранение авторитета своей династии, всё ещё неформального суверенитета и территориальной целостности страны, стараясь при этом не уступать давлению как с римской, так и с парфянской сторон. Играв на противоречиях великих держав ему, в основном, удавалось сохранять баланс.

Не отказываясь от титула «друг и союзник римского народа», он одновременно стремился для паритета сохранять дружеские отношения с парфянами. Однако в своих отношениях с

²²⁷ *Bround D.* Rome and the Friendly Kings. The Character of the Client Kingship. London: Croom Helm, 1984. P. 166.

парфянским царём, Митридат всегда стремился сохранить столь характерное для представителей его дома царственное достоинство, что обыкновенно бывает очень трудно правителю небольшой страны, оказавшейся в окружении агрессивно настроенных, милитаристских сверхдержав. Ярким проявлением этой тенденции стали обстоятельства захоронения парфянской царицы Лаодики, принцессы дома Коммагенских Ервандянов, сестры Митридата II. В своё время, исходя из политической целесообразности, она была выдана замуж за парфянского царя Орода II (57–38)²²⁸, однако даже в Ктесифоне она не теряла связи с родиной.

Тетрадрахма Орода II*

Тесные отношения существовали также между первенцем Лаодики Бакуром (законным наследником парфянского престола, а затем и зятем Артавазда Армянского) и его дедом Ан-

²²⁸ *Malcolm A. R. Colledge The Parthians. Thames and Hudson. London, 1967. P 37–44.*

* Источник: <http://surl.li/epclm> Дата обращения: 09.12.2023.

тихом I Коммагенским. С этим молодым человеком в эллинистическом мире многие связывали большие надежды. Однако после того как в сражении у Евфрата тот был убит, пытаясь со своим отрядом пробиться сквозь кольцо засады, в которое его сумел завлечь Вентидий Басс (со времён Помпея самый способный римский военачальник на Востоке), парфяно-коммагенские отношения, преимущественно по вине подозрительного и вспыльчивого Орода, стали охлаждаться. После смерти престолонаследника Бакура положение царицы цариц Лаодики в Ктесифоне пошатнулось. Кроме того, имеются многочисленные свидетельства, что по мере обострения парфяно-римских отношений в Ктесифонском дворце стал всё больше укореняться дух ортодоксального зороастризма и гаремного изоляционизма, что делало жизнь образованной и утончённой монархини, воспитанной в духе эллинистических ценностей, ещё менее комфортной. Она умерла примерно тогда, когда на престол взшёл её другой сын – злокозненный, жестокий и подозрительный восточный деспот Фраат IV²²⁹.

²²⁹ Фраат IV, едва вступивший на трон убил, а отца, вскоре после этого и всех своих братьев. Серия жестоких убийств продолжилась и после этого, за что Фраат был изгнан из страны, но через какое-то время вернул трон с помощью саков. Был марионеткой в руках греческой танцовщицы Музы, рабыни, посланной Цезарем Августом в подарок парфянскому владыке. Муза полностью подчинила своей воле царя царей. По её наущению Фраат вернул Риму штандарты и военнопленных, захваченные в битве у Харрна. По требованию Музы пятерых своих сыновей от прежних жён отослал в заложники Августу, убил или изгнал всех бывших жён и сделал гречанку Музу царицей цариц. Во 2 году по Р. X. Фраат IV был убит заговорщиками, во главе с всё той же Музой и её сыном Фраатаком, который после этого женился на матери и объявил себя царём под именем Фраат V. При нём некогда грозное Парфянское царство ещё более ослабло, что нарушило баланс сил в регионе и позволило римлянам проводить захватническую поли-

Едва получив известие о смерти царицы цариц, Митридат Коммагенский отдал распоряжение, чтобы его маги отправились на восток и привезли на родину останки его, почившей на чужбине, средней сестры. Это был своего рода политический демарш. Не исключено также, что Митридат Ервандян исполнял последнюю волю сестры, завещавшей упокоиться не в гробнице парфянских царей, а в родовой усыпальнице. Так или иначе, кости царицы были привезены в Коммагену и захоронены по зороастрийскому канону²³⁰ в местечке, ныне именуемом Каракуш (тур. Чёрная птица)²³¹, на насыпном кургане, который Митридат возвёл в её честь на берегу реки Нимфея. Из lapидарных надписей, оставленных Митридатом, видно, что он питал особые чувства к своей тётке/сестре. Так, в надписи на погребальном холме имеются такие трогательные строки: «она была самой красивой из женщин». Возможно, до замужества с Ородом она была возлюбленной Митридата, что было распространённой практикой на Востоке, особенно среди эллинистических царей²³², вдобавок исповедовавших зороастризм.

тику в отношении высокоразвитых и богатых эллинистических государств Переднеазиатского региона. Гомеостасис в очередной раз был нарушен.

²³⁰ *Մարգարյան Ե. Հ. Դրվագներ հին հայոց հոգևոր մշակութային փառամոլության, Երևան, ՀԱԳԱ հրատարակչ., 2001, էջ 44–52, Մարգարյան Ե. Հ. Մեծ Հայքի և Կոնստանդնուպոլսի հոգևոր փոփոխությունների փառամոլությունից (արքայական հանգստարան – ὁ τεμενος), Պատմություն և կրթություն, 2006, թիվ 3–4, էջ 17–24:*

²³¹ В зороастризме и других древних религиозных системах, особенно в тех, где не принято хоронить или кремировать тела усопших, ворон и стервятники и падальщик из семейства псовых, являются посредниками между этим и загробным мирами.

²³² *Саркисян Г. Х. Царица Эрато // Кавказ и Византия. № 6. Ереван, 1988. С. 14–23; Маргарян Е. Г. Эллинизм и его трансформации. Проблемы периодизации, универсализации и преемственности. Книга I. Ереван, 2021. С. 278,*

На террасе того же искусственного холма упокоилась и мать Митридата Исида, и младшая сестра царя, Антиохида, со своей дочерью Акой²³³. С веранды высокогорной летней резиденции царя Митридата прекрасно была видна раскинутая внизу зелёная речная долина, в центре которой возвышался насыпной курган, словно Митридат, в последние годы своей жизни хотел постоянно иметь перед глазами последнее пристанище тех женщин, которых любил при их жизни и продолжал любить после их смерти.

Однако перенос останков Лаодики в Коммагену и её захоронение в самом центре страны, по зороастрийскому обычаю, как уже говорилось, имел и политический подтекст. Тем самым, коммагенский монарх желал продемонстрировать всему миру, что, несмотря на своё «филоромейство» и близость с домом парфянских Аршакидов, он, прежде всего, остаётся эллинистическим автократом, потомком Ахеменидов, Александра Великого, Селевкидов и Армянских Ервандянов²³⁴. Остальное – лишь дань политической конъюнктуре. Поэтому он всегда свысока смотрел, и будет смотреть как на грубых и алчных римских варваров, так и на ортодоксальных зороастрийцев Аршакидов, выходцев из среднеазиатских степей, которые сколь

²³³ Бросается в глаза отнюдь не случайное сходство с воздвигнутой Птолемеем II в честь своей жены и старшей сестры Арсиной храм-гробница «Арсиноема». Храм был местом поклонения и другой сестры молодого царя Филотеры, но едва ли он был столь же популярен как культ Арсиной (См.: *Маргарян Е. Г. Эллинизм и его трансформации. Книга I. Ереван, 2021. С. 272–278, 280*). Сходство коммагенского и египетского сюжетов захоронения цариц-сблингов отнюдь не случайно, ведь Исида, мать Митридата II, была из рода Птолемея II, его ближайшей родственницей.

²³⁴ *Facella M. La dinastia degli Orontidi nella Commagene ellenistico-romana. Pisa: Giardini, 2006.*

бы могущественными они ни были, воспринимались Ервандянами лишь как питающиеся кумысом²³⁵ и кониной номады в войлочных шапках. Подобно большинству просвещённых эллинистических монархов региона²³⁶, самодостаточные коммагенские Ервандяны, не считали парфянских выскочек ровней себе, и не особенно скрывали свой снобизм.

Таким образом, правители Коммагены с древнейших времён были и продолжали оставаться самодостаточными, используя «политику челнока», или так называемой третьей силы, целенаправленно вели независимую политику. Однако после смерти Антиоха I царствующая династия в Коммагене (также, как после свержения Артавазда II династия Арташесидов в Великой Армении) стала клониться к упадку и, в конце концов, утонула. Через некоторое время страна потеряла свою самостоятельность и превратилась в обычную римскую провинцию.

5. Падение царства. Граница римского мира. Митридата II на престоле сменили слабавольные Митридат III (ок. 20 до Р. Х.) и Антиох III. Хотя подобно могущественным и гордым предкам, они сохраняли титул «царь великий» и чеканили монеты со своим профилем и пышной титулатурой, на самом деле, их суверенитет с годами принимал всё более формальный характер. Антиох III больше времени проводил за пределами своего царства. Как и его современники – мавританский царь Юба III, каппадокийский царь Ариобарзан II, Ариобарзан

²³⁵ Греки называли скифов «млекоедрами-доителями кобылиц» (γάλακτων ἰππιολόγων γλακτοφάγων: «Илиада» XIII песня (стк. 3–6).

²³⁶ Подробней об эллинистической церемониальной культуре см.: Маргарян Е. Г. Эллинизм и его трансформации. Книга I. Ереван, 2021. С. 282–293.

III и многие римские императоры–филэллины²³⁷, тратили значительные средства на украшение Афин. Большинство из них были удостоены чести установить у подножья Акрополя свой мраморный бюст, где изваяния восточных эллинистических царей красовались рядом со статуями римских императоров–бенефиторов²³⁸. Снискать расположение афинян для этих царственных филэллинов и филоромеев было куда важней, чем поддерживать реноме собственных династий в своих странах.

В самой же Коммагене дела оставались в небрежении. Неудивительно, что после смерти, Антиоха III (17 г. по Р. Х.), Коммагена окончательно потеряла государственность и была присоединена к Риму. Это произошло при Тиберии, который в 17 г. направил на Восток своего брата, народного любимца, решительного и удачливого полководца, приверженца твёрдого и прямолинейного внешнеполитического курса, Германика. Тот поставил перед собой цель упорядочить, с точки зрения Рима, запутанную политическую обстановку и восстановить авторитет Рима в регионе (Tac. Ann. II 42). По сути, Германик отказался от политической доктрины Помпея и Цезаря, согласно которой взаимоотношения между Римом и местными эллинистическими монархами строились на принципах «дружбы и союзничества»²³⁹. Вместо этого, воспользовавшись временным ослаблением Парфии, Германик осуществил на месте ряд ме-

²³⁷ Oliver J. H. Roman emperors and Athens. Historia 1981. N 30. 4. Pp. 412–423.

²³⁸ Braund D. Rome and the Friendly Kings. The Character of the Client Kingship. London, 1984. P. 78.

²³⁹ Маргарян Е. Г. 1) Митраизм в армяно-римской цивилизационной контактной зоне. // Историческое пространство. Москва, 2011. С. 11–39; 2) Приевфратская контактная зона. На стыке древних мир-систем. // Историческое пространство. Москва, 2011. С. 5–30.

роприятий, направленных на ликвидацию клиентских²⁴⁰ эллинистических монархий и поглощение их Римом. Итогом стало объединение двух царств – Каппадокии и Коммагены в одну римскую провинцию. Та же участь постигла другие эллинистические монархии. Лишённые престола юный Антиох IV, иудейский царевич Агриппа и фракиец Котис были переселены в Рим и дальнейшее воспитание и образование получили при дворе Тиберия. По-видимому, именно здесь они подружались с будущим императором Гаем Цезарем Калигулой. Хотя их знакомство могло произойти и раньше, тогда, когда Калигула со своим отцом Германиком находился в Антиохии. Здесь, кстати, в возрасте 34 лет, Германик и был отравлен, так и не став принцем.

После смерти Тиберия Рим вновь на время вернулся к внешнеполитической доктрине Августа, стремясь по возможности избегать военных конфликтов на Востоке и сохранять в регионе status quo. В этой доктрине особое место отводилось союзным буферным государствам, расположенных вдоль гра-

²⁴⁰ Термин *клиент* некоторые историки рассматривают как метафору, подобно тому, как в Средние века вассалы называли себя рабами своих сеньоров (*Braund D. Rome and the Friendly Kings. The Character of the Client Kingship. London, 1984. P. 23*). Однако мы считаем этот термин юридически обоснованным и реально отражающим уровень отношений Рима с иностранными государями (Подробнее об этом см: *Mattern S. P. Rome and the Enemy. Imperial Strategy in the Principate. Berkeley, Los Angeles, London, 1999*). P. 91, 118; *Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200–146 гг. до н. э. Автореферат диссертации на соиск. уч. степени докт. ист. наук. Саратов, 1997. С. 26; Колосовская Ю. К. 1) Гостеприимство как право народов древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции. Москва, 1999. С. 49–58; 2) Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н.э. Москва, 2000. С. 159; *Маргарян Е. Г. Приевфратская контактная зона. На стыке древних мир-систем. // Историческое пространство. Москва, 2011. С. 12–15*).*

ницы между Римом и Парфией²⁴¹. Поэтому умный и гибкий государственный деятель Гай Цезарь Калигула в 38 г. восстановил некоторые ликвидированные его предшественниками приграничные лимитрофные царства, в том числе Малую Армению и Коммагену. Тогда же, получившие греко-римское образование и воспитание Агриппа и Котис были провозглашены царями Иудеи и Фракии, а на коммагенский престол был возведён сын Антиоха III, Антиох IV Елифан (Γάιος Τοῦλος Ἀντίοχος ὁ Ἐπιφανής, 38, 41–72), проведший юность и молодые годы в Риме. Характерно, что Калигула вернул Антиоху не только отеческие владения, но и пожаловал приграничную часть Киликии, вплоть до морского побережья. Более того, из императорской казны Антиоху IV Елифану были возвращены собранные в его стране налоги почти за двадцать лет (Светоний упоминает 100 миллионов сестерциев), то есть столько, сколько коммагенский царь получил бы в виде налогов, если бы правил в стране все эти годы (*Dion Cass. LIX 8; Suet. Cal., 16*).

Следуя традиции своих действительно суверенных предшественников, Антиох чеканил монеты со своим изображением, на которых он величает себя ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΕΓΑΣ ΑΝΤΙΟΧΟΣ²⁴². Этот титул традиционно считался признаком суверенной власти. Характерно, что на реверсе монет имеется изображение Скорпиона, окружённого лавровыми ветвями и с надписью ΚΟΜΜΑΓΗΝΩΝ. Скорпион, безусловно, связан с

²⁴¹ *Facella M. Advantages and disadvantages of an allied kingdom: The case of Commagene // Kingdoms and principalities in the Roman near East. Stuttgart: Franz Steiner, 2010. P. 181–198.*

²⁴² *Bedoukian P. Z. Coinage of the Armenian Kingdoms of Sophene and Commagene. Los Angeles: The Armenian Numismatic Society. Museum Notes 28, 1985. P. 71–87.*

митраистской эзотерикой и должен указывать на место, занимаемое Антиохом в митраистской иерархии. Не исключено также, что Антиох родился под созвездием Скорпиона и, вслед за своими предками придавал большое значение предрасположению звёзд при рождении.

Монета с изображением Антиоха IV Коммагенского.*

Антиох и Ирод Агриппа сохраняли дружественные отношения с Калигулой, консультировали его по вопросам внешней и внутренней политики, приветствовали либерализацию в провинциальной политике и поощряли нетерпимость по отношению к коррумпированным римским сенаторам (*Dion Cass.* LIX. 24.). Однако эта дружба продлилась недолго. В 37 г. Калигула перенёс тяжёлый недуг и едва не умер, возможно его пытались отравить, и яд повредил некоторые участки головного мозга²⁴³, после частичного выздоровления он стал мнитель-

* Источник: <http://surl.li/epclp> Дата обращения: 09.12.2023.

²⁴³ Античные авторы единодушно связывают болезнь с изменением поведения и, как следствие, политики Калигулы после 37 года; эту точку зрения разделяют и некоторые современные исследователи. Однако есть версия, что резкая смена в поведении принцепса обусловлена энцефалитом

ным и жестоким. В 41 г. Калигула неожиданно лишил престола Антиоха IV, который получил свою корону обратно только при Клавдии, сразу после смерти Калигулы (*Idem IX.* 8). Риму по-прежнему были нужны союзные лимитрофные государственные образования на Востоке.

Согласно распространённому на эллинистическом Востоке, особенно в зороастрийской среде, обычаю, Антиох IV был женат на своей сестре Иотапе. Иотапа имела дочь-тёзку, которую в раннем возрасте отдали замуж за молодого родича Ирода, Александра. В 43 г. сын Антиоха IV, которого тоже звали Антиох Епифан, обручился с дочерью Агриппы Ирода, Друсиллой (*Joseph. Ant.* XIX, 9, 1). Однако помолвка была расторгнута, так как молодой царевич из рода Ервандянов отказался пройти перед свадьбой, по иудейскому обычаю, обряд обрезания (*Idem XIX, 9, 1. XX, 7, 1*). Царевич Епифан в 64 г. женился на Клавдии Капитолине, дочери египетского грека, с 56 г. префекта Египта, астролога и учёного, Тиберия Клавдия Балбиллуса Мудрого (*Tiberius Claudius Balbillus Modestus*, греч.: Τιβέριος Κλαύδιος Βαλβίλλος Μόδεστος, 3–9 гг.), который, в свою очередь, был сыном высокообразованной матроны Акки II, дочери Антиоха Коммагенского I.

За годы своего правления Антиох IV построил города Германикополь, Иотапа и Нероня²⁴⁴. Источники сообщают, что в 53 г. в Киликии против коммагенского царя взбунтовались

(*Лесны И.* О недугах сильных мира сего (Властелины мира глазами невролога). Москва, 1990. С. 39; *Ferrill A.* Caligula: Emperor of Rome. London, 1991. P. 100; *Баррет Э.* Калигула. Москва, 1999. С. 151). Возможно на мозг Калигулы плохо повлияли противоядия, которые он регулярно принимал.

²⁴⁴ *Bowman A. K., Champlin E. & Lintott A.* The Augustan Empire, 43 B.C. – A.D. 69. Cambridge, 1996. P. 672.

варварские племена, которых Тацит упоминает под названием клиты – Clitae. Однако Антиоху удалось навести порядок в Киликии. Тацит сообщает, что «*дикие племена Киликии, называемые клитами, нередко нарушавшие спокойствие и прежде, объединившись под предводительством Троксобора и расположив лагерь в труднопроходимых горах, стали производить оттуда набеги на побережье и города, нападая на земледельцев и горожан, и в особенности на купцов и мореплавателей. Они обложили осадой город Анемурий; высланный ему на помощь конный отряд под начальством префекта Курция Севера потерпел поражение... В дальнейшем царь той страны (Коммагены – М. Е.) Антиох, снискав расположение простых воинов, внёс раскол в скопище врагов и, предав смерти Троксобора и нескольких других главарей, милостивым обращением смирил остальных» (Tacitus. Annals, XII. 55). В 55 г. Антиох IV получил распоряжение Нерона отправить вспомогательные силы для войны с парфянами. А в 59 г. Антиох также принимал участие в кампании Корбулона против армянского царя Тиридата I (Idem XIII. 7, 37). За проявленную доблесть в войне против армян, в 61 г. Антиох получил, отрезанный от Армении, значительный приграничный кусок (Idem XIV. 26).*

Несмотря на традиционный римский грабёж и злоупотребления властью на местах, экономика Коммагены по-прежнему процветала. Царская казна пополнялась, что было предметом перманентного вожделения одного за другим сменяющихся на Востоке алчных римских чиновников и военачальников (среди которых особенно отличался печально известный своей трусостью, алчностью и глупостью Цезиний Пет). Они использовали любой повод для увеличения налогов, хотя в источниках сообщается, что среди царей-клиентов Рима правители Ком-

магены платили и без того самые большие налоги (Tac. Hist. II, 81). В годы правления Нерона, Антиох, как вассальный царь, также оказывал римлянам ощутимую военную помощь, особенно в Иудейской войне. Антиох Елифан предоставил римскому полководцу Кестию 2 тыс. отборных конных воинов и 3 тыс. пехотинцев, преимущественно тяжеловооружённых гоплитов.

Он помогал Веспасиану, когда тот в 70 г. был провозглашён императором. В тот же год царевич Антиох пришёл на помощь Титу, который во время восстания иудеев осаждал Иерусалим. Согласно Иосифу Флавию, осада затянулась, что вызвало беспокойство в Риме. В это время в римский лагерь прибыл царевич Коммагены Антиох Елифан, во главе так называемых македонян, получивших своё название из-за македонского оружия и доспехов, в которые они были закованы. Это были высокие, статные воины, едва вышедшие из возраста эфебов. Антиох выразил удивление по поводу того, что римляне прячутся в укрытиях и не идут на штурм городских стен. Согласно еврейскому историку, традиционно враждебно настроенному в отношении Коммагены и коммагенцев²⁴⁵, Антиох «... сам был храбрый воин, обладал твёрдой, непреклонной волей и могучей телесной силой, которая в связи с его отвагой была почти непобедима» (Jos. Bell. Jud. XI, 3). С согласия Тита Антиох построил своих «македонян» и повёл на приступ. Благодаря силе и ловкости ему удалось избежать ран от посыпавшегося на них града камней, стрел и дротиков неприятеля, и почти достичь вершины неприступного укрепления, но его

²⁴⁵ Cotton H. M. & Eck W. Josephus and the Roman elites. In J. Edmondson, S. Mason, & J. Rives (Eds.), Flavius Josephus and Flavian Rome. Oxford, 2005. Pp. 37–52.

воины, хотя и сражались самоотверженно и, невзирая на многочисленные раны, упорно шли за своим предводителем, взобраться на стену так и не смогли. Во избежание неоправданных потерь Антиох отвёл своих гоплитов обратно, под защиту римских укреплений (*Jos. Bell. Jud. V. 11. 3; Tac. Hist. V. 1*). Иерусалим пал позднее, после длительной осады, а Антиох из этого сражения вынес вывод «*что и истые македоняне для того, чтобы победить, должны ещё обладать счастьем Александра*» (*Tac. Idem*).

Крепость Масада. Вид с воздуха*

Всё это указывает на то, что получивший римское образование и воспитание Гай Юлий Антиох IV Епифан на протяжении всего своего правления придерживался исключительно проримской ориентации и принимал участие во всех мероприятиях, проводимых римлянами в регионе. И всё же, когда настала пора, это не помогло Антиоху избежать участи осталь-

ных эллинистических монархов Передней Азии. Окончательно покорить Коммагену стало возможным после того, как был заключён римско-парфяно-армянский мирный договор 64–66 гг. и было жесточайшим образом подавлено восстание в Иудее (66–71 гг.). Эти два события придали Риму уверенности. В римской политической элите сформировалось твёрдое убеждение, что на восточных рубежах империя более не нуждается в кордоне лимитрофных государств с их возвращенными в Риме правителями-филоромеями.

В 72 г., спустя лишь два года после описанного выше штурма Иерусалимской крепости, проконсул Сирии Пет направил Веспасиану докладную, в которой обвинял Антиоха IV и его старшего сына Епифана в сговоре с парфянами и подготовке войны против римлян. В послании Пет предлагал срочно напасть на коммагенских Ервандянов и свергнуть их, пока те не втянули римлян в новую войну и не подвергли Рим новым бедствиям. Свою позицию управляющий Сирией обосновывал тем, что как бы лояльно ни вели себя коммагенские Ервандяны, пока существует Коммагенское царство, управляемое самодостаточными и гордыми представителями одного из самых древних царских домов в регионе, приевфратская граница империи останется уязвимой. Пет предостерегал, что если Антиох перейдёт на сторону парфян, те смогут беспрепятственно форсировать Евфрат и при поддержке коммагенцев и других союзников, а также опираясь на симпатии местного населения, проникнуть в Сирию и другие римские провинции.

Эти обвинения были абсолютно беспочвенны: парфяне сами не собирались натравливать Антиоха на римлян. Установленный между Нероном и Вологесом I мир соответствовал как интересам Рима, так и Парфии, а также большинству их союз-

* Источник: <http://surl.li/epclw> Дата обращения: 09.12.2023.

ников, например армян. В то же время любые сношения парфян и их союзников с коммагенскими Ервандянами были бы расценены римлянами как вмешательство в их внутренние дела. Это неизбежно привело к обострению парфяно-римских отношений и возобновлению военных действий между двумя державами, что, на тот момент, в условиях относительного паритета сил, было невыгодно ни той ни другой стороне. Трудно сказать, в какой мере опытный политик Веспасиан поверил наветам известного интригана Пета. Все знали, что ненасытный римский чиновник давно зарится на богатство коммагенских Ервандянов. Но Веспасиан, как и некогда Германик, не считал целесообразным иметь на границе империи лимитрофные союзные государства. Вдобавок, старый солдат-император, сам родом из крестьян, не особенно доверял эллинистическим царькам, с их утонченными манерами и династическим высокомерием, зато Веспасиан безоговорочно доверял римским пограничным соединениям²⁴⁶. Так или иначе, Веспасиан дал свободу действий своему проконсулу. Будучи уверенным, в том, что парфянские и армянские Аршакиды не станут вмешиваться, дабы не нарушить с таким трудом достигнутый ещё в 66 г. мир и не дестабилизировать регион, Веспасиан позволил Пету уничтожить это процветающее приграничное эллинистическое государство и положить конец его древней, кичливой царской династии. Получив добро, Пет, во главе VI легиона Феррата, ещё нескольких когорт и многочисленной конницы, не мешкая вторгся в Коммагену. Из союзников к римлянам присоединились царь Емесии Соэм и Аристокл из Халкиды,

²⁴⁶ Как тут не вспомнить сакраментальную фразу, приписываемую Александру III: «У России есть только два союзника – её армия и флот».

который был внуком заклятого врага Коммагенских Ервандянов Ирода Великого.

Бюст Веспасиана. Флоренция, Галерея Уффици Фото: И.А. Шурыгин*

На первых порах Пет не встретил сопротивления, так как Антиох IV считал себя невиновным и всё ещё надеялся решить проблему мирным путём, тем более что такое с ним уже бывало в прошлом. Престарелый царь считал это недоразумением и рассчитывал убедить Веспасиана в своей лояльности Риму и самому императору. Поэтому Антиох, с женой Иотапой и деть-

* Источник: <http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=4167> Дата обращения: 20.12.2023

ми, попросту покинул столицу, для того чтобы вести переговоры с Веспасианом с позиции покорного вассала и не дать повода Пету атаковать его. Удалившись от своей столицы на 120 стадий (στάδιον), он разбил лагерь в чистом поле. Узнав об этом, Пет сначала обрадовался и выслал отряд, чтобы занять оставленный царём город, а сам с основными силами двинулся навстречу Антиоху. Вдали от стен города и поддержки жителей столицы, арест царя казался Пету простой задачей. Узнав о приближении римского войска и намерениях Пета, царь стал рыдать, оплакивая свою судьбу.

Серебряный денарий с изображением Антиоха IV Коммагенского*

Однако, как это иногда бывает, в решающий момент, вопреки воле отца, ответственность за судьбы страны на себя взяли молодые царевичи, о которых уже говорилось в связи с осадой Иерусалима. Оба молодых Ервандяна проявили себя как достойные преемники своих дедов. Иосиф Флавий так описывает дальнейшие события: «Но его (Антиоха, Е. М.) юным, опытным в военном деле и отличавшимся телесной силой сы-

* Источник: <http://surl.li/epcsta> Дата обращения: 09.12.2023.

новьям было не так легко покориться без боя: Этифан и Каллиник взяли за оружие» (Joseph. Bell. Jud. VII 232). Возглавив эскадрон катафрактов (κατάφρακτος) и небольшой отряд гоплитов (так называемых македонян), предположительно обшей численностью в пять тысяч бойцов²⁴⁷, они, не колеблясь, устремились навстречу неприятелю. Закованная в броню царская дружина состояла из отлично вооружённых²⁴⁸ и прекрасно обученных молодых аристократов и дворян. Как сообщает придворный историк Флавиев, и к тому же иудей: «В жарком сражении, длившемся целый день, они (коммагенцы, Е. М.) обнаружили блестящую личную храбрость и с наступлением вечера окончили битву без всякого урона» (Idem, 233). Зато римляне в этом сражении понесли большие потери, и наутро Пет был вынужден отвести своё войско с поля боя. Ещё одно такое сражение – и он был бы вынужден увести свои войска из страны, как это не раз бывало в предыдущем столетии. За этим последовали бы мирные переговоры между принцепсом и «филоромеем» Антиохом IV, который, как водится, заплатил бы римлянам щедрые откупные золотом и серебром. После этого Ервандяны были бы вновь объявлены «друзьями и союзника-

²⁴⁷ Характерно, что личная дружина армянских Арташесидов и Аршакидов (մարտիկազմի զինը) состояла приблизительно из такого же числа молодых аристократов (մարտիկներ) и дворян (ազնվեր). В источниках в основном указывается цифра в шесть тысяч (Авоцц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние основ нахарарского строя. С. Петербург, 1908. С. 490, Մանվելյան Հ. Ֆեռդիանդի հին Հայաստանում, Երկ., հ. 4, Ե., 1981, էջ 68–69, Հայ ժողովուրդի պատմություն Հաս. Բ էջ 137, 141:

²⁴⁸ Коммагена была богатой страной, и военная элита страны, особенно царские гетайры, могли себе позволить иметь лучших коней и лучшее вооружение своего времени, в частности ламмеллярный (пластинчатый) доспех.

ми римского народа», продолжая ещё какое-то время править в своей стране.

Однако престарелый царь побоялся воспользоваться плодами победы своих сыновей, наоборот, услышав о ней, он поддался вящей панике, и с женой и дочерьми бежал в Киликию. Это предопределило исход войны, своим поступком Антиох деморализовал своих подданных, лишив их энергии к сопротивлению, как сообщает Иосиф: *«этим он сам отнял мужество у своих собственных солдат...»*, тем самым *«отдал в руки (империи, Е. М.) своё царство»*. Сочтя дальнейшую борьбу бессмысленной, подданные Антиоха стали переходить на сторону неприятеля (Idem, 235). Лишившись войска, Епифан с десятком верных дружинников, был вынужден покинуть страну. Спешно дойдя до Евфрата, он переправился через реку, после чего, более не опасаясь преследований, беспрепятственно добрался до парфянского царя Вологеса. Наслышанный о подвигах царевичей, Вологес принял их радушно, не *«... как беглецов, а со всеми почестями, как будто они находились ещё в своём прежнем положении»* (Idem, 237). Взяв Епифана под своё покровительство, Вологес, по сути, признал его своим вассалом. Но это отнюдь не означало, что он намеревался предоставить реальную помощь коммагенскому царевичу и способствовать его восстановлению на престоле. Присутствие воинственно настроенного молодого Ервандяна при дворе парфянского царя и без этого создавало нежелательное напряжение между державами и ставило под угрозу мир в регионе.

Что касается Антиоха IV, он скоро был взят под стражу в Киликийском городе Тарсе одним из центурионов Пета. Закованный в цепи, под плач и стенания жён и детей, Антиох был этапирован на запад, подальше от Коммагены (Idem, 238–239).

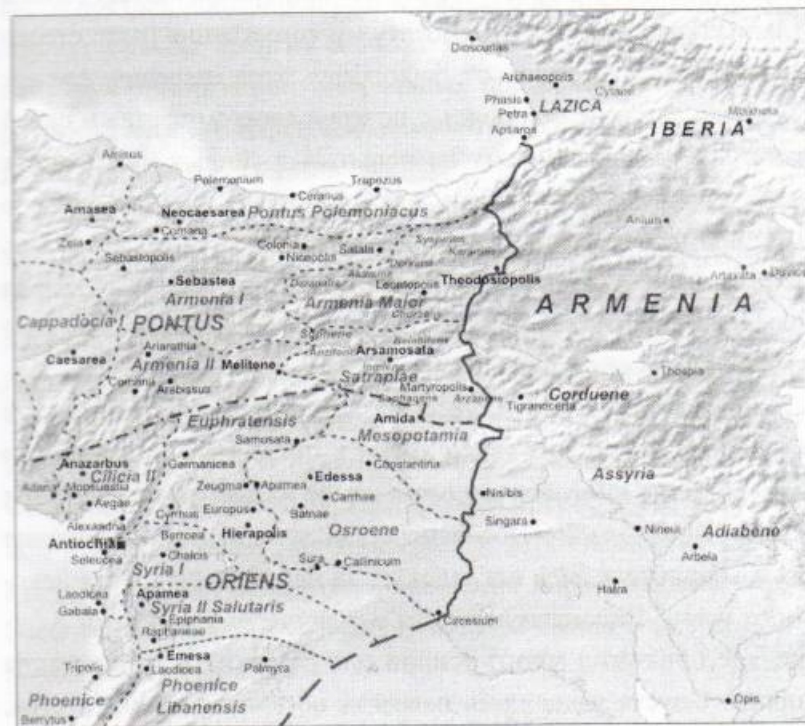
Эти события были восприняты неоднозначно даже в самом Риме. Поэтому, достигнув основной цели, Веспасиан счёл лишним подвергать новым унижениям престарелого, совершенно сломленного царя, не раз доказывавшего свою преданность империи. Уже на полпути, по приказу принцепса, с коммагенского «короля Лира» были сняты оковы и его с семьёй поместили в относительно сносные условия. Антиох умолял, чтобы его доставили к Веспасиану, дабы он мог объясниться, однако совершенно неожиданно император сам явился к нему. Веспасиан встретил Антиоха как старого друга, двое уже немолодых людей стали вспоминать былые времена. Принцепс похвалил бывшего царя Коммагены за то, что тот лично не пытался сопротивляться римлянам. Однако, несмотря на это, Веспасиан счёл нецелесообразным везти «старого друга» в Рим, куда тот, словно в молодые годы, мечтал вернуться. По приказу Веспасиана Антиох и его семья были поселены в императорском имении в Лакедемонне, под строгим надзором охраны. Скупой император назначил Антиоху солидный пенсион и позволил обзавестись весьма внушительным штатом слуг и челядинцев, чтобы коммагенский царь мог и без царства жить по-царски. Создавая для своего бывшего «друга и союзника» «царскую жизнь», Веспасиан стремился смягчить произведённое на современников удручающее впечатление от акта лишения Антиоха власти и ликвидации Коммагенского царства, абсолютно неправомерных с точки зрения международного права и нравственных норм.

Кроме того, оставалась ещё одна, на первый взгляд малая проблема, которая могла в любой момент перерасти в большую – это проблема законного престолонаследника Антиоха Епифана, который в отличие от своего престарелого и мало-

душного филоромей-отца, не смирился с потерей царства и готов был при первом удобном случае, в союзе с кем угодно, выступить против римлян. Можно было не сомневаться, в том, что юный Ервандян, уязвлённый предательством римлян, причинит им немало бед. Иметь в тылу такого врага было опасно. Пойдя на поводу у Пета, и ликвидировав Коммагенское царство, Веспасиан не только не обезопасил приевфратскую границу империи, но и наоборот поставил её под угрозу. Решать эту проблему нужно было быстро, но не по-солдатски грубо, а тонко и дипломатично.

Создавая привыкшему к роскоши и комфорту, свергнутому коммагенскому царю и членам его семьи особые условия, Веспасиан давал понять молодому горячему царевичу, что если тот смирится со сложившимися реалиями и умиротворится, также может рассчитывать на милость императора и воспользоваться его щедротами (оказывается, когда было нужно, «крестьянин-император» мог не скупиться, тем более что в аннексированной Коммагене награбленных Петом богатств с избытком хватило бы на покрытие расходов по содержанию двора павшего царя, всех его родных и челядинцев). Вместе с тем, давалось понять, что, если царевич будет упорствовать в своей гордыни, его семью ждут неприятности, царь может лишиться того, что получила от императора, и даже пострадать. Так или иначе, Веспасиан достиг своей цели. Потерявший надежду на помощь Вологеса и его союзников, Антиох Елифан, был вынужден согласиться на примирение. Посредником и гарантом безопасности коммагенских царевичей выступил сам парфянский царь, не меньше Веспасиана заинтересованный в мирном урегулировании конфликта. Вместе с братом, в сопровождении парфянского эскорта, Антиох был доставлен в Рим, где и

поселился навсегда. Таким образом, благодаря выдержанной и гибкой политике двух могущественных властителей региона, Веспасиана и Вологеса, и в этот раз удалось избежать столкновения двух ведущих держав своего времени, сохранив в регионе хрупкое равновесие.

Карта, показывающая провинции Восточно Римской империи в V веке*

Гордый царевич Антиох Елифан всегда пользовался большим уважением при дворе Флавиев. Вскоре, по его просьбе, из

* Источник: <http://surl.li/eutz> Дата обращения: 09.12.2023.

Лакедемона в Рим были переведены его, всегда мечтавшие жить в столице империи, отец с матерью. Здесь для них также были созданы царские условия, но был установлен строгий запрет покидать пределы города. После смерти Антиоха IV главой рода стал Антиох Епифан (уже без порядкового номера), по просьбе которого вся его семья перебралась из Рима в Афины (возвращаться в Самосату им естественно было строго запрещено). В отличие от филоромея отца, царевич Антиох очевидно так и не стерпелся с потерей своего царства и своей любимой родины, потому не испытывал тёплых чувств ни к Риму, ни к столичной жизни. Антиох Епифан умер в Афинах в 92 г. при невыясненных обстоятельствах. Его вдова вернулась на родину, в Александрию Египетскую, где вышла замуж за префекта Египта (94–98 гг.) Марка Юния Руфуса, который стал отчимом её детей.

Рождённых уже в Риме сына и дочь Антиоха Епифана и Клавдии Капитолины звали Антиох Филопапп (очевидно он был любимым внуком своего деда и назван в его честь) и Юлия Бальбилла²⁴⁹. После переезда матери в Александрию они были вынуждены последовать за ней, однако спустя некоторое время Филопапп вернулся в ставшие ему родными Афины, где приложил много усилий для развития и процветания города. Спустя годы здесь навсегда поселилась и его сестра. Гай Юлий Антиох Епифан Филопапп (652–116) имел римское²⁵⁰ и афинское гражданство, был архонтом в Афинах. Здесь

²⁴⁹ Baslez M.-F. La famille de Philopappus de Commagène. Un prince entre deux mondes. Dialogues d'histoire ancienne, 1992. 18 (1). Pp. 89–101.

²⁵⁰ Raggi A. The first Roman citizens among eastern dynasts and kings. In T. Kaiser & M. Facella (Eds.), Kingdoms and principalities in the Roman near East. Stuttgart: Franz Steiner, 2010. Pp. 81–97; Broun D. Rome and the Friendly

он водил дружбу с греческими философами, был знаком с Плутархом, который в своих трудах называл его «хорег состязаний Филопапп Басилей, который щедро предоставил филам средства для его проведения, назначил и великолепные награды»²⁵¹ и описывает как человека, наделённого природной скромностью, «благодушного и жадного до наставлений». Филопапп дважды брал на себя обязанности хорега, щедро финансируя организацию театральных представлений²⁵², и один раз избирался агонифетом (ἀγωνοθέτης), один раз был членом демы Бесы.

Однако деятельность Филопаппа не ограничивалась только Афинами и Аттикой. Он также принадлежал к римской элите и даже подружился с римским императором Траяном, и его наследником, двоюродным племянником с отцовской стороны, Адрианом. Благодаря своей дружбе и влиянию на Траяна, Филопапп был назначен членом преторианской гвардии в Риме, после чего Траян и Адриан провели его в Сенат. В 105–116 гг. Филопапп ежегодно избирался членом древнего братства жрецов *Fratres Arvales*, («Братья поля»), в обязанности которых входили ежегодные жертвоприношения Ларам и богам, чтобы обеспечить хороший урожай. В 109 г. Филопапп уже получил должность проконсула.

King. The character of the client kingship. New York, 1984. P. 42; Speidel M. A. Early roman rule in Commagene. In Scripta Classica Israelica. 2005. Pp. 85–100. P. 4; Camp J. M. The Archaeology of Athens. New Haven: Yale University Press, 2004.

²⁵¹ Плутарх. Застольные беседы. (Πλούταρχος. Συμποσιακά). Глава I. Вопрос X. Почему в Афинах хор Эантидской филы никогда не ставился на последнее место.

²⁵² Notopoulos J. A. The method of choosing archons in Athens under the empire. American Journal of Philology. 1944. 65(2). P. 149–166.

Будучи римским магистратом, Антиох Филопапп, под своей статуей лишь скромно указал своё имя с указанием афинской филы²⁵³, но в общей надписи он все же именуется царём. Подобно остальным Ервандянам, Антиох никогда не забывал о своём царском происхождении. В торжественные дни, особенно во время религиозных праздников, Антиох Филопапп надевал традиционные царские одеяния и гордо величался царём²⁵⁴, однако этот титул был лишь тенью могущественных царей, отбрасываемой на него этой древней армянской династией, и потому всерьёз никем не воспринимался, даже им самим²⁵⁵. Очевидно, Филопапп был женат на женщине незнатного происхождения, имени которой мы не знаем, от которой у него были дети, возможно, он имел и дальнейших потомков, но прямых указаний на это нет.

После смерти благодарные афиняне и его сестра Бальбилла, в 114–119 гг. на горе муз, к юго-западу от Акрополя, возвели для него великолепный мавзолей (греч. Μνημείο Φιλοπάππου)²⁵⁶.

²⁵³ Santangelo M. Il Monumento di C. Julius Antiochos Philopappus in Atene. *Annuario della Scuola Archeologica di Atene*, NS 1947 3–5. P. 153–253; Oliver J. H. Athenian citizenship of Roman emperors. *Hesperia*. 1951, 20(4), 346–349; Byrne S. G. *Roman Citizens of Athens*. Leuven/Dudley, Mass.: Peeters, 2003

²⁵⁴ Smith R. R. R. Cultural choice and political identity in honorific portrait statues in the Greek East in the second century AD. *Journal of Roman Studies*, 1998. 88. P. 56–93.

²⁵⁵ «Конечно, – в связи с этим пишет А.Я. Ранович, – это было лишь суетным титулом, которым римляне, надо полагать, разрешали ему тешииться в торжественных случаях; всё же очевидно, что воспоминание о самостоятельности Коммагены было ещё свежо» (Ранович А. Я. *Восточные провинции Римской империи в I–III вв.* Москва, 1949. С. 130).

²⁵⁶ Kleiner D. 1) The monument of Philopappus. Roma: G. Bretschneider, 1983; 2) Athens under the Romans: The patronage of emperors and kings // Rome and the provinces. *Studies in the transformation of art and architecture in*

Мавзолеем был построен из пентелического мрамора и имел площадь 9 x 9 м, сегодня северная стена этого монументально-го сооружения обвалена, хотя в XV в. ещё была цела²⁵⁷.

На сохранившейся части памятника можно видеть статуи с отбитыми головами сидящего Филопаппа (в центре) и его деда, Антиоха IV (слева) и нижний рельеф с изображением триумфального шествия.

Памятник Филопаппу в Афинах*

the Mediterranean. / Ed. by C. McClendon. New Haven: New Haven Society of the Archaeological Institute of America, 1986. P. 8–20; Cormack S. Funerary monuments and mortuary practice in Roman Asia minor // *The early Roman empire in the East* / Ed. by S. Alcock. Oxford, 1997. P. 137–156.

²⁵⁷ Camp J. M. *The Archaeology of Athens*. New Haven: Yale University Press, 2004; Oliver J. H. 1) Diadoche at Athens under the Humanistic Emperors. *American Journal of Philology*, 98 (2), 1977 P. 160–178; 2) Flavius Pantaenus, priest of the philosophical Muses. *The Harvard Theological Review*, 72(1/2), 1979. P. 157–160.

* Источник: Philopappos Hill, Athens. URL: <https://athenslover.com/philopappos.html> Дата обращения: 09.12.2023.

Сестра Антиоха Филопаппа, Юлия Бальбилла (72–130), была придворной поэтессой²⁵⁸ и другом императора Адриана и его жены Сабинны Вибии²⁵⁹. Вместе с ними она совершила путешествие по Египту и другим входившим в состав империи странам, и посвятила своим впечатлениям написанные пышным азианическим слогом поэтические произведения. В сохранившихся стихотворениях Бальбиллы, посвящённых её родословию, родители и деды поэтессы представлены как люди исключительно «благочестивые» и благородные.

Ресафа,
Сергиополье,
Сирия²⁶⁰

²⁵⁸ Cirio A. M. Gli epigrammi di Giulia Balbilla (ricordi di una dama di corte) e altri testi al femminile sul Colosso di Memnone. Caprioli: Pensa, 2011.

²⁵⁹ Spawforth A. J. S. Balbilla, the Euryclids and memorials for a Greek magnate. Annual of the British School at Athens, 1978. 73. P. 249–260; Brennan T. C. The poets Julia Balbilla and Damo at the colossus of Memnon. The Classical World, 1998, 91(4). P. 215–234; Plant I. M. (Ed.) Women writers of ancient Greece and Rome: An anthology. Norman: University of Oklahoma Press, 2004; Rosenmeyer P. Greek verse inscriptions in Roman Egypt: Julia Balbilla's sapphic voice. Classical Antiquity, 2008. 27(2). P. 334–358.

* Источник: © Vyacheslav Argenberg <http://www.vascoplanet.com/> Дата обращения: 16.12.2023.

Что касается самой Коммагены, то она была включена в большую и богатую провинцию Сирия, оказавшись в непосредственном подчинении одного из самых бездарных римских чиновников проконсула Пета (*Tac. Ann.* II 56). На Антиохе Епифане, по сути, оборвалась не только династия Ервандянов в Коммагене, он стал последним представителем этого царского дома во всём регионе (правлящие в Иверии Фарсманиды имели лишь косвенную связь с Ервандянами). Столица Самосата была переименована, и некоторое время называлась Флавия. Экономика страны, как и следовало ожидать, на какое-то время пришла в упадок²⁶¹. И всё же известно, что побочные ветви дома Ервандянов в Коммагене жили ещё достаточно долго и воспринимались римлянами как местная очень влиятельная аристократия. Кроме того, коммагенские Ервандяны пополнили ряды римской военной и политической элиты²⁶². Большинство из них имели римское гражданство и заключали брачные союзы с римскими аристократическими фамилия-

²⁶⁰ Ресафа, известная в византийский период как Сергиополь, древний город Римской империи. Археологические памятники расположены в пустыне к юго-западу от города Ракка и реки Евфрат.

²⁶¹ Bowersock G. W. Syria under Vespasian. *Journal of Roman Studies*, 1973, 63, 133–140.

²⁶² Abbott F. F., Chester A. *Municipal Administration in the Roman Empire*. Princeton: Princeton university press. 1926; Stevenson G. H. *Roman provincial administration till the age of the Antonines*. Westport: Greenwood Press, 1975; Broun D. *Rome and the Friendly King. The character of the client kingship*. New York, 1984. P. 173; Haensch R. *The Roman provincial administration // The Oxford handbook of Jewish daily life in Roman Palestine* / Ed. by C. Hezser. Oxford: Oxford University Press, 2010. Pp. 71–85; Syme R. *Greeks invading the Roman government*. In *Roman papers IV*. Oxford: Oxford University Press. 1988. P. 1–20; Oliver J. H. *Roman emperors and Athens // Historia*. 1981, 30.4. P. 412–423; 2) *The civic tradition and Roman Athens*. Baltimore, 1983.

ми²⁶³. Практически все без исключения Ервандяны занимали высокие посты и должности в Сирии, Северной Африке и Европе.

Обосновавшиеся в Риме коммагенские Ервандяны оказали значительное влияние на духовную жизнь Средиземноморья. В это время митраизм в Риме принимает новые формы и получает повсеместное распространение, что, было отнюдь не случайным. Войдя в состав провинции Сирия, Коммагена стала границей Римского мира²⁶⁴. В Самосате были основаны терминусы – погранзаставы и пропускные пункты на мостах или перекрёстках нескольких римских дорог. Поблизости от них были расквартированы имперские боевые соединения, среди которых особо выделялся Самосатский гарнизон. Сюда, по приказу императора Адриана, был перемещён известный Legio VI Ferrata, а позднее и Legio XVI Flavia Firma. Эти легионы были в основном укомплектованы местными солдатами и офицерами. Коммагенская маленькая, но весьма боеспособная армия стала элитным соединением, гордостью римской военной машины. Однако, именно поэтому римляне иногда, для своей же безопасности, старались предусмотрительно держать эти, так называемые *cohortes Commagenorum* подальше от родины, размещая на окраинах империи, например в Британии. Коммагенские боевые части считались элитными и их то и дело командировали в горячие точки на границы Римского мира. Особо ценились коммагенские лучники и тяжеловооружённая кавалерия. Коммагенские катафрактерии, вооружённые пиками и

²⁶³ Oliver J. H. The civic tradition and Roman Athens. Baltimore, 1983.

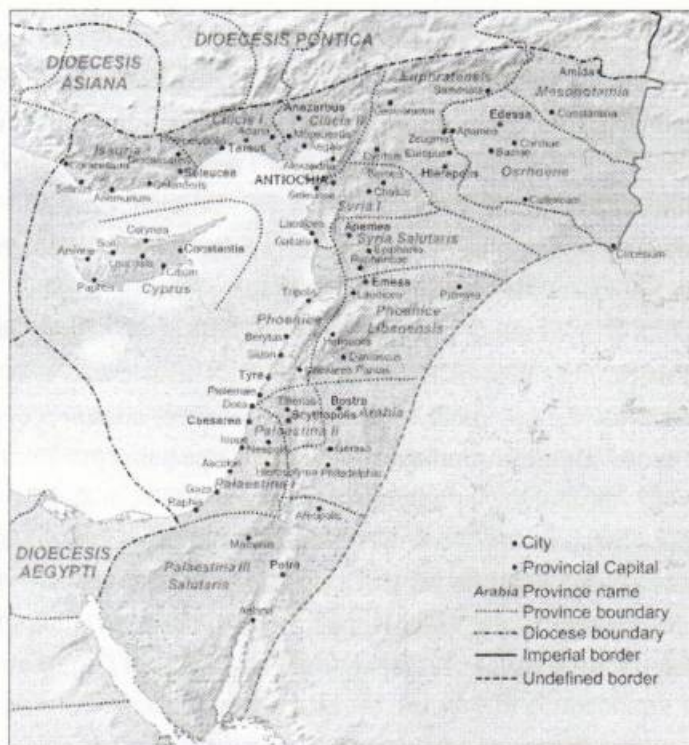
²⁶⁴ Speidel M. A. Early Roman rule in Commagene. Scripta Classica Israelica, 2005, 24. P. 85–100; Andrade N. J. Syrian identity in the Greco-Roman world. Cambridge, 2013.

длинными кривыми саблями (параметрий) были с головы до ног закованы в панцирь, состоявший из плотно привальцованных к бычьей коже железных пластин²⁶⁵. Традиционно римская кавалерия таким вооружением не обладала (*Photius Bibliotheca, cod. 82*).

Расквартированные в Самосате римские боевые соединения на протяжении почти половины тысячелетия играли особую роль в духовной культуре, как местных народов, так и всей Римской империи. В середине IV в. Коммагена и Киликия, вместе с Келисирией и странами Леванта, вошли в состав Восточного диоцеза или преторианской префектуры Востока. Согласно Аммиану Марцеллину [Деян., кн. XIV, ч. 8, § 7], территория Евфратисии соответствовала территории древней Коммагены. Однако, но по мнению Эдмунда Спенсера Бушье, она также включала в себя Киррестику. Столицей провинции был Кирр или, возможно, Иераполис Бамбисский²⁶⁶.

²⁶⁵ Маргарян Е. Г. 1) Христианские святые в броне и с параметрием наголо: образ воина-исповедника в византийской иконографии (1). Приевфратская пограничная зона и христианство // Визуальная теология. 2022. Т. 4. No 1. С. 202–226; 2) Христианские святые в броне и с параметрием наголо: Христианские святые в броне и с параметрием наголо: образ воина-исповедника в византийской иконографии (2). Вооружённые угодники и страстотерпцы // Визуальная теология. 2022. Т. 4. No 2. С. 202–226.

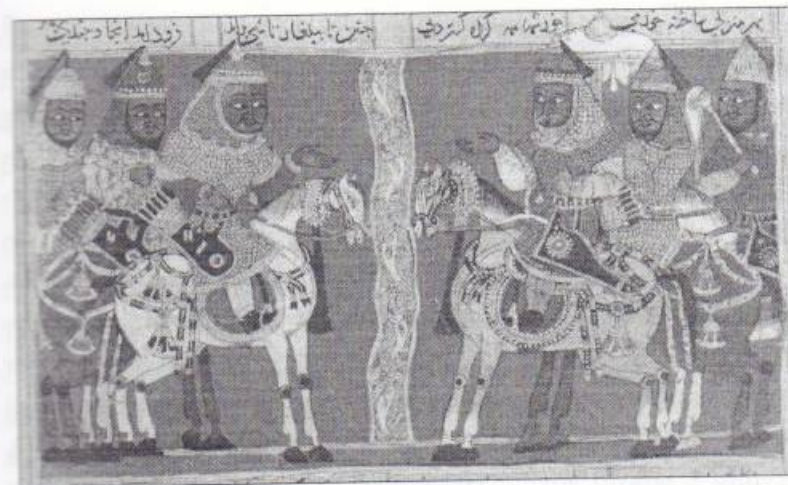
²⁶⁶ Bouchier E. S. Syria as a Roman Province. Oxford, 1916. P. 155.

Евфратисия или Августа Евфратская
(лат. *Euphratensis* или лат. *Augusta Euphratensis*) на плане диоцеза
Восток (400 г.)^{*}

Лишив независимости Коммагену, Каппадокию и Киликию, Рим стал непосредственным соседом Великой Армении. Разместив вдоль её границ свои боевые соединения, Рим превратил, по сути, своего «друга и союзника» в буферное государство. Было очевидно, что Великую Армению рано или поздно, ожидает участь Коммагены и поглощённых империей других лимитрофных государств региона.

^{*} Источник: <http://surl.li/eszsa> Дата обращения: 09.12.2023.

ОЧЕРК IV

ПРИЕВФРАТСКИЙ ФРОНТИР В ВИЗАНТИЙСКУЮ ЭПОХУ. «ПРЕТЕРПЕВАНИЕ» НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ²⁶⁷

*Как этому имя дать? Вы не крепость построили!
Ужас вы построили, ярость построили вы!*

Армянский эпос «Неистовые сасунцы»

Мы окружены, значит им от нас не уйти

Байсангур Беноевский

1. Новая империя – новая стратегия. Малая война. После фрагментации Римской империи и образования в восточной

²⁶⁷ Яннарас Х. Избранное: Личность и Эрос. Москва, 2005.

половине Средиземноморья новой державы, провозгласившей себя Вторым Римом, в Приевфратском лимесе жизнь продолжалась своим чередом. Бурные политические события на Западе и военные катаклизмы лишь в незначительной степени повлияли на Восточные провинции империи. Изменения здесь затронули лишь надстроечную часть общества, перелицевали фасады, но не затронули сами основы бытия приграничных стран. Восточные провинции империи просто не нуждались переформатировании социально-экономического уклада, эллинистический восток всем ходом своей бесконечно долгой истории был готов к средневековому укладу и плавно, без потрясений, вступил в новую эру²⁶⁸. Начавшие набирать обороты ещё во времена Мария и Суллы авторитарные тенденции, а также стремление Рима унифицировать жизнь во всех подвластных странах и провинциях, в восточном лимитрофном поясе проявлялась в куда более мягкой форме. В одних и тех же сферах жизни порубежья присутствие государства ощущалось гораздо слабей, чем в центре. Главными требованиями к фронтирменам были приспособленность к местным природно-климатическим условиям, выдержка, терпение и уверенность в своих силах, решимость и стойкость в бою, решимость защищать свои земли, что подразумевало защиту границ империи. Всеми этими качествами порубежники обладали в полной мере, на остальное центральные власти просто закрывали глаза.

Нивелирующее влияние империи оставило едва заметный отпечаток на мировоззренческой системе человека фронта. Однако, связь с корневой системой среды обитания, наряду с

²⁶⁸ *Адопц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние основ нахарарского строя. С. Петербург, 1908. С. 91–104

осознанием себя значимой частью чего-то большого и важного, а именно осознания себя защитником империи, охранителем и носителем её базовых цивилизационных ценностей, порождало дихотомию сознания фронтирменов²⁶⁹. Такого рода трансгрессия локальной и имперской моделей стала основой пограничного сознания и наблюдалась практически вдоль всей границы Восточной Римской империи: на севере²⁷⁰, западе²⁷¹ и конечно в приевфратском фронтире²⁷². Восточные границы Византии, как модель организации лимеса и одновременно как контактная зона впервые были исследованы В. А. Арутюновой-Фиданян²⁷³.

²⁶⁹ Подробнее об этом см.: *Якушенков С. Н., Якушенкова О. С.* «Власть земли»: формирование новой инаковости в условиях фронта. // Журнал фронтальных исследований (2016, №1). С. 13; *Олейников Д. И.* Противоречия культурного билингвизма: особенности психологии русского офицера-горца в период большой Кавказской войны / Д. И. Олейников // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. Москва, 2002. С. 229–236.

²⁷⁰ *Вус О. В.* Ранневизантийский *limes* в Северном Причерноморье: организация и структура инженерной обороны // Византийский временник. Т. 72 (97). 2013. С. 227–246.

²⁷¹ *Garbsch J. G.* Der spätrömische Donau-Ille-Rhein-Limes. Stuttgart 1970; *Mackensen M.* Raetia: late Roman fortifications and building programmes // J. D. Creighton und R. J. A. Wilson (Hrsg.): Roman Germany. Studies in Cultural Interaction (Journal Roman Arch. Suppl. 32), Portsmouth 1999. S. 199–244; *Калосовская Ю. К.* Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н. э. Москва, 2000.

²⁷² *Oikonomidès N.* Les Listes préséance byzantines des IXe – Xe siècles. Introduction, texte, traduction et commentaire. Paris, 1972; *Ahrweiler H.* La frontière et les frontières de Byzance en Orient // Actes du XIVe Congrès International des études byzantines/ Helen Ahrweiler. Bucaresti, 1974.

²⁷³ *Арутюнова-Фиданян В. А.* См.: Армяно-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980; Несколько замечаний к положению на восточных границах Византии в 70-е годы XI в. // Кавказ и Византия. Ереван, 1980. Вып. 2; *Она же.* Армяно-византийская кон-

Типичными фронтирменами на восточных рубежах империи ромеев, безусловно, были акриты (ακρίτες) – разновидность военных поселенцев-стратиотов (στρατιώτες)²⁷⁴, сочетающих мирный труд с ратным делом. Как известно, после битвы у Ярмука 636 г., и особенно после смерти Ираклия, стратиоты надолго составили ядро византийской армии, и оставались её оплотом вплоть до падения империи.

Серебряное блюдо, изготовленное в честь победы Ираклия над персами
Метрополитен-музей искусств Нью-Йорка, США*

тактная зона (X–XI вв.): Результаты взаимодействия культур. М., 1994; *Она же*. «Повествование о делах армянских» – памятник армяно-византийской контактной зоны (V–VII вв.) // *Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежом своего Отечества*. М., 1997; *Она же*. Армения и Византия в VII в.: синтезная контактная зона // *Византийский временник*. М., 2002. Т. 61 (86); *Она же*. Армяне-халкидониты: Идентичность на стыке этноса и конфессии // *Исторические мифы и национальная идентичность*. Москва, 2007; *Она же*. «Повествование о делах армянских» (VII в.): Источник и время. М., 2004. Поэтому поводу см. также: *Obolensky D. Byzantine frontier zones and cultural exchanges / D. Obolensky // Actes du XIVe Congres International des etudes byzantines*. Bucaresti. P. 303–312.

²⁷⁴ Стратиоты владели неотчуждаемой землей, с правом наследования от отца к сыну, при условии обязательной службы в пограничных войсках. Они были освобождены от всех видов налогов, кроме земельного (канон).

* Источник: Metropolitan Museum Journal Vol. 8. 1973.

В литературе и по сей день, со ссылкой на «генетическую связь», можно встретить мнение о том, что византийская армия была естественной наследницей римских военных традиций. Первые византийские императоры действительно пытались придерживаться римско-латинского формата военной организации, боевого построения и армейской дисциплины. Длительное время на западе и на востоке империи пограничные войска состояли преимущественно из легионов, боевые традиции которых восходят к временам римской славы²⁷⁵. Однако, ни внешне, ни субстанционально, византийская армия так и не стала повторением римской²⁷⁶. В отличие от своего предшественника – Рима, Византия не была милитаристской империей, ведущей бесконечные захватнические войны, и не рассматривала их как основное средство обогащения и источник рабской силы, на которых держалась экономика её предтечи – Первого Рима. Первостепенной задачей Восточной Римской империи была не внешняя экспансия, а сохранение имеющихся территорий²⁷⁷, их защита (иногда по всему периметру пограничья) от нашествий варварских племён – вандалов, готов, аваров, варягов, славян, сельджуков и пр., а также от Сасанидской держа-

²⁷⁵ Банников А. В., Морозов М. А. Византийская армия (IV–XII вв.). Санкт-Петербург, 2013.

²⁷⁶ Маргарян Е. Г. 1) Христианские святые в броне и с парамерием наголо (1). Приевфратская пограничная зона и христианство // *Визуальная теология*. 2022. Т. 4. No 1; 2) Христианские святые в броне и с парамерием наголо: образ воина-исповедника в византийской иконографии (2). Вооружённые угодники и страстотерпцы // *Визуальная теология*. 2022. Т. 4. No 2. С. 202–226.

²⁷⁷ Византийский империализм скорее проявлялся в ортодоксальном мессианстве и распространении культурного влияния ромеев на сопредельные страны и народы, хотя, безусловно, были отдельные исключения из этого правила.

вы и Халифата. Это неизбежно должно было привести к изменению самой философии войны, а также к трансформации структуры и организации вооружённых сил. Полевая армия, громоздкая, неповоротливая и дорогостоящая, набиралась в период нечастых военных кампаний и распускалась сразу по их окончании. Даже Юстиниану I, в период своих бесконечных войн, приходилось по нескольку раз собирать и распускать воинский контингент.

Основанная на принципах бюрократического централизма, заложенных ещё при Диоклетиане, имперская римская армия продемонстрировала свою несостоятельность уже в юстиниановскую эпоху; «... реставрационные устремления юстиниановского правительства, направленные на воссоздание рабовладельческой деспотической империи мирового масштаба, временно снимали вопрос о перестройке диоклетиановской системы. Глубочайший кризис, поразивший империю при преемниках Юстиниана, сопровождался крахом всех предшествующих государственно-правовых концепций»²⁷⁸. Уже при Юстиниане II, Византия перешла к глухой обороне по всему периметру своих границ²⁷⁹.

Эти изменения и пертурбации нашли отражение в военных трактатах того времени, в современной науке известных как «стратегиконь». В византинистике эта тема давно и основательно изучена, поэтому мы обратимся к ней лишь вскользь.

²⁷⁸ Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 87.

²⁷⁹ Редкие всплески военной активности, как это было, например в начале правления Ираклия, объясняются не столько могуществом Византии, сколько удачным стечением обстоятельств, безусловно кризисом, охватившим державу Сасанидов в первой половине VII века.

Отличительной характеристикой практически всех византийских трактатов вплоть до X века была их оборонительная направленность. Так, для понимания взглядов и концепций, господствующих в Восточной Римской империи, большой интерес представляет военная доктрина анонимного автора VI в., в которой нет и намёка на столь характерное для античных писателей патетическое отношение к войне. Наоборот, война характеризуется Анонимом как «крайнее зло и воплощение всего дурного», поскольку несёт людям тяготы и страдания²⁸⁰. Примечательно, что эти, в некотором смысле пацифистские идеи были высказаны вскоре после смерти Юстиниана: в то время, когда устремления ромеев возродить былое величие Рима, сделать Второй Рим достойным своего названия, в византийском обществе ещё не утратили привлекательности.

Однако анонимный автор руководства византийской армии осознаёт, что эпоха военного доминирования Рима прошла, и он живёт в другое, отнюдь не столь величественное и славное время. Отсюда плохо скрываемый синдром неполноценности: в своих сочинениях Аноним больше полагается на авторитет Античности, чем на собственные знания и умения. Характерной чертой почти всех военных теоретиков той поры было эпигонство. Сочинение Анонима – не исключение и является типичным продуктом своей эпохи: вся система его воззрений целиком основывается на концепциях военной науки классической эпохи. Очевидно автор, как и большинство его современников, был убеждён, что Античность дала миру непревзойдённые примеры военного гения, равных которым современная ему эпоха просто не в состоянии продуцировать.

²⁸⁰ Там же. С. 88.

Возможно поэтому Византийский Аноним предлагает применять в бою традиционные античные методы, например, фаланговый строй²⁸¹, предназначенный, как известно для наступательных действий и малоэффективный при обороне. Этот и другие примеры демонстрируют инерцию мышления, в целом очень неглупого и подготовленного военного теоретика VI в., его недоверие к опыту современных офицеров-практиков, ведущих изнурительные войны на рубежах империи не по строгим выкладкам античных теоретиков, а исходя из существующих реалий.

Другим выдающимся образчиком военно-теоретической мысли принято считать так называемый «Стратегикон» Псевдо-Маврикия²⁸², чьё мировоззрение зиждется на догматах христианского вероучения. Именно они определили подходы автора к проблемам войны и мира, к принципам эффективного функционирования армии. Псевдо-Маврикий вторит идеям писателя I в. от Р. Х. Онасандра, который в своём труде «Стратегика», пожалуй впервые, рассуждает о том, что лишь справедливая причина войны может оправдать её и быть удостоена Божественного благоволения. Идеи Онасандра, развитые в «Стратегикосе» Псевдо-Маврикия (Сочинение 23, IV глава) были воплощены в формуле: «Причина войны должна быть законной» (Strat. VIII B. 12).

Это совершенно новый подход к войне. Аристотелевская идея *dikaioç pólēmoç*, и цицероновская *justum bellum* были отв-

²⁸¹ Кучма В. В. «Византийский Аноним VI в.»; Основные проблемы источников и содержания // Византийский временник. 1980. Том 41 (66). С. 84–85.

²⁸² Dennis G. Maurice's Strategikon: Handbook of Byzantine military strategy. University of Pennsylvania Press, 1984. P. 58–63.

лечёнными этико-философскими понятиями, которые в военных трактатах античной поры никто не рассматривал. В эпоху античности войны были преимущественно империалистическими, и вопрос о «законности» войны перед нападающей стороной не стоял²⁸³. Критерии справедливой войны находились исключительно в юридической плоскости. Неправедной считалась не захватническая война, а та, которая нарушала заключённые договора и велась вопреки имеющимся юридическим актам, либо велась не по правилам, установленным между империалистическими державами. Справедливыми также считались реваншистские войны, ведомые по принципу «око за око». Но земли, «завоёванные копьём», то есть занятые по праву победителя и управляемые на основании этого права, также считались законной собственностью империалистов²⁸⁴. Право завоевателя считалось священным, ведь без благоволения богов, дарованной ими «лицензии», едва ли герою-завоевателю удалось бы обрести покорённые земли. Оспорить приоритет захватчика на оккупированные земли можно было только с помощью оружия. Поражение в войне означало потерю благоклонности богов, влекущий потерю земли и славы²⁸⁵.

²⁸³ Маргарян Е. Г. Эллинизм и его трансформации. Проблемы периодизации, универсализации и преемственности. Книга I. Ереван: Изд. Института истории, АН РА, 2021. С. 50–64.

²⁸⁴ «Копье издревле считалось оружием, которое использовали боги для выражения своего отношения к поступкам людей. Поэтому «завоёванные копьем» земли считались даром богов. Так думал и Александр. Копье, вонзившееся в землю, служило для него великим символом. Он откровенно поклонялся морали сильного и перед лицом богов выражал свои притязания на землю врагов, а возможно, и на всю Азию» (Шахермаир Ф. Александр Македонский. Ростов-Дон, 1997. С. 102).

²⁸⁵ Маргарян Е. Г. 1) Христианские святые в броне и с парамерием наголо: образ воина-исповедника в византийской иконографии (1). Привеф-

И вот теперь, в новую эпоху, наследники надменных македонян и римлян свои руководства по тактике ведения боевых действий либо предваряют, либо перемежают размышлениями о справедливости войны. Причин было две – торжество христианства, проповедующего ненасилие и высокие нравственные ценности, и изменения военно-политической конъюнктуры.

Поначалу христианство существенной роли в жизни византийской армии не играло. Однако перестановка сил на международной арене привнесли изменения в армейскую жизнь. Как явствует из трактата Псевдо-Маврикия, примечательной инновацией в византийской армии стали мероприятия, относящиеся к разряду политико-воспитательных²⁸⁶. В милитаристских империях типа Ассирийской, империи Александра, Римской империи или кочевых азиатских империях Средневековья, главным стимулом службы и источником стремления к победе для солдат была слава и военная добыча²⁸⁷. Византийская империя по большей части была лишена возможности стимулировать своих воинов посулами богатых трофеев, поэтому на первый план выходили агитационные мероприятия (ещё недавно именуемые «разъяснительной работой с личным составом»). Очевидно главная роль в поддержании морального духа

ратская пограничная зона и христианство // Визуальная теология. 2022. Т. 4. No 1; 2) Христианские святые в броне и с парамерием наголо: Христианские святые в броне и с парамерием наголо: образ воина-исповедника в византийской иконографии (2). Вооружённые угодники и страстотерпцы // Визуальная теология. 2022. Т. 4. No 2. С. 202–226. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2022-4-2-202-226>

²⁸⁶ Кучма В. В. Указ. соч. С. 92.

²⁸⁷ Маргарян Е. Г. Эллинизм и его трансформации. Проблемы периодизации, универсализации и преемственности. Книга I. Ереван: Изд. Института истории, АН РА, 2021. С. 56–64.

бойцов отводилась полковым капелланам, которые должны были укреплять дух воинства и побуждать к подвигам во имя государя и веры. Кроме того, священник должен был поддерживать в армии надежду на Божье вспоможение и веру в собственные силы, призывал воинов заботиться о телах павших и душах усопших воинов. Однако прямых указаний на существование подобного института в литературе немного. В восточноармянской армии институт военного священничества, как явствует из источников, был стержневым, и примеров тому множество²⁸⁸. Безусловно был он и в Византии²⁸⁹, где воины, однако, воспринималось, прежде всего, как защитники царя и империи, а уже затем как борцы за веру.

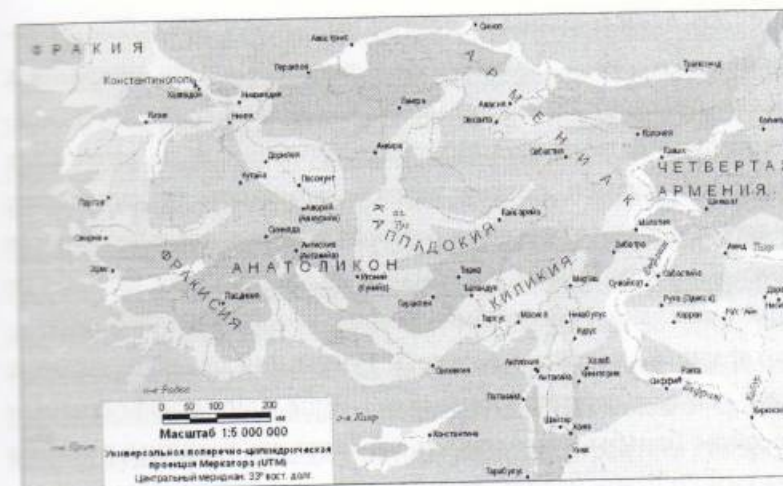
Другая причина утверждения в империи ромеев новых государственно-правовых концепций, основанных на христианских принципах морали, пожалуй, была более прозаичной, а именно, невозможность Восточной Римской империи вести захватнические империалистические войны в каком-либо направлении. Византия с самого момента своего возникновения и до дня гибели была окружена таким количеством внешних врагов, которое граждане Римской империи даже представить

²⁸⁸ Ежегодно Армянская апостольская церковь отмечает День памяти армянских священников Гевондянов. 26 мая 451 г. в сражении на Аварайрском поле, вместе с армянскими солдатами и их командующим св. Варданом Мамиконяном, армянские священники пали за веру Христову в первой Крестовой войне, где по свидетельству Елише «каждый человек в душе был церковью и сам же священником» *Էջիւն (Елишэ, Եղիշի)*. О Вардане и войне армянской. Переводчик: Орбели И. А., Юзбашян К. Н. Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1971. Раздел 6). Рядом с именем Гевонда армянские летописцы упоминают имена католикоса Иосифа, епископов Саака Рштуни и Татика Басени, священников Мушега, Аршена и Самвела, дьяконов Авраама и Каджаджна.

²⁸⁹ Кучма В. В. Указ. соч. С. 73.

не могли. Атаковать большинство этих врагов было бессмысленно, и даже самоубийственно, поэтому Псевдо-Маврикий, в принципе разделяя господствовавшие в эпоху Античности теории о преимуществах ведения войны на территории противника, всё же считает, что существующих условиях целесообразнее осуществлять военные действия на своей земле. Армия находится в большей безопасности, сражаясь на собственной территории, ведь солдаты, при необходимости, могут отступить в укрепленные пункты (Strat. VIII A. 44). На вражеской земле это невозможно – воины находятся на незнакомой территории, под постоянной угрозой, а такое состояние требует от армии постоянного напряжения.

По мнению Псевдо-Маврикия, находясь на вражеской территории, армия должна без колебания применять «тактику выжженной земли». Самым благоприятным временем для вторжения он считает период жатвы: нанесённый врагу ущерб будет тогда особенно чувствительным, а его неблагоприятные последствия – максимально продолжительными (Strat. VIII A. 30). Для империи, которая стремится нарастить свою территорию за счёт соседей и превратить местное население в данников, такая тактика нецелесообразна. Но Византия стремилась (за исключением периодов правления Юстиниана и Василия II Болгаробойцы) не к завоеванию новых земель. Главное было сдержать натиск врагов на рубежах империи, поэтому вторжение на вражескую территорию осуществлялось с одной целью – нанести наибольший урон неприятелю, вернуться домой, и не обязательно с богатой добычей, но с малыми потерями.

Малая Азия Западная Армения в VI–VII в.*

В основном же, римеи не воевали, подобно современным им китайцам²⁹⁰, они стравливали, причём довольно успешно, своих врагов друг с другом²⁹¹. Либо нанимали одних варваров

* Источник: <http://surl.li/evcjj> Дата обращения: 09.12.2023.

²⁹⁰ Маргарян Е. Г. Поднебесная как мир-империя: особенности и родство с другими мир-империями древности и нового времени // Сборник научных статей. По материалам 2-ой международной научно-практической конференции *Конфуцианские чтения* РАУ. Ереван, 2016. С. 15–27.

²⁹¹ Армянский историк Себэос приписывает Маврикию программу обороны границ империи, изложенную в письме Сасанидскому правителю Хосрою: «В то время император греческий Маврикий приказывает написать персидскому царю обвинительное письмо против всех армянских князей и их войска. «Народ строптивый и непокорный, говорит, живет между нами и мутит. Поступим так: я соберу своих и отправлю во Фракию, а ты собери своих и прикажи отправить их на Восток. Если они умрут, то умрут наши враги, если же они убьют, то убьют наших врагов, а мы будем жить в мире. Ибо если они будут пребывать в своей стране, нам не будет покоя». Оба (царя) сговорились. И стал император издавать приказы, чтобы собрали всех и отправили во Фракию, и настойчиво требовал,

защищать свои границы от других варваров. Г. Дельбрюк, считавший, что уже в IV столетии в римской армии природных римлян практически не осталось, и империя охранялась исключительно силами наёмников, нанятых из различных варварских племён, прежде всего – германцев, так описывает эту ситуацию: «Хотя борьба, которая ведётся, всё ещё остаётся борьбой между Римом и германцами, но это уже больше не борьба римлян с германцами. Воины, которые ведут борьбу, – это германцы и другие варвары, гунны или славяне, которые ведут войну с себе подобными»²⁹². Ещё одним эффективным способом борьбы с давлением варваров на границы империи стал синойкизм – насильственное переселение коренных народов Передней Азии в Македонию и Фракию, иногда в Африку²⁹³. Эту практику римляне переняли у своих предшественников – эллинистических монархов Передней Азии²⁹⁴, хотя корни этого явления уходят ещё в хеттскую, ассирийскую и урартскую эпохи²⁹⁵.

чтоб приказ был исполнен» (Глава XIII, История Епископа Себеоса. Перевод с древнеарм. Ст. Маласянца, 1939).

²⁹² Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. / Пер. с нем. В. И. Авдиева. В 4 т. СПб, 1994. Т. 2. С. 181.

²⁹³ См. приведенный выше отрывок из Истории Себеоса.

²⁹⁴ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. Перевод с английского С. А. Ляковского. Предисловие проф. С. И. Ковалева. Москва, 1949; Биккерман Э. Государство Селевкидов. Москва, 1985; Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н. э. – III в. н. э.). Москва, 1959; Саркисян Г. Х. Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин. Москва, 1960; Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. Москва, 1979.

²⁹⁵ Меликишивили Г. А. К вопросу о хетто-цупанийских переселенцах в Урарту // Вестник древней истории. Москва, 1958. - № 2; Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту) / Орбели И. А. – Москва, 1959. – 286 с.; Арутю-

Другой интересный пример военного трактата является сочинение Льва VI, явного сторонника дефензивы (оборонительная тактика в войне). Даже официальная титулатура императора говорит о многом. В своём трактате он именует себя “Λέων, ὁ εἰρηνικός ἐν Χριστῷ αὐτοκράτωρ, πιστός, εὐσεβής, ἀεισέβαστος αὐγουστός”²⁹⁶ («Лев, миролюбивый во Христе самодержец, благоверный, благочестивый, во веки священный Август») ²⁹⁷. Лев имел также титул «мудрый» за сочинения трактатов, стихов и речей, а также свода законов, под названием «Базилики», начатый ещё его отцом Василием I Армянским. Титул «миролюбец» у автора военного трактата говорит о том, что главной своей задачей христоролюбивый монарх считал не агрессию и аннексию чужих территорий, а оборону, выражаясь современным языком, «принуждение к миру».

нян Н. В. Биайнили (Урарту). Ереван, 1970; Оганесян К. Л. Крепость Эребуни (782 г. до н. э.) / Пиотровский Б. Б. Ереван, 1980. – 144 с.

Для наглядности приведем отрывок из «Хорхорской летописи» Аргишти I, повествующей об основании Эребуни. «Летопись» была высечена на Ванской скале, в столице Урарту Тушпе и была обнаружена и исследована в конце XIX века: «Величием бога Халди выступил я в поход на страну Хати... По велению бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: город Ирпунни я построил для могущества страны Биайнили и для усмирения вражеской страны. Земля была пустынной; ничего не было там построено. Могучие дела я там совершил. 6 тысяч 600 воинов стран Хате и Цупани я там поселил».

²⁹⁶ The Taktika of Leo VI. Text, Translation and Commentary. English translation by G. T. Dennis. Dumbarton Oaks, Washington, D. C., 2010. P. 2.

²⁹⁷ Подробнее об этом см.: Лев VI Мудрый. Тактика Льва. Изд. подготовил В. В. Кучма; отв. ред. Н. Д. Барабанов. СПб., 2012. С. 341.

Деталь мозаики Императорских ворот в соборе Святой Софии, изображающая Льва VI Мудрого*

Для Льва крайне важно, чтобы войны, ведомые империей, были справедливыми: *«Готовясь к войне, прежде всего заранее предусмотреть, чтобы причина этой войны была законной, и не обращай против врагов несправедную силу до тех пор, пока они со свойственным им нечестивым обычаем развязывания войны сами не нападут на нашу землю первыми. Ведь для нас всегда предпочтителен мир во имя Христа, всеединого Владыки и Господа Бога как с подвластными нам народами, так и с варварами, и если эти народы из любви к миру будут держать свои границы закрытыми и не станут действовать несправедливо, то ты и сам будешь огражден от нападений, и не обогришь землю кровью ни соплеменников, ни варваров.*

* https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Detail_of_the_Imperial_Gate_mosaic_in_Hagia_Sophia_showing_Leo_VI_the_Wise.jpg Дата обращения: 09.12.2023.

Вместо того, чтобы получить обвинение врагов, что ты начал несправедливую войну без какой бы то ни было несправедливости к тебе, пусть будут обвинены сами враги в том, что они сотворили несправедливость в отношении миролюбивых подданных нашего величества. Нам же, исходящим из миролюбия людей, всегда следует, насколько это возможно, добрососедствовать с сопредельными народами, желающими этого, никогда не творить обиды тем подвластными нам народам, которые предпочитают мирное состояние всякому другому, жить с ними в согласии и отвергать войны» (44–45)²⁹⁸.

Абсолютно утилитарный характер имело тактическое руководство ведения военных действий под названием «О боевом сопровождении» («De velitatione bellica»), написанное во второй половине X в. Авторство этого письменного памятника до настоящего времени не установлено. Это сочинение было написано одним из его старших офицеров, или возможно его братом Львом Фокой²⁹⁹ по поручению василевса Никифора II Фоки и на основании его наставлений и памяток. Будучи стратегом Каппадокии, тот в октябре 950 г. малыми силами разгромил 30-тысячное войско алеппского эмира Сейф-ад-Доула, взяв реванш за недавнее поражение ромеев от войск того же эмира. Разгром армии сарацин весьма скромными силами акритских частей стал возможен благодаря умелому применению Львом Фокой тактики засадного боя и умелого маневрирования, включавшего в себя опережение противника в занятии господствующих высот на пути движения; удар по обозу как

²⁹⁸ Там же. С. 353.

²⁹⁹ Three Byzantine Military Treatises. / Ed. G. T. Dennis. Wash. 1985. P. 140; Кучма В. В. К проблеме авторства трактата "De velitatione bellica". Новая гипотеза // Византийский временник, 1994. Т. 55 (80). С. 132–137.

наиболее уязвимому пункту походной колонны; одновременная атака с трёх сторон с целью рассредоточения сил противника; ночной бой; предоставление противнику возможности спастись бегством и т.д. Однако в трактате учтён опыт и других полководцев из армянского акритского рода Фок: Варда, Никифора и Константина Фоки, а также Иоанна Цимисхия (арм. Чмшчик), племянника Никифора Фоки и двоюродного брата Никифора и Константина.

В первом издании название трактата «De velitatione bellica» было переведено «О сшибках с неприятелями сочинение государя Никифора»³⁰⁰. Хотя перевод названия трактата, как и самого сочинения, вольный и неточный, он безошибочно передаёт саму суть руководства «малой войны», что вели акриты на восточных границах империи. Главной задачей стратиотских отрядов многоопытный анонимный стратег (Лев Фока) считает не столько разгром и уничтожение войска неприятеля (постановка такой задачи перед малочисленными акритскими дружинами равнялась бы преступной безграмотности), сколько нанесение противнику наибольшего урона и вытеснение его за пределы империи. Следующим этапом считалось преследование противника на его территории, до тех пор, пока это возможно, не неся самому большие потери.

Анонимный автор даёт образную характеристику этого метода войны: «Узнавши об нем от других, мы собственным опытом ему научились. И так с одной стороны, учителями и наставниками нашими были сами изобретатели сего способа:

³⁰⁰ *Anonymus. De velitatione bellica* (Περὶ παραδρομῆς πολέμου του κυρίου Νικηφόρου του βασιλέως) «О сшибках с неприятелями сочинение государя Никифора». История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей. СПб., 1820. С. 113–163.

с другой мы сами из употребления приобрели в нем по силам нашим некоторую опытность. Он весьма полезен: все, его употреблявшие, с небольшим войском совершали великие и достопамятные деяния. Случалось иногда, что один отличный полководец (стратиг, Е. М.), сделав благоразумное и правильное нападение на неприятелей, искусно предводительствуя небольшим своим отрядом, поставленным в строй, совершал то, чего некогда все Римское войско не смело и не могло сделать с храбрыми Киликийскими полками Хамвдана. Мы говорим сие не потому, чтобы мы предпочитали малое войско великому, или считали сей способ лучше всех стратегем и правил Тактики, но потому, что он нередко бывал лучшим полководцам лучшим помощником: будучи не в силах прямо идти на врагов, они сохраняли и самих себя и свою землю. Блаженный Кесарь Вард, сколько я помню, восстановил сей способ, совершенно забытый, и дошёл до высшей степени совершенства (не хочу исчислять здесь всех древних полководцев, но только известных в наше время): бывши предводителем войска, в соседственных областях Тарса, Каппадокии и Анатолии, он тысячекратно поражал полки Тарсян и прочих Киликийян и одерживал над ними славные победы»³⁰¹.

Автор трактата рекомендует по возможности уклоняться от военных столкновений, даже если это наносит ущерб репутации империи³⁰², ибо несомое войной зло всегда перевешивает зло от маловыгодного мира. Посему, будучи опытным

³⁰¹ *Anonymus. De velitatione bellica*. Предисловие.

³⁰² The Anonymous Byzantine Treatise on Strategy. In: Three Byzantine Military Treatises / Text, Translation and Notes by George T. Dennis. Washington, 1985. P. 1–136; О стратегии: Византийский военный трактат VI века / пер. В. В. Кучмы. СПб., 2007.

тактиком, побывавшим в переделках, среди видов сражений он всё же отдаёт предпочтение оборонительным, позиционным боям, игнорируя наступательные методы (Anonymus, VI, 5. P. 56–68). Боевая инициатива отныне целиком отдана неприятелю. Помыслы Анонима направлены лишь на то, чтобы всеми силами ослабить эффект вражеского удара (Anonymus, XXXI–XXXVIII). Редкие контрнаступления, по мнению Анонима,

следует вести в ночное время, более полагаясь на данные реагнсцировки, темноту и эффект внезапности, чем на стойкость и энергию солдат. Потому в трактате так много внимания уделено характеристике ночного боя (Anonymus, XXXIX) и подготовке к засадам (Anonymus, L), а также затронуты аспекты организации разведывательной службы (Anonymus, I–III).

Figure 3. Liber de velitatione bellica*

2. *Акриты и апелаты*. Решительный отход от античных методов ведения войны к так называемой *малой войне* произошёл после разгрома византийской армии у Ярмука. Это сражение со всей очевидностью показало неэффективность традиционной тактики греко-македонской фаланги, практиковавшей линейную атаку по всей линии фронта и, напротив, подтверди-

* Источник: <https://books.google.co.uk/books?id=MNQFAAAAQAAJ>. Дата обращения: 12.12.2023.

ла результативность манёвренной и непредсказуемой для противника летучей акритской лёгкой конницы (курсоры)³⁰³, в сочетании с фронтальными атаками плотным строем тяжеловооружённой конницы (диференсоры) и минимальном использовании пехоты³⁰⁴. На смену регулярным полевым частям стали всё больше приходиться небольшие дружины ополченцев из местного населения³⁰⁵, кровно заинтересованные в защите рубежей империи, ведь эти рубежи были их домом. Мобильное патрулирование территории и несение гарнизонной службы было поручено вспомогательным отрядам из местных стратиотов: армян, касогов, исавров, мардаитов, сирийцев, арабских племён, таких как иорданские Хассаниды и пр. А после поражения у Ярмука византийская армия и вовсе потеряла какое-либо сходство с римско-латинской. Полевые части были либо истреблены, либо деморализованы и рассеялись по восточным провинциям империи. Местной милиции пришлось отбиваться не только от арабских захватчиков, но и от греческих мародёров.

³⁰³ Курсоры атаковали лавой или проводили охваты с флангов, при необходимости конники быстро спешили в пешем строю, так что некоторые военные теоретики считают их своеобразной пехотой на конях.

³⁰⁴ В византийской пехоте преобладали так называемые депутаты – саперы (мензоры), санитары, обозники и легкие пехотинцы, вооруженные метательным оружием, кинжалами и круглыми деревянными щитами с железным ободом и бубоном (Разин Е. А. История военного искусства: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 508–510). Однако в эпоху Юстиниана византийский военачальник Велизарий всё ещё активно применял фалангу, в то время как уроженец Восточной Армении – Нерсес больше выигрывал сражения благодаря коннице.

³⁰⁵ Кучма В. В. К проблеме авторства трактата "De velitatione bellica". Новая гипотеза // Византийский временник, 1994. Т. 55 (80). С. 202.

Давид и Голнаф

Фрагмент поясного барельефа на юго-восточном фасаде церкви Сурб Хач (Святой Крест) на острове Ахтамар. Оз. Ван

Отряды местной милиции, под руководством бывалых командиров, без направляющей руки центра, стали применять

* Источник: David Nicolle, 'An introduction to arms and warfare in classical Islam' // Islamic Arms and Armour / Ed. by R. Elgood, London 1979. P. 169.

тактику скифской войны, избегая сражений тесным строем, стремясь больше атаковать из засад, вместо наступления используя просачивание, где победа достигается распылением и истощением сил противника, а не его уничтожением. Подобные бои Византия вела вдоль границ всех своих провинций, на протяжении всего противостояния с Халифатом, размещая пункты сопротивления по всей глубине и действуя небольшими мобильными силами стратиотов, изматывающих врагов непрерывными вылазками и сшибками.

Среди стратиотов принято выделять так называемых акритов и апелатов. Небольшие акритские дружины обычно базировались в аванпостах и малых дозорных крепостях. В их обязанности входило наблюдать за любыми передвижениями на границе и предупреждать население и власти об опасности. «De velitatione bellica» эта тактика описывается следующим образом: «Полководцам, принимающим на себя ответственность охранять пограничные Римские области, имеющие в себе тесные проходы, с неусыпным старанием и заботой должно оберегать оные всеми средствами от нападения врагов, расставляя стражей храбрых, способных и подробно знающих все дороги»³⁰⁶.

В силу особых природных условий, протянувшаяся по Западной Армении линия обороны не нуждалась в сплошных защитных сооружениях, подобных валу Адриана, Великой Китайской стене или Линии Мажино. «Если высокие и непроходимые горы отделяют от нас неприятельскую землю; то нужно расставить на оных стражи, на три или четыре мили одну от

³⁰⁶ Аноним. О сшибках с неприятелями сочинение государя Никифора. История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей. СПб., 1820. С. 113–163.

другой. Первая стража, увидев выходящих неприятелей, должна немедленно бежать ко второй с известием, а сия со всей скоростью к третьей и так далее по порядку, передавая оное до конных стражей, стоящих на ровных местах, которые уже уведомляют самого полководца о приближении врагов»³⁰⁷.

Приграничные фемы не только Западной Армении, но и ряда областей Малой Азии, Лазики, Фракии и Горной Таврики были организованы по принципу эшелонированной локально-очаговой инженерной обороны³⁰⁸, состоявшей из особых дискретных оборонительных узлов – клисур. Слово «клизура» в современном греческом языке означает «горное ущелье», в византийское время оно означало «форт», «горную крепь» с прилегающей территорией или вообще «небольшую провинцию», во главе которой стоял начальник-правитель (клизураpx), имевший статус ниже, чем стратиг.

Клизура

Крепость, возведённая армянским царём Левоном II (XII–XIII вв.)^{*}

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Вус О. В. Ранневизантийский *limes* в Северном Причерноморье: организация и структура инженерной обороны // Византийский временник. Т. 72 (97). 2013. С. 227–246.

^{*} Источник: <http://surl.li/eutnh> Дата обращения: 09.12.2023.

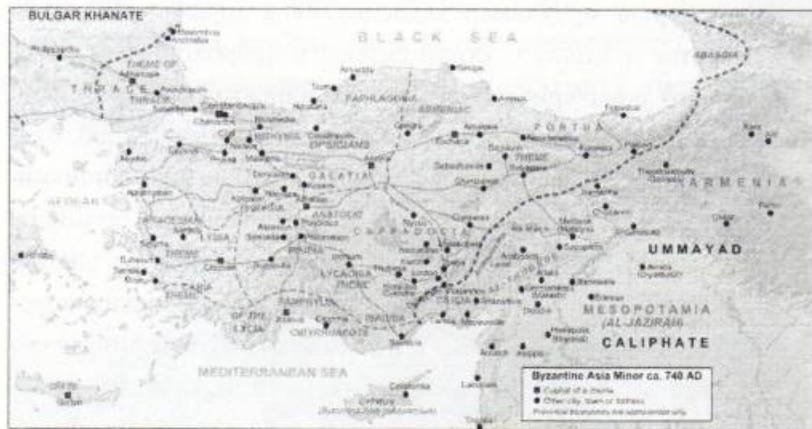
Пожалуй, другой причиной того, что на границе с мусульманским миром не было, и быть не могло непрерывной стационарной линии фортификационных сооружений, была подвижность погранзоны, её частый переход из рук в руки. Арабы называли её иклим ас-Сугур. Она охватывала некоторые западные пределы Великой Армении, часть Малой Армении и бывшие византийские области Евфратисию³⁰⁹ и Киликию. Есть несколько версий происхождения термина Сугур: согласно одной из них халиф Харун ар-Рашид, назвал этот регион «передние зубы», то есть «преграда», «защита»³¹⁰. Халифы заселили Сугур племенами арабов и берберов после того, как наступательный порыв мусульман захлебнулся в горах Армении, а Приевфратье и Киликия стали вязким и непроходимым рубежом, своего рода христианско-мусульманским междумирьем, главными действующими лицами которого, волею судеб, оказались армяне, каппадокийцы, исавры, коммагенцы, киликийцы и осроенцы. Некоторые из этих этносов исчезли – сгинули, не выдержав напряжения непрерывной борьбы, либо растворились среди соседних христианских и мусульманских народов. Стержневыми и самыми жизнестойкими этносами оказались миафелиты-армяне и халкидониты-каппадокийцы. В Сугуре наиболее активными в военном отношении племенами были бану килаб и бану сулайм.

После завоевания Сугура арабами халифы создали две пограничные зоны, переселив сюда бедуинов из глубин Ара-

³⁰⁹ Bouchier E. S. Syria as a Roman Province. Oxford, 1916. P. 155.

³¹⁰ Шидфар Б. Я. Народный роман о Зат аль-Химме // Жизнеописание доблестной Фатимы и повествование о подвигах ее славных предков». Перевод с арабского, предисловие и примечания Шидфар Б. Я.; Перевод стихов Е. Б. Рейна. Москва, 1987. С. 4.

вийского полуострова. Первый кордон назывался ас-сугур ад-джа-зариййа и включал месопотамские приграничные укрепления, второй – сирийский кордон, известный также как ас-сугур аш-шамиййа, прилегал к подконтрольной христианам Горной Киликии. В первой погранзоне находились укрепленные города Малатия (Мелитина, административный центр), Хадас, Мараш, Заперта и др., а во второй – Тарс (административный центр), Адана, Мопсуестия, Аназарба и др. Кроме этих двух погранзон, пограничными укреплениями считались Феодосиополь, или Карно Калак (Каликала) в Армении и Самосата в Коммагене (ас-сугур ал-Бакри'ййа).

Сугур (пограничье) в VIII в.

Согласно географу начала X в. Кудаме ибн-Джафару, арабы ежегодно совершали три похода – весенний, летний и зимний. Сарацины вторгались в византийские пограничные фемы через горные проходы «Киликийские ворота» и «дарб ал-Хадас». У

Массуди и географа IX в. Ибн-Хордабеха упоминаются два главных маршрута, по которым арабы совершали свои набеги на приграничные районы Византии. Первый пролегал по дороге из Алеппо до Таврского хребта через Киннасрин, Антиохию, Александретту, Мопсуестию, Адану и Тарс до Подандуса. Далее через «Киликийские ворота» дорога тянулась до крепостей Лулуа и Сафсаф на противоположной стороне горного кряжа. Другой маршрут брал начало от Ракки и через Сарудж, Самосату, Хиси Мансур, Мелитену, Заперту, Хадас и Мараш тянулся дальше по горному проходу «дарб ал-Хадас» до Каппадокии. Ибн-Хордабех приводит также затраты на содержание месопотамских и сирийских пограничных укреплений, Феодосиополя и Самосаты, аналогично упоминается состав и расходы на арабский флот (устул), которым всегда командовал правитель сирийских приграничных алькасаров.³¹¹

Во время набегов сарацин византийские центральные власти, как правило, не спешили снаряжать значительные военные силы к месту прорыва противника. Местные жители под руководством акритов и апелатов должны были самостоятельно отбиваться от нарушителей, полагаясь преимущественно на собственные силы и ресурсы. Акриты принимали на себя первый, обычно самый болезненный, удар: поднимали тревогу, организовывали эвакуацию гражданского населения в опорные крепости, которые, в случае прорыва врага, служили убежищами для жителей долин, и держали здесь оборону до прибытия подкрепления. Помощь в основном подходила лишь во время наступления большого войска неприятеля, и то не всегда. При

³¹¹ Источник: <https://inlnk.ru/YAPnho> Дата обращения: 09.12.2023.

³¹¹ Сугур: Нейтральная территория между Византией и Халифатом// Автор: Lion / На основании статьи академика А. Н. Тер-Гевондяна. // <http://milhistory.listbb.ru/viewtopic.php?f=24&t=321//>

этом гражданское население не просто искало убежища в пределах, окружённых стенами укреплённых городов, но и активно включалось в сопротивление. Это приводило к распылению сил неприятеля, который вынужден был разом осаждать множество укреплённых пунктов, с хорошо вооружёнными местными гарнизонами. Пожалуй, одним из первых эту тактику в войне с арабами применил Теодорос (Феодор) Рштуни в 640-х гг.³¹²

Если власти всё же высылали подкрепление, акритская пехота оставалась в крепостях и обороняла гражданское население, а лёгкая кавалерия апелатов, также известная как траπεζίται (очевидно от армянского «ընկեր» – сотрапезник, друг, дружинник)³¹³ совершала дерзкие рейды во вражеский тыл. Банды³¹⁴ трапезитов, во главе с командиром комит(ас)ом нападали на обозы, приводили в расстройство коммуникации, доставляли «языков», доносили командованию о передвижениях противника.

³¹² О Тэодоросе Рштуни подробно см.: *Տիր-Ղևոնդյան Ա. Ե. Արարիկան խալիֆայության հյուսիսային փոխարքայությունը // Востокведческий сборник, Ереван, том III, 1967. С. 162–174, Տիր-Ղևոնդյան Ա. Ե. Հայաստանի քաղաքան վիճակը արաբական առաջինարշավանքների ժամանակ, Հայ ժողովրդի պատմություն, հատ. II, Երևան, ՀՍՍՀ Գիտությունների ակադեմիայի հրատարակչություն, 1984, էջ 305–309; Шагинян А. 1) Первые нашествия арабов на Армению и ответные походы армяно-византийских отрядов (Некоторые хронологические уточнения) // Историко-филологический журнал НАН Республики Армения. 2007. № 2 (175). Ереван, 2007. С. 224–235; 2) Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти. Санкт-Петербург, 2011.*

³¹³ Подобно тому, как это было принято у запорожских казаков, трапезиты питались вскладчину, не путать с античным *τραπεζίτης* – «меняла», «банкир».

³¹⁴ Банд – кавалерийская часть во главе с комесом или комит(ас)ом. В разное время численность банда колебалась от нескольких десятков до нескольких сотен человек.

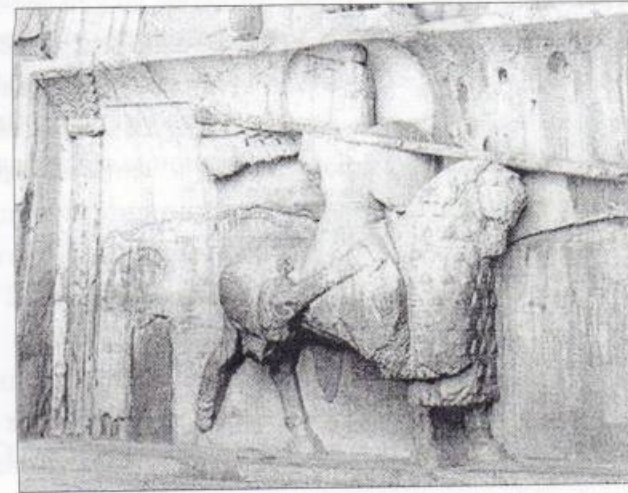
(Рыцарский) Роман об Александре. Армянская иллюстрированная рукопись XIV века. Венеция, Сан-Лаззаро, 424*

* Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/Древнеармянская_переводная_

Среди стратиотов особо выделялись акриты (ακρίτες) – пограничники, и апелаты – рейдеры, угонщики скота. Термин акрит дословно переводится как *порубежник*, он образовался от греческого ἀκρῖ/ἀκροῦ, означавшего окраину, границу, арм. Էգր³¹⁵ и был схож по смыслу с лимитанами позднеримского времени. Акриты объединялись в общины и кланы. В зависимости от международной и внутривосточной обстановки значимость акритского воинства могла возрастать или, наоборот, падать. В военное время акриты несли гарнизонную службу, верхушка акритского ополчения из средних и крупных землевладельцев составила основу тяжеловооружённой кавалерии – катафрактариев. (В действительности войска, размещённые вдоль границ империи, были смесью регулярных полевых частей и дружин местного ополчения-стратиотов, и чёткого разграничения между ними, пожалуй, не было).

Рядовые акриты в мирное время занимались земледелием, торговлей, промышляли разбоем, подражались проводниками, сопровождали караваны, знатные акриты служили доместиками, комит(ас)ами и лохагами (офицерские должности) в имперских войсках и управленцами в местной администрации. В Римской империи социальные лифты работали исправно, поэтому многие стратиоты, особенно в смутное время, могли дослужиться до высоких должностей и даже стать василевсами. Сын армянского фронтирмена, земледельца и воина из порубежной Фракии (фема Македония) Василий (Барсег), благодаря своим личным качествам совершил головокружительную карьеру от объездчика лошадей до кесаря (высший

титул в империи, после императорского) и в конце концов в результате дворцового заговора взойшёл на престол, положив основание новой династии³¹⁶.

Катафракт: Рельеф Так-е Бостан (провинция Керманшах в Иране) эпохи царства Сасанидов*

литература#cite_note-_11f3e21175b5c963-4 Дата обращения: 08.12.2023

³¹⁵ Сходство этих близких по значению слов можно объяснить их общими индоевропейскими корнями.

³¹⁶ Каждан А. П. 1) К истории византино-кавказских связей на рубеже XI и XIII вв. // ИФЖ. 1967. № 1. С. 174–176; 2) Армяне в составе господствующего класса Византийской империи XI–XIV вв. / А. П. Каждан. Ереван, 1975; 3) Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. / А. П. Каждан. Москва, 1974; Бартикян Р. М. К разгадке загадки о «славянском» происхождении основателя македонской династии Василия I // Вестник общественных наук. 1985. № 7. С. 47–54; Тер-Саакян К. Армянские императоры Византии. Т. 1. Венеция, 1905. (на арм. яз.); Toumanoff C. 1) Caucasia and Byzantium // Traditio. 27, 1971. P. 131; 2) Studies in Christian Caucasian History. Georgetown, 1963. P. 200. № 205; Աղոնց Ե. Վասիլի Հայազնի (Մեծագործ կայսր 876–886), Պատմական ուսումնասիրություններ, Փարիզ, Իրան. Ա. Ղուկասյան, 1948: էջ 495; Adontz N. Etudes arméno-byzantines, Livraria Bertrand. Lisbonne: Imprimerie IMPRESSA, 1965, 440 p. (Coll. Bibliothèque arménienne de la Fondation Calouste Gulbenkian). Pp. 347–407 (384).

* Источник: <http://surl.li/etaci> Дата обращения: 10.12.2023.

Акриты во многом были схожи со сформировавшимся спустя тысячу лет на приграничных (украинных) территориях Польши и России казачеством³¹⁷, а войны, которые вела Византия по всему периметру своей державы, вполне сопоставимы с Кавказскими войнами³¹⁸, с той разницей, что Россия на

Кавказе преследовала экспансионистские цели, а Византия традиционно оборонялась.

Солид Василия (Барсег) I*

³¹⁷ Сравнение акритов с казаками и так называемыми «русскими кавказцами» корректнее, нежели с американскими охотниками-фронтирменами. Подобно казакам или «кавказцам», акриты, при всей амбивалентности их восприятия, были привязаны к таким государствообразующим социальным институтам, как царь, армия и церковь.

³¹⁸ Адьютант Главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом князь Святополк-Мирский в 1855 г. писал о Кавказской войне: «Кавказская война не есть война обыкновенная; Кавказское войско не есть войско, делающее кампанию. Это, скорее, воинственный народ, создаваемый Россией и противопоставляемый воинственным народам Кавказа для защиты России. Такое положение дел не заведено ни кем, оно создано силою обстоятельств, после многих неудачных попыток устройства здешнего края.» (Ответ кавказского офицера на обвинения Н. Н. Муравьева. (Письмо к генерал-адъютанту К*) // Русская старина, № 11. 1872) // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Muravjev_Karskij_N_N/text3.htm (проверено 02.09.2017).

* Источник: Classical Numismatic Group, Inc. <http://www.cngcoins.com>
Дата обращения: 09.12.2023.

Акритские дружины возникали спонтанно, и неодобрительно воспринимались цареградскими властями, даже теми василевсами, которые сами вышли из акритской среды. Многие цари пытались задавить акритскую вольницу, ликвидировать самостоятельные и самоуправляющиеся народные дружины. Однако невозможность найти альтернативу местной милиции, заменить её регулярными армейскими подразделениями, а также дороговизна и ненадёжность наёмных дружин из загорья делали стратиотское войско незаменимым. Воинские контингенты, вербуемые среди варангов (норвежцы и англосаксы, Τάγμα των Βαράγγων, Βάραγγοι)³¹⁹, славян, вандалов и др., со временем, достигнув некоторой критической массы, становились напастью для империи. Всё это вынуждало василевсов вновь и вновь искать опору среди коренных жителей империи: суровых пастухов высокогорья и оседлых поселенцев из военно-земледельческого сословия разной степени зажиточности и родовитости.

Превалирующим этносом среди акритов, защищавших периметр рубежей империи были армяне³²⁰, исавры (коренной

³¹⁹ Bartusis M. C. The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1992. 438 p.; Benedikt B. S. The evolution of the Varangian regiment in the Byzantine army // Byzantinische Zeitschrift. – 1969. Vol. 62, Ausgabe 1. S. 20–24; Shepard J. The English and Byzantium: A Study of Their Role in the Byzantine Army in the Later Eleventh Century // Traditio. 1973. V. 19. P. 53–92; Pryor J. H., Jeffreys E. M. The Age of the ΔΡΟΜΩΝ: The Byzantine Navy ca. 500–1204. Brill, 2004. – 754 p.

³²⁰ Бартикян Р. М. 1) О Вардаз о Βρατζης жития св. Марии Новой и византийских патронимах Иверици и Вараци // Историко-филологический журнал. 1980. № 3. С. 244–250; 2) О византийской аристократической семье Гагарас. // Историко-филологический журнал. Ч. 1. 1987. № 3. С. 190–200; Ч. 2. 1987. № 4. С. 181–193; Ч. 3. 1988. № 1. С. 163–178; Rosser J. H. Historical Dictionary of Byzantium. 2-nd ed. Metuchen: Scarecrow Press, 2011. P. 52.

малоазийский народ – очевидно потомки хеттов, лувийцев и киликийских каперов)³²¹, мардаиты (возможно арменизированные племена мардов)³²², черкесы (касоги), эллинизированные малоазийские древние народы (пафлагонцы, вифинцы, галаты, понтийцы и каппадокийцы – два последних из перечисленных народов по сути были близкородственными этносами под разными названиями), которых современники называли ромеями или греками из-за того, что они забыли родные наречия и исповедовали халкидонизм. Эллинов в сухопутных родах войск почти не было, их, как и ливанцев, чаще можно было встретить на флоте; современники отмечают низкие боевые качества греческих воинов, их рухлость и ненадёжность. Встречались в византийской армии сирийцы и крещёные арабы, иудеи, а также наёмники авары, варанги (варяги), болгары и славяне. Преобладание армянского элемента в этой части пограничья было не случайным: восточные рубежи империи располагались на территории Западной Армении (фема Армениака, греч. Θέμα Ἀρμενιάκων, арм. Արմենիակոնի բնակավայրում, образованна в 667/668 гг., адм. центр – всё та же Амасия)³²³ и искони были заселены армянами³²⁴, которые на протяжении всей исто-

³²¹ Маргарян Е. Г. Восточносредиземноморский фронт в контексте трансформационных процессов в эпоху перехода от республики к принципату. // Сборник научных статей международной научно-практической конференции «Трансформационные процессы в эпоху Принципата. Включение Рима в осевое время». Ответственный редактор: Е. Г. Маргарян. Ер.: Издательство РАУ, 2015. С. 5–91.

³²² Подробнее об этом см.: Бартикян Р. М. Разрешение проблемы мардаитов // Вестник общественных наук АН Арм. ССР, 1983, № 2. С. 66–82.

³²³ Kazhdan A. The Oxford Dictionary of Byzantium. New York and Oxford, 1991. P. 177.

³²⁴ Арутюнова-Фиданян В. А. 1) Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. / В. А. Арутюнова-Фидан-

рии Византии так и не были грецизированы (даже та их часть, что приняла халкидонизм). Наоборот, большинство этносов, проживающих в сопредельных с Арменией Северной Сирии (Коммагена) и малоазийских странах были арменизированы. П. Харанис убеждён, что Армения была главным поставщиком воинов империи в VI–VII веках³²⁵. Ему вторит Джон Россер: «Начиная с шестого века, армяне в большом количестве эмигрировали в Византию, становясь наиболее адаптивными среди остальных этнических групп империи, в то же время, они сохраняли свою оригинальную литературу, религию и искусство. Тысячи армянских солдат служили в имперских войсках, армянами были ряд важных военачальников и гражданских администраторов, в том числе императоры Лев V, Василий I, Роман I Лакапин и Иоанн I Цимисхий»³²⁶. Это подтверждают армянские, сирийские и арабские средневековые источники.

Во время войн и вражеских набегов акриты в основном воевали автономно, не слишком полагаясь на содействие центральных властей, лишь формально согласовывая свои действия со столицей, которая жила собственными интересами, мало интересуясь делами пограничья. Столичные власти вообще редко интересовались жизнью порубежников, которых такое

нjan. – Москва, 1994; 2) Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. Ответственный редактор: академик Г. Г. Литаврин. Византия и Армения в X–XII вв.: зона контакта 380–409. СПб, 1999.

³²⁵ Charanis P. 1) Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century, *Dumbarton Oaks Papers* 13 (1959); 2) The Armenians in the Byzantine Empire, *Byzantinoslavica* № 22 (1961), Repr. Lisbon, 1963, London, 1972; 3) Observations on the Demography of the Byzantine Empire. Observations on the Demography of the Byzantine Empire. Collected Studies. With a preface by Speros Vryonis Jr., VARIORUM REPRINTS. London, 1972. P. 1–19.

³²⁶ Rosser J. H. Historical Dictionary of Byzantium. 2-nd ed. Lanham, 2011. P. 52.

положение вещей вполне устраивало. Редкие вмешательства коррумпированных цареградских властей в самоорганизованное и самостоятельное бытие фронтиров лишь раздражали жителей погранзоны своей из-за своей несвоевременности и некомпетентности.

Очевидно, что византийским императорам волей-неволей приходилось мириться с религиозным эклектизмом в приграничных областях своей империи. Хотя, время от времени, некоторые из них всё же пытались насадить греко-римскую ортодоксию среди армян, сирийцев, евреев, коптов и др., чтобы по возможности направлять процессы в нужное для себя русло. Особенно остро византийские власти осознали важность насаждения в армии официальной религиозной доктрины в период «византийской реконкисты». Императоры-воины, в большинстве своём выходцы из армянской пограничной среды: Никифор II Фока (912–965), Иоанн I Цимисхий (969–976) и Василий II Болгаробойца (ок. 958–1025) старались усилить официальную религиозную составляющую в духовном воспитании имперских воинов³²⁷.

³²⁷ Подробнее об этом см.: *Pertusi A. Tra storia e leggenda: akritai e ghazi sulla frontiera orientale di bizanzio / A. Pertusi. In: Actes du XIVe Congres International des etudes byzantines. Bucaresti, 1974. P. 238; Schlumberger G. Un empereur Byzantin au dixieme siecle Nicephore Phocas / G. Schlumberger. Paris, 1890; Кучма В. В. 1) Религиозный аспект византийской военной доктрины: истоки и эволюция / В. В. Кучма // Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. Научное издание. СПб, 2001. С. 69–84; 2) Идеологические принципы ранневизантийской военной доктрины / В. В. Кучма // Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. Научное издание. С.Пб, 2001. С. 85–100; 3) Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва» // АДСВ, УЗ Уральск. Гос. Унив. Вып. 41. Свердловск, 1965. С. 112.*

В византийской армии был введён институт капелланов. ~~Патков~~ые священники сопровождали в походах имперские войска. Среди них были и знаменитые святые, например, во время победоносного похода на Крит императора Никифора Фоку сопровождал преподобный Афанасий Афонский, устроитель общежительного монастыря на Святой горе Афон. Сам Никифор, который после смерти почитался святым на Афоне, в своей «Стратегике» отводит особое место вопросу духовно-нравственного воспитания воинов, в частности, через учреждение непреложных регулярных молитв: «Следует же командир~~у~~ заранее постановить... чтобы в лагере, в котором всё войско разместилось, во время славословия и на вечерних и на утренних молитвах армейские священники совершали усердные моления, а всё войско восклицало: “Господи, помилуй!” – вплоть до сотни раз со вниманием и страхом Божиим и со слезами; чтобы никто не отваживался в час молитвы каким-то трудом»³²⁸. Никифору Фоке вторит боголюбивый Лев VI: «Поэтому тебе, стратиг, следует прежде всего усердно и ревностно предаться служению Богу, которое воплощается в почитании и служении Его иереям и архиереям» (Epilogue, 8)³²⁹.

Традиция идейного воспитания воинства Христова была перенята ромеями скорее всего у армян, почти два столетия ведущих бесконечные войны под знаменем креста с зороастрийским Ираном, а затем с мусульманами, а также у своих врагов арабов, осуществлявших все свои завоевания под зелёным знаменем ислама. Вера, как главный идеологический фактор, ста-

³²⁸ Никифор II Фока. Стратегика. СПб., 2005. С. 38–39.

³²⁹ Лев VI Мудрый. Тактика Льва / Изд. подготовил В. В. Кучма; отв. ред. Н. Д. Барабанов. СПб, 2012. С. 341.

ла предметом обсуждения в византийских полемологических трактатах, начиная со «Стратегикона» Маврикия. Позднее, идея «христолобивого воинства», выдвинутая императором «миролюбцем» Львом VI Философом, была подхвачена военными трактатами середины X века.

Халкидонизм играл в империи государствообразующую и имперскообразующую роль. В полиэтничной Византии, где титульной нации на самом деле не существовало, самоназвание византийцев – римляне-ромей, независимо от их этнической принадлежности, было скорее идеей, сшивкой Первого и Второго Рима. Потомков античных эллинов, в том смысле, который мы сегодня вкладываем в этот термин, в Малой Азии не было даже в эпоху эллинизма. В Средние века эллинов почти не осталось и на Балканах, откуда они были вытеснены варварскими племенами, в первую очередь славянами³³⁰ и аварами, и позднее переселенцами из Малой Азии и Армянского нагорья, которых империя массами перебрасывала на Балканы, чтобы остановить натиск славян и тюрок, ибо сами эллины, как оказалось, были не способны справиться с этой нелёгкой задачей.

В самой же Азии «ромей-греки», имевшие неопределённую и многослойную этническую подоснову, оказались в крайне невыгодном положении по отношению к коренным народам, таким как сирийцы, армяне, евреи, египтяне доарабского периода³³¹ и сами арабы. Каждый из этих древних народов,

³³⁰ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. Санкт-Петербург: Алтейя, 1997. С. 69.

³³¹ «Шесть веков римско-византийского господства, – пишет О. Г. Большаков, – не уничтожили своеобразия египетской культуры. Великое прошлое на каждом шагу напоминало о себе гигантскими памятниками ар-

проживавший в Передней Азии задолго до появления здесь первых эллинов или римлян, имел сформировавшееся национальное самосознание, свою национальную конфессию или религию, и национальную культуру, основанную, что очень важно, на национальной письменности³³². Поэтому ортодоксальный халкидонизм, греческое письмо и особенно грекоязычная ортодоксальная литература стали для ромеев важнейшим идеологическим инструментом, призванным нивелировать национальные и этнические различия жителей империи, сделать всех ромеями не только формально, по факту подданства императору ромеев, но и идейно.

Особенно важно было добиться осуществления этой задачи в армии. Забегая вперёд, скажем, что имперским властям удалось её решить лишь частично. Патерналистская «халкидо-

хитектуры, с которыми мог соперничать один лишь александрийский маяк. Греческий язык официальных актов, греческие названия городов были наружным покрытием на массиве местной коптской культуры. Лишь в Александрии, да в крупных провинциальных центрах имелось значительное греческое население, подавляющая же часть египтян сохраняла свой родной коптский язык, на нем велась переписка, оформлялись сделки, велось богослужение. В быту коптского населения все города сохраняли древние названия.

Египет был одним из древнейших очагов христианства, активно участвовавших в выработке его религиозных доктрин. Египетское духовенство постоянно находилось в оппозиции к официальной церкви Константинополя, отказываясь принимать вырабатываемые ею догматы. За ожесточенными абстрактно-богословскими спорами крылась пассивная оппозиция египтян, своеобразный культурный патриотизм, который никогда не выливался в политические формы борьбы – египтяне безразлично относились к смене властей, будучи отучены тысячелетиями деспотической царской власти от активного участия в решении судеб родной страны». (Большаков О. Г. История халифата. Ислам в Аравии (570–633). Т. 1. Москва, 1989. С. 15–16).

³³² Маргарян Е. Г., Маргарян Л. Е. Армянское и готское просвещение на окраинах Римского мира. Вестник СПбГУ. История, 2023, № 2.

низация» инородцев, поступавших на госслужбу и занимающих высокое положение в обществе, проходила легко и безболезненно, особенно в столице, где пользующееся поддержкой государства халкидонитское население преобладало. Однако в восточных приграничных провинциях дело обстояло иначе, не так как виделось или хотелось видеть авторам военных трактатов, типа Льва-Философа. Оторванные от цареградских реалий, горцы упорно держались за свою идентичность и всё, что её обеспечивало: национальную церковь, язык, письменность и клановость.

3. Традиция «малой войны» в Армении и Малой Азии. Некоторые исследователи убеждены, что утверждение новой парадигмы войны в Византийской империи было обусловлено Сасанидским влиянием³³³. Безусловно, нельзя не учитывать влияния персов, точнее парфян, на выстраивание новой военной стратегии, основанной на изматывании сил противника, обескровливании его армии, с последующим выдавливанием за пределы обороняемой территории. Влияние соседнего Иранского государства на ромеев, в том числе в военной сфере, несомненно. Однако практикуемая на протяжении веков парфянской конницей стратегия скифской войны – это не та малая война, которую описывают византийские военные теоретики и которую издревле вело коренное население горных районов Малой Азии и высокогорья Армении. Парфянское конница, по сути своей кочевое войско, ставшее предтечей тюркской конницы последующих эпох. Это многочисленная конная армия предпочитала действовать на открытых, безлюд-

³³³ Дмитриев В. А. «Всадники в сверкающей броне»: Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб: Петербургское Востоковедение, 2008. С. 5.

ных и безводных пространствах³³⁴, завлекая врага в глубь своей территории, контратакуя при первой возможности и отступая. Традиции же партизанской войны в высокогорье в Малой Азии и на Армянском нагорье, кроме того, что отличались от скифской войны по своим масштабам и форме, имели гораздо более древние корни, которые уходят к временам крупных гражданско-храмовых общин эллинистической и доэллинистической эпох.

Известно, что крупные храмово-гражданские коллективы существовали в Комане Понтийской и Комане Каппадокийской, Зеле, Америи, Кабире, в области Иннакнеан (Тарон) и др. местностях Армении³³⁵, Арсамее на Нимфее (Коммагена), в Гиеротесионе на горе Немруд (Коммагена), в Иверии, Западном Иране и других странах региона. Это были крупные куль-

³³⁴ Яркий пример скифской войны – тактика Сурены в войне против Марка Красса в 53 г. до Р. Х., закончившаяся истреблением римлян в сражении у Харрана. Однако в войне против Марка Антония, в 36 г. до Р. Х., завершившейся поголовным истреблением двух римских легионов и гибелью всей осадной техники Антония, парфяне применили армянскую тактику *малой войны* в горной местности. Эту тактику, очевидно, они позаимствовали у Тиграна II и Митридата IV Евпатора, незадолго до этого (в 68 г. до Р. Х.) весьма успешно применивших эту тактику в войне против Лукулла. Тогда римляне удалось выдвинуть из Армении, нанеся им немалый урон. Венцом этой кампании стало сражение у реки Арацани, где армянские лучники обстреляли ядовитыми стрелами форсирующих реку римлян, которых на противоположном берегу ожидала тяжелая кавалерия, смявшая легионы Лукулла и заставившая их отступить. Лукулл, понеся огромные потери, под давлением напуганных воинов был вынужден вывести свою армию из Армении в Северную Месопотамию. Тигран Лукулла не преследовал, намеренно дав уйти римлянам.

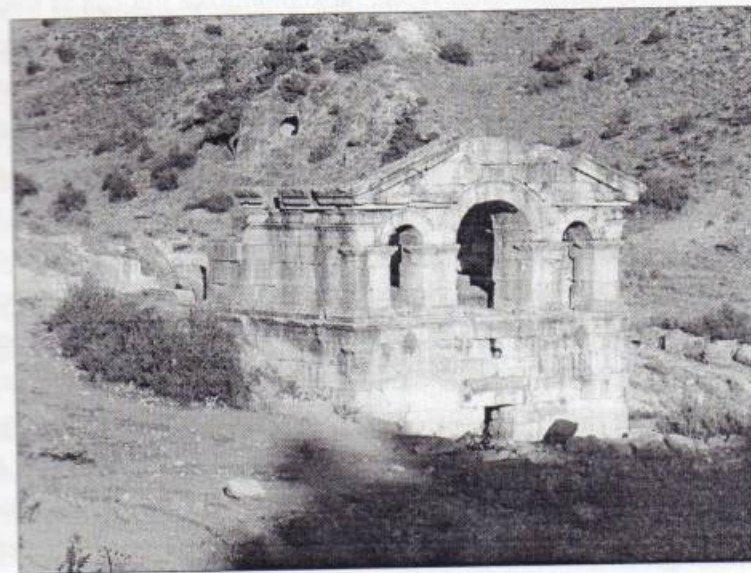
³³⁵ Маргарян Е. Г. Святые места страны Коммагены и Армения. Автореферат диссертации по истории, специальность ВАК РФ 07.00.02 Диссертации по гуманитарным наукам: <http://cheloveknauka.com/svyatilischa-strany-kommageny-i-armeniya#ixzz4pqSpVvg2>

товые центры синкретических богов (Мена, Эннио Ма, Анаит-Анахиты, Митры-Михра-Аполлона, Арамазда-Зевса, Вахагна-Веретрагны-Ареса и др.) характерных для эпохи эллинизма. Храмовые общины этих поселений имели в коллективном пользовании обширные земельные угодья, веками накапливаемые богатства и иеродулов – священных рабов, которые, как было показано в исследованиях Анаит Периханян³³⁶, лишь формально назывались рабами, на самом же деле были свободными людьми и обладали гражданскими правами и даже привилегиями. Верховные жрецы выше названных и других культовых центров были влиятельными лицами в государстве, так верховный жрец Команы Понтийской считался вторым по значимости после царя. Та же картина наблюдалась в Иверии и Армении.

Храмовые комплексы были хорошо укреплены и располагались в труднодоступных горных районах. Они контролировали караванные пути, проходящие через ущелья, собирали пошлину с купцов. Вместе с тем, храмы выполняли функции административных центров и хранилищ казны. Управление не-

³³⁶ «В период независимости – отмечает А. Периханян, – верховные жрецы являлись их ἡγεμόνες, а сами жители считались уже не подданными царей, а крестьянами (οἱ γεωργοί, οἱ λάοικοί) или воинами-земледельцами, подчинявшимися храмово-гражданской общине во главе со жрецом. Их уместно увязать с военными сельскими поселенцами в Фиатирс (Лидия) (OGIS. 211) во главе с гегемоном-стратегом (ср. приведенную выше надпись Эфеса), в Магнесии (OGIS. 229), и станет очевидно, что мы имеем дело с гражданскими и военными поселенцами в городе и хоре» (Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в до н. э. – III в. н. э.). Москва, 1959).

которыми из них вверялось жрецам из местной или пришлой знати, составлявшей государственную элиту страны³³⁷.

Развалины Команы Каппадокийской*

Характерной чертой этих храмово-гражданских объединений было наличие собственных вооружённых отрядов, возг-

³³⁷ Характерным примером такой знати может послужить род иранский Айров Мардпетов, удостоенный армянскими Ервандянами (VI–II вв. до Р. Х.) обязанности охранять все крепости с царскими сокровищами. Глава этого рода был главным придворным евнухом и пестуном наследника престола, за что и получил прозвище Айр (арм.: отец). Марды, как и все проживающие в Армении и к северу от нее вплоть до Куры этносы, были обращены Григорием Просветителем. Именно они во время арабского вторжения (VII в.) стали «медными стенами» Византии. Их император Константин переселил в Западную Армению, ослабив тем самым сирийское направление и значительно укрепив рубежи Западной Армении.

* Источник: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Sar-Comana.jpg>
Дата обращения: 09.12.2023.

лавляемых местными жрецами. Во время вражеских набегов насельники храмово-гражданской общины из окрестных сёл и деревень – так называемой *хоры*, находившихся иногда за многие километры от самих храмов, устремлялись под защиту их неприступных стен, пополняя отряды местной милиции. Анаит Периханян убеждена, что большинство обитателей этих общин были жителями царских земель типа *λαοὶ βασιλικοί*, свободные крестьяне-общинники или военные поселенцы – катойки и клерухи, обитавшие в многочисленных укреплениях и крепостях, разбросанных по хоре. Они не подчинялись непосредственно храму, а находились под командованием верховного жреца как царского наместника в округе. Как явствует из источников, немногочисленные, но хорошо вооружённые дружины клерухов и катойков проявляли себя как отважные и стойкие воины. Во время внешней угрозы анклавов храмово-гражданских общин не слишком полагались на своих царей (будь то Селевкиды или местные династы) и действовали самостоятельно, в основном партизанскими методами. Ведь греко-македонская фаланга в горах Понта, Каппадокии, Коммагены и Армении была малоэффективной. В то же время власть царя в этих общинах часто носила формальный характер, эллинистическим монархам приходилось мириться с их автономией и довольствоваться тем, что они были надёжным и недосягаемым заслоном от возможных вражеских нападений³³⁸.

Очевидно, что сформировавшаяся в этих областях фемная организация приграничных земель не была сугубо иранским

³³⁸ Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в до н. э. – III в. н. э.). Москва, 1959. С. 77–81; Бикерман Э. Государство Селевкидов. Москва, 1985. С. 80–82; Bickerman E. J., Gabba E., Smith M. Religions and politics in the Hellenistic and Roman periods. Como, 1985.

заимствованием. Она существовала в Передней Азии от века и была лишь легитимирована при императоре Ираклии (610–641). По крайней мере, в Малой Азии и Армении эта система отнюдь не была новшеством и существовала задолго до реформ Сасанидского царя Хосрова Ануширвана (531–579) и Ираклия, по меткому выражению Г. Острогорского – «изобретателя» средневековой Византии³³⁹. Точно так же и конное рыцарство, ставшее моделью всего средневекового феодального общества, не было сугубо парфянским изобретением. В означенных областях традиции конного рыцарства имели очень древнюю традицию и возникли, по крайней мере, параллельно с тем, как возникли в иранском мире. Все перечисленные военно-тактические наработки и методы ведения войны были новшеством для римлян и греков – жителей европейского Средиземноморья, но не для народов Передней Азии. Таким образом, традиции акритского воинства, стратегия и тактика ведения *малой войны* в горной местности восходит корнями в эпоху эллинизма, а возможно к гораздо более поздним временам – эпохе противостояния Хеттской державы (Малая Азия) и царства Хайаса (Западная Армения, XIV–XIII вв. до Р. Х.)³⁴⁰.

4. Акриты vs имперские власти. Несмотря на очевидную полезность и даже незаменимость акритского воинства, имперские власти далеко не всегда жаловали малоазийских и особенно армянских акритов (до создания фемной системы и фемного стратиотского ополчения в VII в., напряжение и конфлик-

³³⁹ Ostrogorski G. Geschichte des byzantinischen Staates. Munchen: Beck, 1940. S. 96.

³⁴⁰ Подробнее см.: Капанцян Г. Хайаса – колыбель армян [Электронный ресурс]: этногенез армян и их начальная история / Г. Капанцян. Ереван, 1947 (2016).

ты центральной власти, на востоке империи в основном были связаны с армянским нахараством)³⁴¹. После того как имперским властям удалось обескровить и практически устранить армянские нахарарские фамилии, их место почти сразу заняли другие, не столь древние и самодостаточные, но весьма влиятельные армянские кланы Дук, Гавров, Кекавменов, Куркуасов, Фок, Склир, Куркуасы (Гургениды), Ватацы, Вахавии, Муселе (Мушегиды), Тарониты, Катакалоны, Апокапы, Василиаки³⁴². Эти роды относились к знати, но не были потомками древних армянских нахарарских фамилий. Некоторые пытались возвести свою генеалогию к тому или иному исчезнувшему армянскому или парфянскому нахарарскому дому, однако за исключением Мамиконянов и Пахлавуни (возможно одна из

³⁴¹ Первую и весьма успешную попытку ослабить фамилии армянских «сатрапов» и нахараров осуществил Юстиниан (См.: *Адоц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя.* С. Петербург, 1908. С. 28–45. Венценосный реформатор посвятил две большие новеллы установленному им новому статусу древних армянских аристократических родов «О наследственном праве армян» и «Об армянах, чтобы они во всем следовали римским законам». В этой новелле армянам предписывается полностью отказаться от своего уклада и традиционного права, являющегося основой нахарарского строя: *«Мы желаем, чтобы на армян также полностью распространялись наши законы»*, провозглашает Юстиниан во второй из упомянутых новелл и добавляет: *«... чтобы в стране армянской также действовали хорошие законы и сделать так, чтобы они ничем не отличались от нашего государства»* и пр. В Предисловии к Новелле 21 «Об армянах и, чтобы они во всем следовали законам римлян», опубликованной 18 марта 536 г. Юстиниан с пафосом декларирует: *«Мы научили их (армян. – Е. М.) пользоваться римскими законами и правом, и повелели, чтобы они руководствовались только теми законами, которые приняты у римлян»*.

³⁴² См.: *Fischer. Trapezus im XI–XII Jahrh. Mittheil d. Inst. oester. Geschichtsforsch.* XV, II, 1889. S. 172; «Православная Энциклопедия» Москва, 2004, т. VIII. С. 214–215.

ветвей Камсараканов), все попытки крупных византийских феодалов армянского происхождения удревить генезис своих фамилий, выглядят неубедительно. Именно из этой социальной среды вышли семьи выдающихся византийских политических и военных деятелей – Нарсе, Мелиас (Млех Мленц), основатель фемы Ликанд, знаменитый Вардан Фокас, легендарный Маниул Мамиконян, Иоанн и Феофил Куркуасы, Роман Муселе, Григорий Таронит, Катакалон Кекавмен, Григорий Пакуриан (Бакурян) и многие др.

Неприязнь к акритам нередко приводила к открытой конфронтации, последствия которой оказывались негативными как для акритов, так и для самой империи, тем более что рецидивы антиакритских настроений, как правило, совпадали со сложными периодами в её истории. Пожалуй, наиболее опасным и вредным мероприятием империи против акритского воинства стала осуществлённая императором Мавриkiem (582–602) депортация коренных жителей пограничья – армян, с их исторической родины во Фракию, Северную Африку и Крым. В результате оказались оголены целые участки восточного пограничья. Чтобы закрыть бреши, империя поспешила переселить сюда акритов из других восточных областей, сделав границу уязвимой на остальных её участках, и что ещё хуже, перебросила сюда варварские воинские контингенты с других окраин империи. Безусловно перетасовывая, словно карты в колоде, коренные и пришлые народы из одного конца империи в противоположный, кроме военных целей власти преследовали также цели политические, причём политические мотивы зачастую брали верх над военными.

Крайне негативные последствия для Византии имело и насильственное переселение вглубь империи мардаитов – «мед-

ных стен» Византии. Мардаиты – древний народ неизвестного происхождения. По мнению Г. Бартияна, они были потомками племенного объединения суровых мардов – арменизированных иранцев³⁴³, принявших христианство вместе с армянами в период их проживания на востоке Армянского нагорья³⁴⁴. Как они, по образному выражению Феофана, «взошли» на горы сирийского Ливана – неизвестно. Византийские авторы этноним этой народности переводили с арамейского как «повстанцы, отступники, разбойники» (и вновь налицо сходство с российским казачеством), арабы именовали их джараджима³⁴⁵. Они имели организованное войско и являлись оплотом императорской власти в этих местах. Цари ромеев всегда опасались и недолго любили всякие полунезависимые образования, на-

³⁴³ Бартиян Г. Разрешение проблемы мардаитов // Вестник общественных наук НА НА, 1983. № 2. С. 66–82.

³⁴⁴ Территория первоначального расселения мардов на Армянском нагорье находилась на юго-востоке от оз. Ван. В армянских источниках она названа «Бун (Собственно) Мардастан». Из сообщений Страбона явствует, что после поражения Дария III, многие союзные персам племена и народы продолжали сопротивляться Александру Македонскому, среди них особо упорными оказались марды (Strabo, XI, 6, 1). Согласно Исидору Харакскому, при Фраате I (176–171) на мардов была возложена охрана горных проходов (Исидор Харакский. Парфянские стоянки. Пер. с др. греч. / Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. / Под ред. В. И. Кузищина. СПб., 2000. 608 с. С. 408–411. Из сообщения Плутарха видно, что в сражении у реки Арацани (68 до Р. Х.), где Лукулл потерпел поражение от Тиграна II Великого, мардийские легковооруженные кавалеристы сражались в первых рядах армии Тиграна (Plut. Liv. Luc. XXI. 5–6). Подробнее о мардах в Армении см.: Հանրակրթական Է. Լ. Մարդերի ցեղը Հին Հայաստանում (մ. թ. ա. V – I մ. թ. դդ.): Երևան, Պատմա-բանասիրական հանդես, №1, 1976, էջ 203–208:

³⁴⁵ См.: The Encyclopaedia of Islam, sv. Djardjma. Brill Publishers / Ed. by P. J. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel and W. P. Heinrichs. Suppl. No. 1. Ab-Djughrafiya, 1934.

селённые самостоятельными этническими группами, вдобавок придерживающиеся своих этноконфессиональных представлений. Поэтому, часто во вред себе и своей державе, синойкировали их вглубь империи, подальше от среды исконного обитания.

Согласно Феофану, после поражения у Ярмука, ромеи покинули Ливан и Сирию. Неизвестно какие территории арабам удалось бы ещё захватить, не встань у них на пути воинственные мардаиты, которые без поддержки греков, малыми силами смогли остановить продвижение врага вглубь империи. В отличие от ромеев мардаиты умело использовали преимущества горного рельефа и тактику малой войны. Боле того, время от времени, на отдельных участках фронта мардаиты переходили в прорывное контрнаступление. Применяя акритскую тактику войны, они нанесли большой урон неприятелю, чем вызвали немалое беспокойство у наместника Сирии, будущего халифа, Муавии. Тот сразу разглядел в мардаитах и акритской кавалерии Теодороса Рштуни опасность для Халифата и его завоевательной политики. Наместник был вынужден обратиться к императору Константину с предложением мира на выгодных для ромеев условиях. Напуганный успехами своих мардаитских акритов, император поспешил воспользоваться удобным случаем, дабы избавиться от них.

Феофан так описывает историю выселения мардаитов. «В сем году (л. м. 6169, р. х. 669) мардаиты взошли на Ливан и владычествовали от горы Мавра до святого града, заняв все высоты Ливана; многие рабы и туземцы к ним бежали, и в короткое время составилось их до многих тысяч. Узнав об этом Мавиас и советники его сильно испугались, видя, что царство римское Богом ограждается, и послал он послов к са-

модержцу римскому просить мира, обещаясь платить царю ежегодную дань. Царь принявши сих послов и выслушав их прошение, послал в Сирию с ними патриция Иоанна ... После многих переговоров между собою о мире, согласились письменно изложить условия его с клятвою давать ежегодно римскому государству со стороны агарян три тысячи золота, выдать восемь тысяч пленных, и благороднейших коней пятьдесят. С обеих сторон постановили хранить между римлянами и аравитянами тридцатилетний повсеместный мир»³⁴⁶.

«В сем году (л. м. 6178, Р. X. 678) Авимелех прислал посольство к царю Юстиниану о подтверждении мира, который и утверждён на сих условиях: что царь отвел с Ливана отряды мардаитов и прекратил бы набеги их; Авимелех же будет давать римлянам на день по тысяче монет, по лошади и по одному рабу... Царь вследствие того отозвал с Ливана 12 тысяч мардаитов и чрез то ослабил силу римскую: ибо все города занимаемые аравитянами по вершинам гор от Мансуеды до четвёртой Армении были бессильны и не обитаемы от набегов мардаитов; а когда их отозвали, то римское государство начало терпеть ужасные бедствия от аравитян и поныне терпит».

Таким же недалёким было решение о ликвидации союзного Византии государственного образования Джабийя в Восточной Палестине (Иордании). В европейской науке это небольшое царство также известно как государство Хассанидов³⁴⁷.

³⁴⁶ *Феофан Исповедник*. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта (пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского) Москва, 1984. С.19.

³⁴⁷ *Shahid I. A.* Byzantium and the Arabs in the Sixth Century, Vol. 1, Part 1 and Part 2. Washington (D.C.); Dumbarton Oaks Research Library and

Хассаниды (Гассаниды) были истыми христианами и относились к Сирийской церкви. Они держали под своим контролем все арабские племена и мелкие царства. В 529 г. Юстиниан объявил Хариса ибн Саалбу правителем Сирии, с титулом царя для арабов и титулом патрикия для византийцев. Хассаниды целенаправленно распространяли близкую и понятную среди арабов сирийскую версию христианства. Не помешай им Византия, монофизитство продолжило бы распространяться дальше на юг, охватив весь арабский мир. Однако в 585 г. Маврикий, скорее всего под вымышленным предлогом, обвинил царя арабов Мундара ибн-Харита в измене и ликвидировал Государство Хассанидов. Распространение христианства среди арабов прекратилось, что создало благоприятные условия для зарождения ислама и Арабского халифата.

Хассаниды не замыслили мятежа против империи. Это подтверждается тем, что пророк Мухаммад не раз направлял посольства к низвергнутым Хассанидам³⁴⁸, предлагая самые высокие должности, какие возможно, если те перейдут на сторону братьев по крови и помогут в войне со злокозненными ромеями, известными вероломством и неблагодарностью, но тогда Хасаниды отказались помогать мусульманам. Византийцы же после небольшой победы в случайной стычке над арабским конным отрядом, решили, что со стороны Аравии им ничего не угрожает³⁴⁹, ибо ещё недавно разгромившая Сасанидов империя сильна, как никогда. Поэтому цареградские чиновни-

Collection, 1995; *Zahran Y.* Ghassan Resurrected. London; Stacey International Publishers, 2007.

³⁴⁸ *Кривов М. В.* Последние Гассаниды между Византией Халифатом // Византийский временник 1981. № 42. Москва, 1981. С. 155–156.

³⁴⁹ Там же. С. 156.

ки прекратили выплату дотаций своим союзникам – арабским федератам. Это стало последней каплей, христиане-арабы массово стали переходить в ислам. Даже прежде верой и правдой служивший Византии наместник Фарва ибн-Амир из племени Джаза отказался от христианства и стал приверженцем Мухаммада. Разъярённые византийцы схватили Фарву, пытали, чтобы заставить отречься от новой веры, но тот не отступил и принял мученическую смерть, будучи распятым на кресте. Примечательно, что ромеи обещали Фарве восстановить арабское царство и сделать его правителем всех арабов, но Фарва больше не верил лживым обещаниям византийцев, и остался верен пророку и его учению. Последними его словами были: *«Сообщаи вождю мусульман, // что я готов жертвовать собою // Ради Аллаха и отдать всё, что у меня есть»*³⁵⁰. Конечно стойкость Фарвы, даже под пытками не отрёкшегося от новой веры, не может быть объяснена только очередным разочарованием в имперских властях, очевидно искренние проповеди адептов новой религии глубоко затронули души простосердечных арабов и отвратили их от ромеев.

Исповедническая смерть Фарвы видимо всё же отрезвила византийцев. В 629/630 г., ввиду мусульманской угрозы, и стараясь приостановить отпадение и массовый переход в Ислам подвластных ему арабов, Ираклий пошёл на уступки арабской знати и восстановил пограничное арабское царство во главе с

³⁵⁰ Хишам. Абд аль-Малик ибн. Жизнеописание пророка Мухаммада. Рассказанное со слов аль-Баккаи, со слов Ибн Исхака аль-Мутталиба (первая половина VIII века). Перевод с арабского Я. А. Гайнуллина. Москва: Издательский дом «УММА», 2003. С. 582–583.

Джабалом³⁵¹, которое в свою очередь признало вассальную зависимость от императора³⁵². Однако восстановление ромеями государства Хассанидов было запоздалой мерой. Джабал был провозглашён царём в 631/632 г., ему необходимо было время для восстановления государственного аппарата, дипломатических манёвров с соседними арабскими князьями, сбора и обучения войска. Но времени у него не было. Уже в 634–635 гг. большая часть его царства была занята арабами³⁵³ и большая часть арабов, некогда сражавшаяся на стороне Византии, перешла на сторону её врагов. И всё же армия Джабала приняла участие в битве у Ярмука. Последователи Мухаммеда направили основной удар на своих соотечественников-христиан, которые, не выдержав яростного натиска мусульман, обратились в бегство. Мусульмане не брали в плен арабов-христиан. Ираклий и его надменные царедворцы своими бездумными действиями сами ослабили империю и передали Сирию в руки врагов.

Ещё более тяжёлые последствия имела упразднение армянских царств в Восточной Армении, переселение высоко развитого оседлого населения в восточные области Византии,

³⁵¹ Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. Москва, 1964. С. 213–214.

³⁵² Одновременно ромеи признали полунезависимое положение Византийской Армении, назначив, по требованию армянских нахараров, правителем страны (639) представителя древней аристократической фамилии, талантливый полководец и прозорливый политический деятель Теодороса (Феодор) Рштуни. (Whittow M. The Making of Byzantium, 600–1025, University of California Press, 1996. P. 209).

Примечательно, что в канун арабского вторжения с армянскими нахарарами начали заигрывать и Сасаниды, остро нуждающиеся в помощи армянских катафрактов.

³⁵³ Кривов М. В. Указ. соч. С. 156.

совершённое Василием Болгаробойцей и Константином Мономахом как раз в преддверии сельджукского нашествия. (Императоры словно намеренно расчищали жизненное пространство для прихода тюрок). Взамен выселенных армян ромей пытались заселить земли Западной Армении инородцами из других окраин империи, дабы разбавить преимущественно армянский контингент акритских дружин. Однако неоднократные попытки византийских императоров заселить Западную Армению особого успеха не имели. Чужаки, переведенцы из других районов империи и заморских стран – авары, саксы, норманны, болгары, славяне и пр., здесь надолго не задерживались, слишком сурова и опасна была жизнь в высокогорных пограничных крепостях. Не имея тяги или навыков к земледелию, тем более в условиях высокогорья, они при первом удобном случае покидали пожалованные им земли и уходили восвояси, остальные растворялись среди местного населения. В то же время, любая удавшаяся синойкия, приводила к арменизации, а не эллинизации инородцев. Прежде всего, это относится к отличным воинам – исаврам и мардаитам, которым византийские чиновники доверяли менее всего. Исавры и мардаиты более остальных были близки армянам по духу и вере, и вдобавок не слишком жаловали имперские власти (особенно после их насильственной депортации со своей родины)³⁵⁴.

³⁵⁴ То же самое происходило в середине XIX в. на Кавказе. Почти всю жизнь провевавшие на Кавказе русские войска по форме, вооружению, быту и тактике разительно отличались от регулярной армии Российской империи. Это очень хорошо подметил Лев Толстой, сам участник фронтальных процессов на Кавказе, в своей повести «Казачьи»: «Живя между чеченцами, казаки переродились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там, во всей прежней чистоте, русский язык и старую веру... ещё до сих пор казачьи роды считаются родством с

Иллюстрация из хроники Иоанна Скилицы. XII век Фракиянка, убивающая варанга (согласно тексту хроники, она сразила его мечом) и его спутники вручающие ей имущество убитого*

Немудрено, что цареградская администрация стремилась заменить акритские дружины из местных жителей на имперскую полевую армию или хотя бы на отряды чужаков – так называемых прониаров. Армянские и малоазийские стратиоты, будучи опытными и суровыми вояками, отлично защищали границы своего края, но не горели желанием воевать за царя на дальних рубежах империи и не желали становиться орудием в борьбе за власть в руках цареградских вельмож (даже армянс-

чеченскими, и любовь к свободе, праздности, грабежу и войне составляют главные черты их характера... Казак, по влечению, менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу, но который закурил табаком его хату. Он уважает врага-горца, но презирает чужого для него и угнетателя солдата. Собственно русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо, которого образчик он видит в заходящих торговцах и переселенцах малороссиянах, которых казаки презрительно называют шаповалами. Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу. Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодец-казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски» (Толстой Л. Н. Казаки. Москва, 1936. С. 15–16).

* Источник: <http://surl.li/euijf> Дата обращения: 09.12.2023.

кого или исаврийского происхождения). Очередная акция императоров по переселению акритских дружин, иногда без семей, в дальние края, становилась поводом для бесконечных волнений и мятежей. Армянские акриты не считали себя наёмниками, и мотивированно воевали (пусть и вдали от родины, например, в битве у реки Ярмук) только когда империи, а значит и их дому, угрожала реальная опасность. По призыву армянские стратиоты сражались добросовестно с варварами и другими внешними врагами³⁵⁵, но воевать по прихоти очередной дворцовой клики, ради непонятной политической конъюнктуры, было не в их привычке. В «Истории Себеоса» имеется примечательное сообщение: *«В это время (годы правления императора Маврикия, Е. М.) оставшиеся на родине армянские нахарары стали снова объединяться и задумали отказаться от служения греческому царю и (вознамерились, Е. М.) посадить своего царя, чтобы им не пришлось умереть в стране*

³⁵⁵ Прокопий Кесарийский упоминает многих армян, персов (очевидно парфян), пафлагонцев, каппадокийцев и сирийцев, сражающихся на западных рубежах империи. Одним из них был некий Анцала, прославившийся во время войны императора Юстиниана с готами: *«После этого храбрый воин по имени Кокас, выехал галопом из готского войска, близко подъехал к римской боевой линии и крикнул, не хочет ли кто-нибудь выйти на единоборство с ним. Этот Кокас был одним из тех римских солдат, которые раньше перебежали на сторону готов к Тотиле. Тотчас же выступил против него один из форифоров Нарсеса, армянин по имени Анцала (в переводе С. П. Кондратьева Анцала недобросовестно назван римлянином, и таких произвольных вмешательств в переводимый текст у российских византинистов встречается немало), также верхом на коне. Кокас первый ринулся на своего противника, держа свое копьё наперевес и целясь им в живот, но Анцала быстро повернул своего коня, так чтобы избежать удара. Очутившись, таким образом, сбоку от своего противника, он вонзил ему копьё в правый бок. Тогда тот упал с коня замертво на землю, что вызвало со стороны римлян громкий крик».* (Война с готами. Т. 2, 51).

фракийцев, а жить и умереть за свою родину» (XVIII). Недовольство армянской знати и рядовых воинов усугублялось тем, что сами греки, будучи в каком-то смысле титульной нацией, отнюдь не горели желанием воевать против внешних врагов империи, предпочитая заниматься более безопасными видами деятельности в тылу.

Так или иначе, акритская вольница постоянно порождала мятежи, ереси, иконоборческие движения и потому раздражала Константинопольский двор (в этом также можно усмотреть безусловное сходство акритов с российским казачеством). Императоры, вполне резонно, видели в акритской вольнице угрозу не только самим устоям централизованного государства, но и своей личной власти. Ведь большинство узурпаторов трона были выходцами из армянской пограничной среды (хотя чаще всего узурпаторы были не из самой Армении, оторвав вооружённых людей от корневой системы, императоры автоматически превращали оседлых стратиотов в авантюристов без рода и племени, ищущих богатство и славу везде, где только возможно: у каждой медали есть обратная сторона).

Негативно воспринимались акриты и мещанским сословием империи, в том числе константинопольскими армянами. Акриты и апелаты позиционировались как носители антигосударственного, безнарядного начала, стремящиеся к общинному укладу или феодально-республиканскому управлению. В глазах византийских книжников только монархические порядки были естественными и законными, тогда как республиканизм, и вообще любая самостийность, представлялась дьявольской прелестью. Временами цареградские василевсы и вельможи пытались обуздать акритов, сделать их «ручными», с помощью подкупа или других ухищрений, но не особо в этом деле

преуспели. Так, автор приписываемого императору Никифору II Фоке сочинения «О боевом сопровождении» сетует: «В пограничных армянских фемах, с учетом того, что армяне несут сторожевую службу неисправно и ненадежно... Следует отобрать и взять на учет пригодных людей, которые должны получать оплату из средств армии... Но поскольку и они, будучи армянами, даже при условии вознаграждения и оплаты анноны исполняют сторожевую службу неисправно...»³⁵⁶ (Ἐν δὲ ταῖς ἄκραις τῶν ἀρμενικῶν θεμάτων, ἐπεὶ οἱ Ἀρμένιοι οὐ καλῶς οὐδὲ ἀσφαλῶς τὴν τῶν βιγλῶν ἐκτελοῦσι δουλείαν, ὀφειλόμενόν ἐστι φυλάττεσθαι τὸν ἀπὸ παλαιοῦ κρατήσαντα τύπον ἐν ταῖς βίγλαις τῶν Ἀρμενίων, καὶ ἀνθρώπους ἐπιλέγεσθαι καὶ ἀπογράφεσθαι ἐπιτηδείους, λαμβάνοντας μισθὸν ἀπὸ τοῦ στρατοῦ ἐπισωρευόμενον, ὑπὲρ ὧν ὁ τοιοῦτος στρατὸς τῇ τῶν βιγλῶν λειτουργίᾳ ὑπηρετεῖν ὀφείλει, ὡσαύτως καὶ ἀννῶναν ἐκάστῳ μῆνι τὴν τετυπωμένην, καὶ ὑπαλλάττειν αὐτοὺς καθ' ἕκαστον μῆνα καὶ δι' αὐτῶν τὰς ὁδοὺς, ἐν αἷς οἱ πολέμιοι ἐξέρχονται, φυλάττειν ἀσφαλῶς. Ἀλλ' ἐπεὶ οὐδὲ αὐτοὶ οἱ μετὰ μισθοῦ καὶ ἀννῶνας, Ἀρμένιοι ὄντες, καλῶς τῇ τῶν βιγλῶν ὑπηρετοῦσι δουλείᾳ, ἀπὸ τῶν ἀποστελλομένων κατασκόπων χρῆ τὰς κινήσεις τῶν φοσσάτων ἀναμανθάνειν, καὶ τραπεζίτας ἐπιλέγεσθαι γενναίους καὶ ἀνδρείους, οὓς οἱ Ἀρμένιοι τασιναρίου καλοῦσι, ... καὶ εἴ που δυνηθῶσί τινας κατασχεῖν τῶν πολεμίων καὶ πρὸς τὸν τὴν ἀρχὴν διέποντα στρατηγὸν ἀποκομίζειν, ὅπως δι' αὐτῶν τὰς τῶν ἐχθρῶν κινήσεις καὶ βουλάς ἀναμανθάνῃ). Дело в том, что порубежники-армяне служили по обе стороны границы, некоторые приходились родственниками друг другу. Армянские купцы и особен-

³⁵⁶ Никифор II Фока. Стратегика. Пер. со среднегреч. и комм. А. К. Невфёдкина. СПб., 2005. С. 7.

но розничные торговцы ездили через погранзаставы словно к себе домой, нигде не встречая препятствий со стороны акритов и апелатов, которые в основном приходились им родичами или кунаками. Местные жители, по обе стороны границ, знали друг друга в лицо и не испытывали враждебных чувств по отношению друг к другу. Однако всё это вызывало недоверие и опасение со стороны ромеев, которых раздражали как сами акриты, так и установленные ими на границе порядки. Акриты испытывали к ромеям те же чувства. Любые попытки откомандированных из столицы чиновников «навести порядок» и обуздать акритскую вольницу проваливались на корню.

И все же власти периодически повторяли свои попытки переформатировать на имперский лад восточные и южные фемы, что не могло не сказаться на обороноспособности погранчастей. Перекройка акритских воинских контингентов осуществлялась через их «бюрократизацию» и вовлечение в полевую имперскую армию, пропаганду муштры в духе древней римской *exercitus*. Всё это негативно отражалось на самостоятельности командиров и бойцов, подавляло военную инициативу. Специфика непрекращающейся пограничной войны исключала безропотную формальную дисциплину – на этой войне с большей долей вероятности выживал самостоятельный, инициативный воин. Акритские офицеры постоянно должны были решать сложные тактические задачи, без оглядки на константинопольские военные и бюрократические структуры. «Английский историк Дж. Б. Бьюри говорит, что вечная борьба с сарацинами на Востоке выработала новый тип воина, каваллария (καβαλλάριος), то есть конника, рыцаря (*ritter* – конник, всадник), «сердце которого стремилось к приключениям и ко-

торый привык действовать независимо от приказаний императора или военного начальства...»³⁵⁷.

Однако главной причиной того, что имперские власти мирились с существованием акритской вольности и откладывали мероприятия по превращению акритских дружин в полевую армию, были трудности материального характера. Содержание даже малочисленных регулярных частей, так называемых *comitatenses*, тяжёлым бременем ложилось на имперскую казну. Дигенис иронично замечает царю ромеев, собирающемуся посетить его на Евфрате. *«И без того на воинов ты тратишься безмерно»* (IV, 1031). В отличие от константинопольских *comitatenses* стратиотские части содержали себя сами, как за счёт мирного труда, так и рейдерскими набегами на земли противника.

Однако в X–XI вв. византийские власти всё же перешли в наступление на акритское воинство. Возможно одной из причин нежелания иметь армию из местных стратиотов стала растущая феодализация державы, что привело к усилению роли армянской и малоазийской знати в армии и госаппарате. Реакцией на нежелание столичной вельможной бюрократии потесниться стали мощнейшие восстания Варды Склира и Варды Фоки. Возможно многих пугала перспектива оказаться в положении Восточной Армении, которая при последних Багратидах, несмотря на огромный потенциал, ослабла, чему виной была раздробленность и своеволие провинциальной знати.

Ослабление многих из традиционных врагов Византии³⁵⁸ и успехи во внешней политике, достигнутые в годы правления

³⁵⁷ Васильев А. А. Византийский феодализм. Из книги История Византийской империи. Т. 2. СПб.: Алетейя, 1998. С. 116.

Македонской династии, создали у столичной элиты иллюзию несокрушимости Византийской империи. Появилась уверенность, что самой Византии отныне ничего не угрожает, впрямь она будет угрозой для всех, потому ей больше не нужны силы теробороны, создающие к тому же столько хлопот на местах. Пора менять военную доктрину империи, которая должна стать подлинной наследницей Рима и светочем православия. Трудно не согласиться с Анри Грегуаром, считавшим, что, достигнув апогея своего величия при Василии II, Византия прониклась сознанием собственного превосходства и стала излишне беспечной. Поэтому уже при Василии II византийские власти вернулись к старой идее о том, что империи целесообразнее опираться на наёмных варваров (тем более что «материал» для комплектования наёмных дружин, в эту эпоху, был в избытке), чем содержать туземные вооружённые силы³⁵⁹. Даже такие выдающиеся мастера акритской тактики ведения войны, как Фоки иногда выказывали желание от неё отказаться. Так, в вводной части трактата *«De velitatione bellica»* говорится: *«Хотя способ делать сшибки с неприятелями почти совершенно нам не нужен для стран восточных в нынешнее время, когда истинный Бог наш Христос ослабил могущество и силу и прекратил набеги врагов наших, потомков Измаила: однако мы долгом почли предашь его потомству во первых для того, чтобы от времени он не пришёл в неизвестность и забвение и чрез то не истребилась польза его, во-вторых для того, что-*

³⁵⁸ Многие варварские народы осели; их элиты, подражая Византии, начали собственное государственное строительство, приняли православие и пр.

³⁵⁹ Левченко М. В. А. Грегуар и его работы по византиноведению // Византийский временник. Москва, 1950. Том III (28). С. 233.

бы, в случае нужды, или когда время будет требовать, он мог быть надёжным, так сказать, помощником Христианам, всему государству нашему и употребляющим его полководцам» (Предисловие)³⁶⁰.

При защите границ империи от наёмников немного толку, но зато с их помощью можно покорять соседние страны, проводить карательные операции, принуждать к повиновению сателлитов и держать в страхе собственных подданных, особенно восточных сатрапов. Конечно, в мирное время содержание «кондотьеров» обходится казне недёшево, но, как известно, во время войны наёмные части себя окупают с лихвой. Отсюда закономерный вывод – лучше воевать на чужой территории, а не на своей.

Изменение военной доктрины повлекло за собой модификацию оборонной структуры империи, особенно на востоке, где было уменьшено количество фем, а войска были организованы в пяти больших региональных командах, разделённых по тагам. При Комнинах акритские дружины были окончательно распущены. Вместо военной службы правительство предпочитало поднимать налоги, за счёт которых вербовало заморских наёмников (варангов, славян и англосаксов, половцев и пр.), тем самым увеличивая нагрузку на экономику и отучая местное население воевать и защищать свои дома. Вениамин из Тудели, еврей-путешественник, посетивший в те годы Константинополь, так характеризует армию ромеев: «Для войны с турецким султаном они [греки] нанимают людей из различных

³⁶⁰ Аноним. О сшибках с неприятелями сочинение государя Никифора. История Льва Дякона Калойского и другие сочинения византийских писателей. СПб.: Типография ИАН, 1820. С. 113–163 <http://www.xlegio.ru/sources/de-velitatione-bellica/>

народов, так как у них нет военного мужества: они подобны женщинам, у которых отсутствует сила военного сопротивления»³⁶¹. Император, Мануил I Комнин, в большом количестве нанимавший в свою армию западных рыцарей³⁶², сравнивал их со «стальными котлами», в противовес грекам, которых называл «глиняными горшками».

Наёмники, подобно древнеримским преторианцам, стали вершить судьбы империи. Они с удовольствием вмешивались во внутреннюю жизнь столичной знати, принимали участие в заговорах и дворцовых переворотах. Однако, чтобы отстаивать интересы подкупивших их политических группировок и влиять на жизнь страны, им необходимо было постоянно находиться в столице. Потому варанги³⁶³, саксы и славяне отнюдь

³⁶¹ Сборник документов по социально-политической истории Византии / Отв. ред. акад. Е. А. Косминский. Москва, 1951. С. 214.

³⁶² В византийской армии даже была должность *великого коностабла* – начальника латинских наемников (очевидно от франкского *коннетабль* (*cuenstables*), в киликийской армянской традиции *գնդախաչ* – должность, соответствующая *спаранету* в раннесредневековой армянской традиции). Известным *коностаблом* был Михаил Кабалларий (греч. Μιχαήλ Καβαλλάριος). Вместе с великим стратопедархом Иоанном Синадином он возглавил византийскую армию против правителя Фессалии Иоанна I Дуки, но потерпел поражение в битве при Фарсале и вскоре скончался от ран.

«...Предпочтение, отдаваемое Мануилом Западу, – пишет русский византист А. А. Васильев, – чуждому Византии и в те времена ещё не могшему равняться с культурой византийской, точно так же принесло пагубные плоды для государства. Принимая с распростертыми объятиями иностранцев и раздавая им наиболее ответственные и выгодные места, он возбуждал столь сильное негодование среди подданных, что можно было ожидать при первом удобном случае кровавых столкновений» (Васильев А. А. Внешняя политика Мануила I и второй Крестовый поход // Глава 6. История Византийской империи. Т. 2).

³⁶³ Gravett C. and Nicolle D. The Normans: Warrior Knights and their Castles. Osprey Publishing: Oxford, 2006.

не горели желанием нести службу на восточной границе, где бы им пришлось воевать с реальными врагами империи, что считалось делом неприбыльным и опасным.

Мануил усугубил положение, присовокупив к общей казне налоговые сборы, ассигнованные для содержания армии. Армейские деньги были растворены среди других статей расходов, отнюдь не первостепенных. Всеместная коррупция и придворные излишества поглощали средства, предназначенные для армии. Невыплаты за военную службу становились поводом для бунтов наёмников и разных категорий служилых людей. Чтобы выправить положение Мануил вынужденно ввёл прониарскую систему содержания войска, напомиравшую европейскую систему бенефиций. Чтобы выдать из столицы каверзных сановников и командиров наземных отрядов со своими головорезами, постоянно требовавшими плату ни за что, Мануил стал жаловать им восточные территории³⁶⁴. Часть исследователей выдвигает не очень убедительную версию о том, что прониарские дружины раннепалеологического периода – это возрождённое стратиотское ополчение, другие с этим не согласны³⁶⁵. Об истинном положении вещей можно судить по сообщению Никиты Хониата, который с досадой писал о наёмниках и прониарах Мануила и способах их рекрутирова-

³⁶⁴ Kazhdan A. P., Epstein A. W. *Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries*. Berkeley - Los Angeles - London 1985. P. 172.

³⁶⁵ Золотовский В. А. 1) Прония в военной организации Византии раннепалеологовского времени // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2015. № 3 (33) С. 100–115; 2) Прония в военной организации Византии раннепалеологовского времени. Часть 2 // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/proniya-v-voennoy-organizatsii-vizantii-rannepaleologovskogo-vremeni-chast-2> (дата обращения: 04.08. 2017).

ния и гипотрофированного довольствия: «У ромеев принято за правило... давать на содержание солдатам жалование и делать им частые смотры... Но этот царь все деньги, какие должны были идти на содержание солдат, собирал к себе в казнохранилища, как воду в пруд, а жажду войск утолял так называемыми даровыми приношениями обывателей, воспользовавшись делом, придуманным прежними царями и только изредка допускавшимися для солдат, которые часто разбивали врагов. Через это он, сам того не замечая, и ослабил войско, и перевёл бездну денег в праздные утробы, и привёл в дурное положение ромейские провинции. При таком порядке вещей лучшие воины утратили соревнование в опасности, так как то, что побуждало их выказывать воинскую доблесть, не было уже, как прежде, чем-то особенным... а сделалось доступным для всех. И жители провинций, которые прежде имели дело с одним лишь государственным казначейством, терпели величайшие притеснения от ненасытной жадности солдат, которые не только отнимали у них серебро и оболы, но и снимали последнюю рубашку...»³⁶⁶.

И всё же вопреки недалёковидной политике (в канун сражения у Маназкерта, Роман IV Диоген вздумал понуждать армян перейти в халкидонизм), проводимой империей по отношению к акритам, они оставались главными защитниками её границ. Когда грянула беда и империя вновь зашаталась, не наёмники или вельможные прониары отчаянно дрались с турками и сарацинами на границе империи. Очаги сопротивления

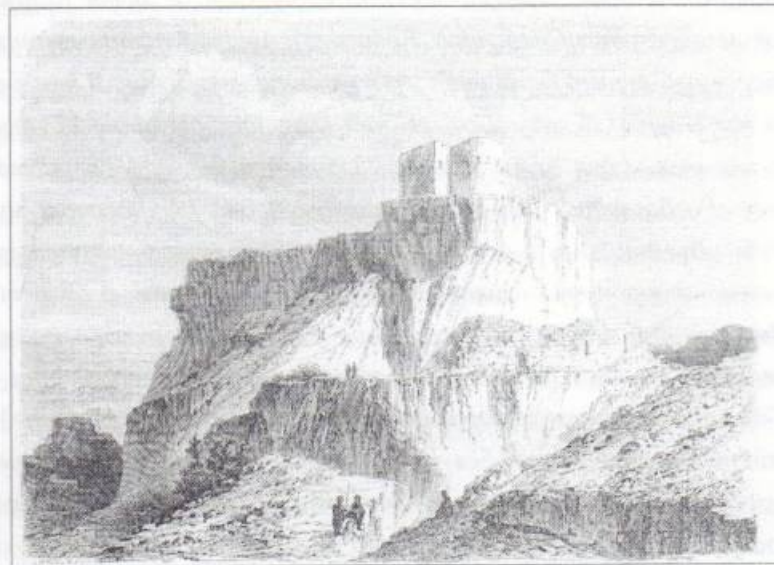
³⁶⁶ Никита Хониат. Никиты Хониата история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина / Пер. под ред. В. И. Долоцкого (1 т.) и И. В. Чельцова: 2 т. // ВИПДА. СПб., 1860–1862. Т. I, с. 269 сл. // http://www.hist.msu.ru/ER/Text/Xoniat/1_2.htm

кочевникам в Малой Азии и Западной Армении почти всегда формировались вокруг древних городов и поселений, и всегда из коренного населения. Даже после поражения Романа Диогена у Маназкерта (Манавазкерт) в 1071 г., лишившись какой-либо поддержки из столицы, акриты не переставали сражаться с врагом, оставаясь верным щитом империи (но уже расщеплённым и надломленным). В то время как акриты в одиночку, отчаянно сопротивлялись кочевникам, в столице империи царил упадок и разброд. Михаил Сириец так повествует об этом времени: *«Побеждённые тюрками, греки более никогда не могли противостоять им. Страх завладел императором Михаилом, который начал править в 1071 г. Он прислушивался к трусливым и изнеженным советникам и пребывал во внутренних покоях своего царского дворца, не выступал против тюрков. Он вновь послал собрать часть народа, пребывавшего в Понте, и переправить их по ту сторону моря. Крепости и города, которые охраняли греки, пребывали в страхе и опасности...»* (Глава IV).

Изолированность и потеря связи с центром, хаос в столице, неизбежно должны были привести к тому, что некогда приграничные административные единицы империи, так называемые армянские или акритские фемы, стали превращаться в самостоятельные государственные образования под властью армянских династий³⁶⁷. Среди них следует выделить княжества доместика Востока, севаста и августи Филартоса (Филарет) Варажнуни, Гоха Василя, Киликийских Рубенидов, создавших в

³⁶⁷ Dédéyan G. 1) Mleh le Grand, stratège de Lycandos. // Revue des études arméniennes, 15, 1981. Pp. 73–102; 2) Les Arméniens sur la frontière sud-orientale de Byzance, fin IXe–fin XIe siècles. // La Frontière. Séminaire de recherche. Lyon, 1993. Pp. 67–85.

Киликии самостоятельное государство³⁶⁸, княжество Ошинидов, сохранявших верность Византии до тех пор, пока Рубениды не лишили их родового имени – неприступной крепости Ламброн и мн. др.

Вид на замок Ламброн, XIX век. Произведение Виктора Ланглуа*

Принадлежащий к древнему армянскому роду Вахавиев (Ваграмидов), Филарет малыми силами, значительно уступающими вражеской армии, в локальных сражениях нанёс сельджукам несколько ощутимых поражений, что дало ему возмож-

³⁶⁸ Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства. Ереван: Издательства АН Армянской ССР, 1952.

* Источник: Victor Langlois. Voyage dans la Cilicie. La route de Tarse en Cappadoce", Revue archéologique XXVI. Paris: B. Duprat, 1861.

ность в приевфратской контактной зоне³⁶⁹, на родине Дигениса Акрита и павликианских военачальников Карбеаса (Карпета) и Хресохира, воссоздать фактически независимое армянское государство. Вот что пишет о возвышении Филарета Михаил Сириец: «Тюркский эмир Данишменд вторгся в область Каппадокии и подчинил Севастию, Кесарию и другие места северной области. От него берёт начало род Данишмендидов. В то время как начали появляться все эти владения, внезапно объявилось в тех краях новое владение, которое быстро разрасталось. Разбойники³⁷⁰ из армян, числом около пятидесяти мужей, объединились и создали отряд. Воспользовавшись вторжением тюрков, они выступили и занялись разбоем. В области Мар'аша они встретили молодого мужа Филарета, тоже армянина... Он был сильным, коварным, дерзким в разорении и убийстве, и они взяли его с собой. Он стал их главой. А когда эти области остались без глав, эти армяне разоряли их одновременно с тюрками. Затем Филарет захватил одну из крепостей в области Киликии. Около него собралось большое количество армян, и он продолжал захват других укрепленных мест (крепостей) Киликии. Прослышав об этом, император греков отправил ему подарки. Тогда Филарет направился в Константинополь, и греки были рады этому. Они преподнесли ему золотое оружие и провозгласили его августом. Затем он отправился и утвердился над Тарсом и Мопсуестией, захватил Мар'аш, Кишум, Ра'бан, Эдессу, Аназарбу и вступил в Антиохию. Он укрепился и проник в области Джихада и Мелитены. Обладая численным перевесом, он совместно с греческим

³⁶⁹ Finlay G. History of the Byzantine and Greek Empires from 1057–1453. Volume 2. Edinburgh: William Blackwood & Sons, 1854.

³⁷⁰ Имеются в виду апелаты.

войском³⁷¹ боролся против тюрков. Но не сумел /долго/ противостоять им и поэтому оставил, презренный, своё вероисповедание, ушёл в Багдад, затем – в Хорасан и стал мусульманином³⁷². Он получил от халифа и султана тюрков грамоты, по которым ему были пожалованы те места, которые он захватил. Когда же он возвратился, то увидел, что тюрки возобладели над большинством областей, в том числе над теми, что он владел... Он отправился в Мар'аш, где и скончался...

Этот Филарет передал Мелитену под управление Тороса... После него был армянин Хареб, затем – Баласиан, а позже – Габриел, при котором Бузан захватил её (Мелитену)³⁷³.

Как видим, для написания образа этого выдающегося военного и политического деятеля сирийские и даже армянские авторы не жалели чёрной краски³⁷⁴. Причиной всему его вероотступничество. Однако перехода Филарета в ислам был продиктован исключительно политическими целями, он рассчитывал на то, что после того как выйдет из формального подчинения Константинопольским властям и признает вассальную зависимость султана, турки оставят в покое его государст-

³⁷¹ Филарету в помощь из Царьграда была прислана 8 тысячная франкская дружина.

³⁷² Филарет уже раз изменял вере отцов, приняв греческое исповедание, теперь же принять веру тех, против кого он воевал уже целое десятилетие, было проще.

³⁷³ Из хроники Михаила Сирийца. (Статья первая). Письменные памятники Востока, 1973. Москва, 1979.

³⁷⁴ Dadoyan S. B. The Armenians in the Medieval Islamic World: Armenian Realpolitik in the Islamic World and Diverging Paradigms: Case of Cilicia Eleventh to Fourteenth Centuries. New Brunswick, 2013; Gravett C. and Nicolle D. The Normans: Warrior Knights and their Castles. Oxford, 2006; Yarnley C. J. "Philaretos: Armenian Bandit or Byzantine General", in Revue des Études Arméniennes, volume 9 (Paris 1972). Pp. 331–353.

во и ему, хотя бы ненадолго, уастся установить в регионе мир. Традиция гласит, что Филарет тяжело своё переживал ренегатство, потому по возвращению в Мараш не стал бороться за реставрацию своей власти в регионе, хотя имел для этого все возможности. Вместо этого он вернулся к вере отцов. О том же сообщает и Михаил Сириец: «Говорят, что перед смертью он вновь перешёл в христианскую веру» (XV, 4). Филарет умер в одном из отдалённых армянских монастырей в родном Васпуракане. Там, в 1086 г., его нашли турки и убили за муртадство и щедро пролитую тюркскую кровь. Филарет спокойно принял смерть, успев произнести последнюю молитву.

Печать Филарета Вахавния, прокурорпалата и domestика Анатолийской схолы (1080/1082). Ватиканская коллекция^{*}

После распада государства Филарета, некоторые из его соратников и вассалов, продолжали править в отдельных частях его владений. Наиболее влиятельным из бывших вассалов Филарета был князь Васил (Василий) по прозвищу «Гох», что в

^{*} Дата обращения: 09.12.2023.

переводе с армянского означает «вор», «разбойник», «апелат». Своё прозвание он получил, поскольку успешно применял акритскую тактику баевых операций, действуя скрытно, заставляя неприятеля врасплох. Его успехи в войне с тюрками-кочевниками были не менее впечатляющи, чем успехи Филарета. Опираясь на малые, но манёвренные силы, ему удалось овладеть укрепленными пунктами на северо-востоке Горной Киликии: Кесуном, Ромклой, Марашем. Наследником Гох Васи́ла стал князь Василий Отрок («Тха»), при котором эти области перешли к крестоносцам. Брат Гох Васи́ла Баграт также владел несколькими твердынями. Следующие поколения армянских акритов создали Киликийское Армянское княжество Рубенидов, отложившееся от Византии. На основе этого княжества в 1198 году было образовано Армянское Киликийское королевство. Успехи киликийской армянской армии следует искать в применении отшлифованной веками, традиционной акритской тактики, однако в Киликии заканчивается история акритства.

Безусловные параллели можно проследить между Филаретом, Василем Апелатом и Гаврасами – другой армянской акритской семьёй того же периода. Гаврасы были крупными землевладельцами в Халдии, Колонее и Армениаке (Понт и северо-западная Армения). Будучи форпостом империи на западе Гаврасы, вместе с тем, отличались своими антиимперскими настроениями³⁷⁵, что можно объяснить взаимным неприятием

³⁷⁵ Бартикян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас. Историко-филологический журнал, 1987. № 3. С. 190–200; Garsoian N. G. The problem of Armenian integration into the Byzantine Empire, in Ahrweiler, H. Laiou, A. E., (ed.), *Studies on the internal diaspora of the Byzantine Empire* (Washington D.C. 1998). P. 67.

ценностей³⁷⁶ (не конфессиональными, так как Гаврасы довольно рано перешли в халкидонизм), исповедуемыми цареградской элитой и восточными порубежниками. Опираясь на местные акритские дружины, Гаврасы обороняли от сельджуков и Даншимендидов северо-восточные границы империи, в первую очередь, подступы к чёрному морю. Во время войны один из Гаврасов, Феодор, мученически погиб в плену у турок и был объявлен святым³⁷⁷. Примечательно, что Феодор Гаврас также стал героем турецкого фольклора, где был воспет как благородный и храбрый противник.

Само наименование семьи Гаврасов происходит от корня GBR (арабск. *kafir*, иранск. *gabr* или тюркск. *gavur*) – «гебр», «неверный»³⁷⁸. Именно так называли у мусульман византийских пограничников акритов. Впоследствии представители

³⁷⁶ *Garsoïan N. G. Ibid. Pp. 58–61.*

³⁷⁷ *Анна Комнина. Алексиада, Москва, 1965, кн. 8 (Я. Н. Любарский);* Содержание жития св. Феодора Гавраса сообщил Пападопуло-Керамевс в «Виз. Времен.», 1906, С. 135–136; Св. Феодора Гавраса упоминает также Зонара (Zon., XVIII, 22), который называет его «севастом» и «мучеником»; *Дамбровский О. и Махнева О. Столица Феодоритов. Симферополь, 1973.*

³⁷⁸ Хотя многие исследователи происхождение фамилии связывают с тем или иным топонимом в Армении, местом, которое могло быть малой родиной Гаврасов (см.: *Бартикян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас // Историко-филологический журнал, № 3. С. 190–200; Якобсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. Ленинград: Наука, 1964. С. 81; Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в 11–12 вв. // Гл. 3 § 24 «Гавры» С. 88–92 // АН Арм. ССР 1973; Шагинян А. К. Система административного деления и управления Арабского халифата в Армении и Армении // «Вестник Московского Университета» (Востоковедение). 2008. № 3. С. 68–85; Тер-Гевондян А. Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. С. 153–154; Vassilief A. A. The Goths in Crimea. Cambridge, Mass., 1936; Кесмеджи Княжество Феодоро, Симферополь, 1999; Карнов С. П. История Трапезундской империи. Санкт-Петербург: Алетей, 2007. - 624 с.*

семьи Гаврасов встречаются на службе, как у византийских императоров, так и у иконийских султанов, что, как уже отмечалось, было характерно не только для Евфратской контактной зоны, но и для любого фронта. Самым известным из Гаврасов на службе у сельджуков, был некий эмир Гаврас, попавший в плен к ромеям, и обезглавленный как вероотступник. Впрочем, известен также Иоанн Гаврас, первый советник султана Клич-Арслана II, по свидетельству Никиты Хониата «самый близкий человек султану», в мусульманских источниках он упоминается под именем Ихтияр ал-дин Хасан ибн Гафрас³⁷⁹. От имени султана он вёл переговоры с Салах ад-Дином. После смерти султана хотел вернуться в своё имение в Ерзнка, но предательски был убит туркменами.

Продолжающаяся дискриминационная религиозная и национальная политика империи против армян, совершенно неоправданная в условиях нарастающей угрозы со стороны турок и других мусульман, привела к открытой конфронтации между столицей и пограничным миром. Ромеи окончательно лишились поддержки акритского воинства Западной Армении и Приевфратья, которое вскоре было либо истреблено тюрками, либо эмигрировало в Киликию; некоторые же перешли на службу к новым правителям. Сами ромеи воевать не могли и не хотели. Защищать восточные рубежи империи оказалось некому.

Лебединой песней акритского воинства стало правление каппадокийской солдатской династии Ласкарисов, при кото-

³⁷⁹ *Bryer A. A Byzantine Family: the Gabrades, c. 979 – c. 1653, University of Birmingham Historical Journal, 12 (1970), 164–87, 180–181; Бартикян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас // О византийской аристократической семье Гаврас // Историко-филологический журнал. Ч. 3. 1987. № 3. С. 190–200; № 4. С. 181–193; 1988. № 1. С. 163–178.*

рых акритские части, по крайней мере в Каппадокии, пережили кратковременный подъём. Однако в 1262 году, после подавления восстания против узурпатора императорского трона Михаила VIII Палеолога, акритские отряды были распущены, небольшая их часть вошла в состав регулярной армии.

Рассмотренный этой и ряде предыдущих наших работ³⁸⁰ материал позволяет выявить ряд присущих Приевфратской погранзоне закономерностей:

- На протяжении тысячелетий Приевфратская контактная зона играла (и в наши дни продолжает играть) ключевое значение в жизни Переднеазиатского региона. Это обусловлено констелляцией этого региона на пересечении миросистем и мир-империй. Немаловажную роль играл экономический фактор. Суровый высокогорный ландшафт соседствовал с плодородными долинами, питающимися влагой самой большой водной системы Передней Азии – Евфрата и его притоков. Горные районы Приевфратья в древности были покрыты лесами и имели разнообразную флору, недра гор были богаты ископаемыми.

³⁸⁰ *Маргарян Е. Г.* Приевфратская контактная зона. На стыке древних мир-систем // Историческое пространство. М.: Наука, 2012. С. 5–30; *Маргарян Е. Г.* Восточносредиземноморский фронт в контексте трансформационных процессов в эпоху перехода от республики к принципату // Сборник научных статей на международной научно-практической конференции «Трансформационные процессы в эпоху Принципата. Включение Рима в осевое время». Ответственный редактор: Е. Г. Маргарян. Ер.: Издательство РАУ, 2015. С. 5–91; *Margaryan E.* Contemporary nomothetic approaches to the analysis of world history dynamics: “Re-orientation” or “Orientalisation” of contemporary historiographical awareness. In: *Heteroeuropeanisations: (In) capacity to stay Marginals.* University of Naples “L’Orientale” (Department of Asian, African and Mediterranean Studies); Series Minor, vol. XCII (forthcoming) Napoli, 2021. P. 575–603; *Маргарян Е. Г.* На стыке древних мир-систем: пролегомены // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. № 59. Москва, 2017. С. 18–43.

ми. Здесь перекрещивались караванные пути, связывающие Восток и Запад, Север и Юг. Поэтому здесь происходили непрекращающиеся столкновения между сверхдержавами-антиподами. Это естественно отражалось на жизни этого небольшого, но густонаселённого субрегиона.

- Пограничное положение региона обусловило характерные особенности его населения: пассионарность, мультикультурализм, динамичность, приспособляемость к быстро меняющимся условиям. Однако гибкость и пластичность жителей Приевфратья удивительным образом сочеталась со стойкостью и выносливостью, приверженностью к тысячелетним традициям, родной культуре, языку и религии.

- Перекрёстное положение приевфратского порубежья с древнейших пор до наших дней сделало его ареной непрерывных войн и объектом политических спекуляций. Жителям приевфратского порубежья приходилось постоянно отбиваться от самых разных врагов, уповая лишь на свои силы и ресурсы. Порубежники, как правило, не получали должной поддержки даже тогда, когда Приевфратье оказывалось под властью той или иной империи.

- На основе наработок, накопленных со времён столкновений между Хайасой и Хеттской державой, в регионе сформировалась так называемая стратегия Малой войны – традиция ведения войны в горных условиях малыми силами. Конечной целью этой стратегии было выматывание и обескровливание сил противника для дальнейшего выдавливания его на собственную территорию. Эта стратегия успешно применялась жителями региона также в эпоху эллинизма и в Средние века.

- Малая война предполагает не только оборону, но и частые стремительные рейды вглубь территории врага. В

Средние века эту тактику принято называть акритской войной. Основной ударной силой Малой войны было стратиотское войнство, известное также как акриты (порубежники, пограничники) и апелаты (рейдеры, угонщики скота). Эти рода принадлежали к знати, но не были потомками древних армянских нахарарских фамилий. Выходцами из приграничной среды были Василий I, основатель так называемой Македонской или Армянской царской династии на византийском престоле, «клан Комнинов», а также большое количество императоров армянского происхождения. Для успешного карьерного продвижения многие члены этих семей принимали халкидонизм, некоторые же, в силу тех или иных обстоятельств, возвращались в лоно Армянской Апостольской церкви.

- Малые войны на пересечениях миросистем были обычными и неизбежными реалиями этих территорий, возможно – условием их существования в том виде, в каком мы их рассматриваем.

- Малые войны в Евфратской погранзоне были следствием слабости и неспособностью центральных властей защитить границы своей империи, поэтому обязанности по охране границ и поддержания баланса сил в регионе возлагалась на пограничное население горных районов Западной Армении. Акритские дружины, как правило, формировали и возглавляли местные феодальные кланы, как отмечалось, не всегда древние и знатные, но почти всегда результативные.

- Взаимоотношения акритской знати и имперских властей в основном носили напряжённый характер, что было неизбежно по многим причинам: этническим, культурно-религиозным, экономическим, политическим и пр. Однако акритские дружины храбро защищали свои земли, тем самым обеспе-

чивая безопасность границ Империи и объективно способствуя её благоденствию.

- И всё же автономность и неподконтрольность порубежных фем беспокоили имперские власти, которые время от времени пытались накинуть на порубежников удавку бюрократической власти и халкидонской ортодоксии. Когда же в X–XI вв. имперские власти сочли, что на восточных границах у Византии не осталось опасных врагов, и в стратиотском войнстве больше нет нужды, государство решило искоренить акритскую вольницу. Пограничный мир, как среда, порождавшая эту вольницу, был демонтирован. Порубежники сопротивлялись отчаянно, повсеместно поднимались мятежи, но сопротивление акритской верхушки было сломлено, а их дружины распущены, либо включены в регулярную армию. Древние стратиотские гарнизоны были заселены наёмниками из Северной и Западной Европы, южными славянами и номадами из Евразийских степей.

- Ликвидация стратиотского войнства имела негативные последствия для империи. Начавшееся в XI в. вторжение сельджуков, привело к огромным территориальным потерям на востоке, и было на время остановлено возродившимися дружинами армянских акритов. Однако появление на авансцене Османской империи и близорукая антиакритская политика имперских властей привели к окончательной гибели сословия порубежного войнства и ликвидации Приевфратской погранзоны.

- Однако Приевфратский фронт никуда не делся. Погранзона продолжает существовать прямо на линии сейсмического разлома. Время от времени активность погранзоны возобновляется, хотя и с новыми игроками. Армяне и другие восточные христиане, как ключевые акторы этой зоны, последний раз

упоминаются в тайном международном соглашении от 1916 года, составленном Марком Сайксом и Франсуа Жорж-Пико, а также в Севрском мирном договоре от 10 августа 1920 года и на сакраментальной карте Вильсона того же года. Сегодня это зона нового междумирья, где обитают в результате Геноцида 1915 года вытеснившие армян курды, а место ромеев давно заняли турки. Грядут новые войны, в старом формате, или точнее старые войны с новыми игроками.

Армяно-османская граница согласно решению Вильсона*

* Источник: Boundary between Turkey and Armenia – as determined by Woodrow Wilson, president of the United States of America LOC 80695244.jpg

Заключение

Евфратское порубежье – один из трансляционных узлов, сформировавшийся ещё в эпоху неолита и не потерявший своей актуальности в наши дни. Он находится одновременно на перекрёстке нескольких миросистем и нескольких цивилизаций. Поэтому ещё с архаических времён в этом месте и вокруг него происходили непрекращающиеся столкновения между мирами и империями, что накладывало отпечаток на жизнь этого небольшого, но густонаселённого субрегиона, со своими культурными и религиозными традициями и особым образом жизни.

Евфратский разлом стал местом столкновения империй уже во II тыс. до Р. Х. в эпоху Митанни (1650 до Р. Х.–1260 до Р. Х.), после длительного периода расцвета, пришедшего в упадок из-за непрерывных войн с Хеттской державой, Египетскими фараонами XVIII династии и Ассирией. Этот стратегически важный субрегион продолжал оставаться камнем преткновения для многих держав и в последующие века. И всё же несмотря на разорванность, разъединённость отдельных фрагментов между большими державами этот регион сохранял культурную, религиозную и экономическую цельность и внутреннее ментальное единство. Часть жителей разлома верой и правдой служила имперским властям, другая находилась в ярко выраженной оппозиции.

Сегодня Евфратский узел по-прежнему самый горячий район Ближнего Востока. Здесь полыхает гражданская война и сталкиваются армейские подразделения разных империй, исчезают с карты целые города и поселения, регион ввергнут в пучину гуманитарной и экологической катастрофы, а главное, как и столетие назад здесь продолжается перманентный геноцид народов, со старыми и новыми палачами и жертвами.

Жители Евфратского региона, зажатые между империями и постоянно подвергающиеся вторжению кочевых племён, выработали стратегию «малой войны», основанную на разработанной веками тактике выматывания и обескровливания врага, с использованием знания рельефа местности и других преимуществ местных жителей перед захватчиками. Основной формой боевых действий «малой войны» или герильи традиционно были диверсионные вылазки, уничтожение коммуникаций, уничтожение обоза, ночные сшибки и др. Имперские власти недолюбливали местные дружины, основанные на общих интересах, узах родства и любви к родине. Пограничникам нередко приходилось вести войны как с внешними врагами империи, так и с самой имперской метрополией, которая никогда не прекращала необъявленную войну против местных порубежников, защищавших её границы.

«Малые войны» велись не только на суше, но и на море. Здесь морские дружины, используя своё знание прибрежной зоны, морских ветров, климатических особенностей и др., вели с имперскими властями выматывающие войны на море и в прибрежных каменистых районах.

«Малые войны» – основная форма борьбы против колониальных империй. Киликийские каперы, коммагенские тяжелооружённые «македонцы», западноармянские акриты и

апелаты, греческие клефты, болгарские гайдуки, армянские фидаи, сербо-хорватские четники – это носители традиций «малой войны», которая не закончилась и будет продолжаться, пока течёт Евфрат.

Библиография

Источники

1. *Anonymus*. De velitatione bellica (Περὶ παραδρομῆς πολέμου του κυρίου Νικηφόρου του βασιλέως) «О ошибках с неприятелями сочинение государя Никифора». История Льва Дякона Калойского и другие сочинения византийских писателей. СПб.: Типография ИАН, 1820. <http://www.xlegio.ru/sources/de-velitatio-ne-bellica/>
2. *Athenaeus (of Naucratis)*. The Deipnosophists; Or, Banquet of the Learned, Volume 1. H. G. Bohn, 1854. – 1252 p.
3. *Benjamin of Tudela* 1907. The Itinerary of Benjamin of Tudela critical text, translation and commentary by Marcus Nathan Adler, M. A. Philipp Feldheim, INC THE HOUSE OF THE JEWISH BOOK NEW YORK. First edition: London.
4. *Cassius Dio Cocceianus*. Roman history. New York: Arno Press, 1975.
5. *Frontinus* The Strategemata. <http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Frontinus/Strategemata/home.html>
6. *Justin*. Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus. Vol. I, Books 11–12: Alexander the Great. Ed. John C. Yardley, Waldemar Heckel. Oxford, 1997.
7. *Macoudi*. Les Prairies d'or: Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1863. Т. II. P. 1–3.
8. *McCabe D., Brownson J. V., Ehrman B. D.* Samos inscriptions. Texts and list, The Institute for Advanced Study, Princeton [en CDROM PHI 6, Packard Humanities Institute, Los Altos, California], 1986.

9. *Memnon of Heraclea*. Ed. Frederic P. Miller, Agnes F. Vandome, John McBrewster. London: VDM Publishing, 2010 – 114 p.

10. *Procopius* 1928. History of the Wars. (Gothic War, De bello Gothico). Translated by H. B. Dewing. Loeb Classical Library 217. Cambridge, MA: Harvard University Press.

11. *Sebeos*' History from The Cambridge Medieval History, vol. IV The Byzantine Empire part I (Cambridge, 1966), facing page 598. Translated from Classical Armenian by Robert Bedrosian.

12. *Servius Maurus Honoratus*. In Vergilii carmina comentarii. Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii; recensuerunt Georgius Thilo et Hermannus Hagen. Georgius Thilo. Leipzig: B. G. Teubner, 1881.

13. *Stephanus Ethnica*, s.v. "Ziela". URL: <https://www.hellenicaworld.com/Greece/Person/en/ZiaelasOfBithynia.html>.

14. *Suetonius*. The Lives of the Caesars Julius. Augustus. Tiberius. Gaius. Caligula (Loeb Classical Library, No. 31) (Volume 1) January 1, 1914 by J. C. Rolfe (Translator), K.R. Bradley (Introduction). Harvard University Press, 1914. – 528 p.

15. The Anonymous Byzantine Treatise on Strategy // Three Byzantine Military Treatises / Text, Translation and Notes by George T. Dennis. Washington, 1985. P. 1–136

16. *The History of Zonaras from Alexander Severus to the Death of Theodosius the Great*. Ed. Thomas Banchich and Eugene Lane, Routledge, 2009.

17. *Абу-л-Хасан 'Али ибн ал-Хусайн ибн 'Али ал-Масуди*. Золотые копи и россыпи самоцветов (История Аббасидской династии 749–947 гг). (пер. Д. В. Микульского) / О халифате ал-Му'тамида 'ала-л-Лаха. Москва: Наталис. 2002.

18. *Анна Комнина*. Алексиада. Кн. 8. Вступ. статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского. Москва: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1965.

19. *Аппиан Марцелин*. Митридатовы войны. Сирийские дела. Пер. и комментарии С.П. Кондратьева. ВДИ, 1946. № 4.

20. *Аппиан*. Римские войны. Изд-во «Алетейя». СПб, 1994. Тексты в изд. 1994 г. печатаются по изданиям: Аппиан. Гражданские войны. Пер. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. ОГИЗ, Государственное социально-экономическое издательство, Ленинградское отделение, 1935. Между переводчиками текст был распределен следующим образом: С. И. Ковалев – главы 1–48, М. С. Альтман – 49–139, О. О. Крюгер. С. 140–154. Параграфы расставлены редакцией сайта по изданию: *Appiani Historia Romana*. Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae. Teubner. 1905. <http://ancientrome.ru/antlitrt.htm?a=1468001000>

21. *Веллей Патеркул*. Римская история // Малые римские историки. Москва: Ладомир, 1996.

22. *Гай Юлий Цезарь* Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Гай Юлий Цезарь, М. М. Покровский; под редакцией М. М. Покровского. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 362 с. – (Антология мысли).

23. *Гомер* в переводе П. А. Шуйского / [Подготовка текстов и общая редакция И. А. Летовой]. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. – 774 с.

24. *Гораций*. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. / Вступ. ст. М. Гаспарова. Москва: Худ. лит., 1970. (479 с.)

25. Деяния Августа. Перевод И.Ш. Шифмана / *Шифман И. Ш.* Цезарь Август, Ленинград: Наука, 1990. С. 189–199 (Приложение). Перевод выполнен по изданию, подготовленному Ж. Гаже (*Gage J. Res gestae divi Augusti ex monumentis Ancyrano et Antiocheno latinis, Ancyrano et Apolloniensi graecis*. Paris, 1935).

26. *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека (ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗΣ ΙΣΤΟΡΙΚΗΣ). Переводчики: Agnostik, Мещан-

ский Д. В., Цыбенко О. П., Латышев В. В., Сергеев М. Е., Алексанян А. Г., Строецкий В. М. // <http://simposium.ru/ru/node/863>

27. *Евтропий Флавий*. Бrevиарий от основания Города. / Пер. и прим. Д. В. Кареева и Л. А. Самуткиной. (Серия «Античная история»). – С.Петербург: Алетейя, 2001. – 305 с. (*Eutropius breviarium ab urbe condita*)

28. *Египиз (Елишэ, Եղիշէ)*. О Вардане и войне армянской. Переводчик: Орбели И. А., Юзбашян К. Н., Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1971.

29. *Ибн Халдун*. Книга назиданий и сборник начал и сообщений о деяниях арабов, персов и берберов и тех, кто были их современниками из числа носителей высшей власти (пер. Л. Е. Куббеля). / История Африки в древних и средневековых источниках. Москва, 1990.

30. Из хроники *Михаила Сирийца* (Статья первая) // Письменные памятники Востока, 1973. Москва: Наука. 1979.

31. *Исидор Харакский*. Парфянские стоянки. Пер. с др. греч. Н.В. Журавлёвой // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. / Под ред. В. И. Кузицина. СПб.: Алетейя, 2000. (608 с.) (Античная библиотека. Античная история).

32. История Епископа Себеоса. Перевод с древнеарм. Ст. Маласянца. Изд. Армфана, 1939.

33. Книга Иова. Пер. с древнеевр. С. С. Аверинцева. Главы 40, 41. <http://wikilivres.ru/>

34. *Князь Святополк–Мирский*. Ответ кавказского офицера на обвинения Н. Н. Муравьева. (Письмо к генерал–адъютанту К*) // Русская старина, № 11. 1872) // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840–1860/Muravjev_Karskij_N_N/text3.htm (проверено 02.09.2017).

35. *Константин Багрянородный*. О фемах. О народах / Пер. Г. Ласкина. Москва, 1899.

36. *Лев VI Мудрый*. Тактика Льва / изд. подготовил В.В. Кучма; отв. ред. Н. Д. Барабанов. СПб.: Алетейя, 2012.

37. *Ливий Тит*. История Рима от основания Города. Текст приводится по изданию: Тит Ливий. История Рима от основания города. Перевод В. М. Смирин. Комментарий Н.Е. Боданской. Редакторы переводов М. Л. Гаспаров и Г. С. Кнабе. Редактор комментариев В. М. Смирин. Ответственный редактор Е. С. Голубцова. Т. I. Москва: Наука, 1989.

38. *Лукаан Марк Анней*. Фарсалия. / Пер. Л. Е. Остроумова. Ред., ст. и комм. Ф. А. Петровского. (Серия «Литературные памятники»). Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР. 1951. – 350 с. переизд. Москва: Ладомир, 1993. – 352 с.

39. *Марк Туллий Цицерон*. РЕЧИ В ДВУХ ТОМАХ. Том I (81–63 гг. до н. э.). Перевод В. О. Горенштейна. Издание подготовили В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь–Пассек. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1962.

40. *Никита Хониат*. Никиты Хониата история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина / Пер. под ред. В.И. Доллоцкого (1 т.) и И. В. Чельцова: 2 т. // ВИПДА. СПб., 1860–1862. Т. I, с. 269 сл. // http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Xoniat/1_2.htm

41. *Никифор II Фока*. Стратегика. Пер. со среднегреч. и комм. А. К. Нефёдкина. СПб.: Алетейя, 2005.

42. О боевом сопровождении // Два византийских военных трактата конца X века / Издание подготовил В.В. Кучма. Ответственный редактор академик РАН Г. Г. Литаврин. СПб.: Алетейя, 2002.

43. О стратегии: византийский военный трактат VI века / Изд. подг. В. В. Кучма. – СПб.: Алетейя, 2007 (160 с.).

44. *Орозий*. История против язычников. / Пер., вступ. ст., комм. и указ. В. М. Тюленева. 1-е изд. В 3 т. Серия: Византийская библиотека. С.Петербург: Алетейя, 2001–2003.

45. Ответ кавказского офицера на обвинения Н. Н. Муравьева. (Письмо к генерал-адъютанту К*) // Русская старина, № 11.1872) // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Muravjev_Karskij_N_N/text3.htm (проверено 02.09.2017).

46. *Платон*. Собрание сочинений. В 4 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. (Серия «Философское наследие»). Т. 2. – Москва: Мысль, 1993. – 528 с.

47. *Плиний Старший*. Естественная история (*Naturalis historia*). Отрывки / Пер. и комм. Б.А. Старостина. // Хрестоматия по истории науки и техники. – Москва: РГГУ (ППП «Типография “Наука”»), 2005. С. 122–148.

48. *Плутарх*. Застольные беседы. (Πλούταρχος. Συμλοισιὰ). Глава I. Вопрос X. Почему в Афинах хор Эантидской филы никогда не ставился на последнее место.

49. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Издание второе, исправленное и дополненное. Т. II. Перевод Г. А. Стратановского, обработка перевода для настоящего переиздания С. С. Аверинцева, примечания М. Л. Гаспарова. Издание подготовили С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. Ответственный редактор С. С. Аверинцев. – Москва: Наука, 1994.

50. *Полибий*. Всеобщая история. Книги I–IX. Перевод с греческого. Перевод и комментарии Ф. Г. Мищенко. Вступительная статья канд. истор. н. А. В. Короленкова. Москва: ОЛМА–ПРЕСС Инвест, 2004.

51. *Прокопий Кесарийский*. Война с готами: В 2 т. Москва: Аристос, 1996.

52. *Саллюстий Гай Крисп*. Сочинения. / Пер., ст. и комм. В. О. Горенштейна. Отв. ред. Е. М. Штаермана (Серия «Памятники исторической мысли»). Москва: Наука, 1981. 224 стр. 150 000 экз. («Заговор Катилины», «Югуртинская война», крупные фрагменты «Истории», «Письма Цезарю», «Инвективы»).

53. Сборник документов по социально-политической истории Византии / Отв. ред. акад. Е. А. Косминский. Москва, 1951.

54. *Сенека*. Утешение к Полибию. / Перевод Н. Х. Керасиди // ВДИ. 1991. № 4.

55. Синодальный перевод Библии. Ветхий Завет переведен с масоретского (древнееврейского) текста, а Новый Завет с греческого Textus Receptus. Впервые издан в 1876 году Российским Библейским Обществом. Библия. Синодальный перевод – Библия: <https://bible.by/syn/>

56. Содержание жития св. Феодора Гавраса сообщил Пападопуло-Керамевс в «Виз. Времен», 1906.

57. *Страбон*. География в 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского. Репринтное воспроизведение текста издания 1964. Москва: Ладомир, 1994. (*Strab. Geographika*).

58. *Феофан Исповедник*. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта (пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского) М.: Наука, 1984.

59. *Флор Луций Аней*. Две книги римских войн / Малые римские историки: Веллей Патеркул, Луций Аней Флор, Луций Ампелий / Изд. подг. А.И. Немировским. Москва: Наука, 1996.

60. *Хишам, Абд аль-Малик ибн*. Жизнеописание пророка Мухаммада. Рассказанное со слов аль-Баккаи, со слов Ибн Исхака аль-Мутталиба (первая половина VIII века). Перевод с арабского Я. А. Гайнуллина. Москва: Издательский дом «УММА», 2003.

Литература

61. *Абрамзон М. Г.* Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н. э. – 74 г. н. э.). Перевод В. О. Горенштейна. СПб.: Изд. «Акра», ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008. – 256 с.; ил. (Серия «Studia classica»).

62. *Аверинцев С. С.* На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку ду-

ховной культуры европейского средневековья. // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Москва: Наука, 1985.

63. *Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя. С. Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1908. [2], XIV, 526 с.

64. *Адонц Н.* Василий Армянин (достопауный император, 867–886) // Исторические исследования. Париж, 1948 (на арм. яз.).

65. *Анна Комнина*. Алексиада. Москва, 1965, кн. 8 (Я.Н. Любарский); Содержание жития св. Феодора Гавраса сообщил Пападопуло-Керамевс в «Виз. Времен.», 1906.

66. *Апресян Р. Г.* Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // Вопросы философии, № 3. – Москва, 2001. С. 72–84.

67. *Апресян Р. Г.* Талион: его восприятие и видоизменения в христианстве и исламе // Сравнительная философия: Моральная философия в контексте многообразия культур / Отв. ред. М.Т. Степанянц. Москва: Восточная литература, 2004. С. 221–229.

68. *Арутюнов С. А., Красновская Н. А.* Романия и Барбария: к этнической истории народов зарубежной Европы. Москва: Наука, 1989. (201 с.)

69. *Арутюнова-Фиданян В. А.* «Повествование о делах армянских» (VII в.): Источник и время. Москва, 2004.

70. *Арутюнова-Фиданян В. А.* «Повествование о делах армянских» – памятник армяно-византийской контактной зоны (V–VII вв.) // Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежом своего Отечества. Москва, 1997.

71. *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армения и Византия в VII в.: синтезная контактная зона // Византийский временник. Москва, 2002. Т. 61 (86 с.)

72. *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяне-халкидониты: Идентичность на стыке этноса и конфессии // Исторические мифы и национальная идентичность. Москва, 2007.

73. Арутюнова–Фиданян В. А. Армяно–византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. Москва: Наука, 1994.

74. Арутюнова–Фиданян В. А. Армяно–халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980.

75. Арутюнова–Фиданян В. А. Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. Ответственный редактор: академик Г. Г. Литаврин. Византия и Армения в X–XII вв.: зона контакта 380–409. Издательство «Алетейя» СПб: Алетейя, 1999.

76. Арутюнова–Фиданян В. А. Модели организации Лимеса: восточные границы Византийской империи (IX–XI вв.). // <http://www.radnews.ru/модели-организации-лимеса-восточные/>

77. Арутюнова–Фиданян В. А. Несколько замечаний к положению на восточных границах Византии в 70–е годы XI в. // Кавказ и Византия. Ереван, 1980. Вып. 2.

78. Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту). Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР, 1970.

79. Банников А. В., Морозов М. А. Византийская армия (IV–XII вв.). Санкт–Петербург: Евразия, 2013. (687 с.)

80. Баррет Э. Калигула. Москва: ТЕРРА–Книжный клуб, 1999. (Сон разума рождает чудовищ). (432 с.)

81. Бартикян Р. М. К разгадке загадки о «славянском» происхождении основателя македонской династии Василия I // Вестник общественных наук. 1985. № 7. С. 47–54.

82. Бартикян Р. М. О Вардаз о Вратццж жития св. Марии Новой и византийских патронимах Иверици и Варацци // Историко–филологический журнал. 1980. № 3. С. 244–250.

83. Бартикян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас // Историко–филологический журнал. Ч. 3. 1987. № 3. С. 190–200; № 4. С. 181–193; 1988. № 1. С. 163–178.

84. Бартикян Р. М. Разрешение проблемы мардаитов // Вестник общественных наук АН Арм. ССР, 1983, № 2. С. 66–82.

85. Баццева С. М. Историко–социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». Москва: Наука, 1965.

86. Биккерман Э. Государство Селевкидов. Москва: Главная редакция Восточной литературы изд–ва «Наука», 1985. (264с.)

87. Большаков О. Г. История халифата. Ислам в Аравии (570–633). Т. 1. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. (312 с.)

88. Бонгард–Левин Г. М., Гацбов В. А., Кошеленко Г. А. Открытие митреума в Дура–Европос и современная митраистика // Вестник древней истории. Наука. 2004.

89. Василенко И. Политическая глобалистика. Иконография глобального пространства. Том 2. Москва: Логос, 2000.

90. Васильев А. А. История Византийской империи. Т. 2. Санкт–Петербург: Алетейя, 1998. (206 с.)

91. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденоко. Москва: Прогресс, 1990 (Социологич. мысль Запада). С. 44–271. (808 с.)

92. Вус О. В. Ранневизантийский лимес в Северном Причерноморье: организация и структура инженерной обороны // Византийский временник. Т. 72 (97). 2013. С. 227–246.

93. Григорян С. Великие мыслители стран Арабского Востока. Москва: Знание, 1960.

94. Григорян С. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. Москва: Наука, 1966.

95. Дельбрцлок Г. История военного искусства в рамках политической истории. / Пер. с нем. В. И. Авдиева. В 4 т. СПб, 1994. Т. 2.

96. Дергачев В. А. Раскаленные рубежи. Одесса: Астропринт, 1998. (104 с.)

97. *Дилигенский Г. Г.* «Конец истории» или смена цивилизаций? // Цивилизации. Москва, 1993. Вып. 2.

98. *Дмитриев В. А.* «Всадники в сверкающей броне»: Военное дело Сасанидского Ирана и история римско–персидских войн. СПб: Петербургское Востоковедение, 2008.

99. *Домбровский О. и Махнева О.* Столица Феодоритов. Симферополь, 1973.

100. *Емченко Д. Г.* Культурная идентификация человека трансграничного региона. // Вестник челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009/1 (17).

101. *Золотовский В. А.* Прония в военной организации Византии раннепалеологовского времени // Вестник Волгогр. гос. ун–та. Сер. 4, Ист. 2015. № 3 (33) С. 100–115.

102. *Золотовский В. А.* Прония в военной организации Византии раннепалеологовского времени. Часть 2 // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/proniya-v-voennoy-organizatsii-vizantii-rannepaleologovskogo-vremeni-chast-2> (дата обращения: 04.08. 2017).

103. *Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. Пер. с нем./ Ин–т социологии. Москва: Наука, 2005. (443 с.) (Серия «Социологическое наследие»).

104. *Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи XI–XIV вв. / А.П. Каждан. Ереван, 1975.

105. *Каждан А. П.* К истории византино–кавказских связей на рубеже XI и XIII вв. // ИФЖ. 1967. № 1. С. 174–176.

106. *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв./ А. П. Каждан. Москва: Наука, 1974.

107. *Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в 11–12 вв. Гл.3 § 24 «Гаврь». Изд. АН Арм. ССР 1973. С. 88–92.

108. *Капанцян Г.* Хайаса – колыбель армян: этногенез армян и их начальная история / Г. Капанцян. Ереван: Изд–во и тип. Акад. наук Арм. ССР, 1947 (2016). (287 с.)

109. *Карпов С. П.* История Трапезундской империи. Санкт–Петербург: Алетейя, 2007. –624 с.

110. *Кащеев В. И.* Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200–146 гг. до н.э. Москва, 1993.

111. *Кащеев В. И.* Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200–146 гг. до н.э. Автореферат диссертации на соиск. уч. степени докт. ист. наук. Саратов 1997.

112. *Кесмеджи П. А., Кесмеджи Г. П.* Княжество Феодоро. Симферополь, 1999.

113. *Кирабаев И.* Социальная философия мусульманского Востока. Москва: Изд–во УДН, 1987.

114. *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб: «Петербургское Востоковедение», 2009: 3–е изд., исправл. и доп. («Orientalia»). (432с.)

115. *Ковалев С. И.* История античного общества. Эллинизм. Рим. Москва–Ленинград: Соцэкгиз, Ленинградское отделение, 1938.

116. *Колобов А. В.* Римские легионы вне полей сражений (эпоха Ранней империи). Перм. ун–т, 1999.

117. *Колобов А. В.* Семейное положение римских легионеров в западных провинциях империи при Юлиях–Клавдиях // Вестник МГУ. Сер. 8 «История». 1990. N 3. С. 54–63.

118. *Колосовская Ю. К.* Гостеприимство как право народов древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции. Москва: ИВИ РАН, 1999 (196 с.).

119. *Колосовская Ю. К.* Рим и мир племени Дунае. I–IV вв. н.э. Москва: Наука, 2000 (288 с.).

120. Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. Москва: Наука, 1979.

121. Кривов М. В. Последние Гассаниды между Византией Халифатом // Византийский временник 1981. № 42. М.: Издательство Наука, 1981 г. С. 154–158 (295 с.).

122. Кулаковский Ю. А. Стратегика императора Никифора // Зап. Имп. Академии Наук. Т. 8. № 9. СПб., 1908.

123. Кулишер И. М. Быт раннего и позднего Средневековья. // История экономического быта Западной Европы. Т. 1: 7-е изд., дополн.: Москва–Ленинград: Госиздат, 1926; 1936 (412 с.).

124. Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности. 2-е изд.: Челябинск: Социум, 2003. (556 с.) (1-е изд.: Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. Петроград, 1923 (322 с.).

125. Кулишер И. М. Очерк экономической истории древней Греции. Ленинград: 2-я Типография 1-й Артшколы, имени Красного Октября, 1925.

126. Кучма В. В. «Византийский Аноним VI в.»: основные проблемы источников и содержания // Византийский временник. 1980. Том 41 (66). С. 84–85.

127. Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2001. – 426с. (Византийская библиотека).

128. Кучма В. В. Идеологические принципы ранневизантийской военной доктрины / В. В. Кучма // Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. Научное издание. С.Пб, 2001. С. 85–100.

129. Кучма В. В. К проблеме авторства трактата "De velitatione bellica". Новая гипотеза // Византийский временник, 1994. Т. 55 (80). С. 132–137.

130. Кучма В. В. Методы морально–политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва». АДСВ, УЗ Уральск. Гос. Унив. Вып. 41. Свердловск, 1965.

131. Кучма В. В. Религиозный аспект византийской военной доктрины: истоки и эволюция / В. В. Кучма // Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. СПб: Научное издание, 2001. С. 69–84.

132. Кюмон Ф. Мистерии Митры. Распространение митраизма в Римской империи. Пер. с франц. С.О. Цветковой. СПб.: Евразия, 2000.

133. Ле Боэк Я. Стратегия римской армии. Постоянный лагерь / Римская армия эпохи Ранней Империи. Перевод: М. Н. Челинцева. Москва: Российская политическая энциклопедия, – 400с. 2001. / <http://www.roman-glory.com/le-bohec-vvedenie> . 08.01.2012.

134. Левченко М. В. А. Грегуар и его работы по византиноведению. // Византийский временник. Москва, 1950. Том III (28). С. 231–245.

135. Лесны И. О недугах сильных мира сего (Властелины мира глазами невролога). – Москва: Графит, 1990.

136. Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: Словарь–справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / Науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Мнинск: Беларусь, 2001.

137. Люттвак Э. Н. Стратегия Византийской империи / Э.Н. Люттвак. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. (664 с.).

138. Майорова Н. Г. Фециалы: религия и дипломатия в древнейшем Риме (VII в. до н.э.) // Религия и община в древнем Риме / Под ред. Л. Л. Кофанова и Н. А. Чаплыгиной. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 1994. С. 97–125.

139. Маргарян Е. Г. Христианские святые в броне и с параме-рием наголо: образ воина–исповедника в византийской иконографии (1). Приевфратская пограничная зона и христианство // Визуальная теология. 2022. Т. 4. No 1. С. 39–57.

140. Маргарян Е. Г. Восточносредиземноморский фронт в контексте трансформационных процессов в эпоху перехода от

республики к принципату // Сборник научных статей на международной научно-практической конференции «Трансформационные процессы в эпоху Принципата. Включение Рима в осевое время». Ответственный редактор: Е. Г. Маргарян. Ереван: Издательство РАУ, 2015. С. 5–91.

141. *Маргарян Е. Г.* Митраизм в армяно-римской цивилизационной контактной зоне // Историческое пространство. Москва: Наука, 2011.

142. *Маргарян Е. Г.* Митраизм как религиозно-мировоззренческая система эллинистической Армении и сопредельном царстве Коммагена (мифология, идеология, этика) // Ivane Javakhishvili, Tbilisi State University. Shota Rustaveli. Institute of Georgian Literature, V International Symposium Contemporary Issues of Literary Criticism. Mythological Thinking, Folklore and Literary Discourse. European and Caucasian Experience Dedicated to Vazha-Pshavela's 150th Anniversary. Vol. II. – Tbilisi: Institute of Literature Press, 2011. 232–251.

143. *Маргарян Е. Г.* На стыке древних мир-систем: прологемы // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. № 59. Москва, 2017. С. 18–43.

144. *Маргарян Е. Г.* На стыке римского и восточноэллинистического цивилизационных «номосов». Из истории приевфратской контактной погранзоны // Вып. 16. – Новосибирск-Москва: Институт филологии сибирского отделения РАН, Новосибирский госуниверситет, РГГУ, 2012. С. 66–95.

145. *Маргарян Е. Г.* Образ врага в римской литературе эпохи принципата. // Критика и семиотика и герменевтика. Вып. 2. Новосибирск-Москва: Институт филологии сибирского отделения РАН, Новосибирский госуниверситет, РГГУ, 2015. С. 367–384.

146. *Маргарян Е. Г.* Очерки политической истории Софены (Цопк) и Коммагены эллинистического периода // Историческое пространство. Москва: Наука, 2013.

147. *Маргарян Е. Г.* Поднебесная как мир-империя: особенности и сродство с другими мир-империями древности и нового времени // Сборник научных статей. По материалам 2-ой международной научно-практической конференции «Конфуцианские чтения» (26–27 апреля 2016 г.). РАУ. – Ер.: Изд-во РАУ, 2016. С. 15–27.

148. *Маргарян Е. Г.* Поиски идеального государственного устройства в эллинистической Армении: утопия и реальность // Национальная идея. Ереван, 2008, апрель. С. 64–75.

149. *Маргарян Е. Г.* Приевфратская контактная зона. На стыке древних мир-систем // Историческое пространство. Москва: Наука, 2012. С. 5–30.

150. *Маргарян Е. Г.* Риторика на вершинах Тавра // Критика и семиотика и герменевтика. Вып. 15. Новосибирск-Москва: Институт филологии сибирского отделения РАН, Новосибирский госуниверситет, РГГУ, 2013. С. 31–84.

151. *Маргарян Е. Г.* Роль Армении и Коммагены в глобализационных процессах эллинистической эпохи // Сборник статей. По материалам международной конференции «Армения в диалоге цивилизаций». Н. Новгород: Деком, 2011. С. 159–171.

152. *Маргарян Е. Г.* Святыни страны Коммагены и Армении. Автореферат диссертации по истории, специальность. Ереван: Изд. Института истории АН РА, 1992. ВАК РФ 07.00.02. Диссертации по гуманитарным наукам: <http://cheloveknauka.com/svyatilischa-strany-kommageny-i-armeniya#ixzz4pqSpVvg2>

153. *Маргарян Е. Г.* Трансформация митразма в эллинистическую эпоху (Иран, Армения, Коммагена, Рим) // Иран-наме Научный востоковедческий журнал. №3(19), 2011. С. 78–110.

154. *Маргарян Е. Г.* Христианские святые в броне и с парамерием наголо: Христианские святые в броне и с парамерием наголо: образ воина-исповедника в византийской иконографии (2). Вооружённые угодники и страстотерпцы // Визуальная теология.

2022. Т. 4. No 2. С. 202–226. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2022-4-2-202-226>

155. *Маргарян Е. Г.* Эллинизм и его трансформации. Проблемы периодизации, универсализации и преемственности. Книга I. Ереван: Изд. Института истории, АН РА, 2021. (368 с.)

156. *Маргарян Е. Г., Маргарян Л. Е.* Армянское и готское просвещение на окраинах Римского мира. Вестник СПбГУ. История, 2023, № 2.

157. *Маргарян Е. Г.* Роль Армении и Коммагены в глобализационных процессах эллинистической эпохи // Сборник статей. По материалам международной конференции «Армения в диалоге цивилизаций». Н. Новгород, 2011. С. 159–171.

158. *Маргарян Е. Г.* Восточносредиземноморский фронт в контексте трансформационных процессов в эпоху перехода от республики к принципату // Сборник научных статей на международной научно-практической конференции «Трансформационные процессы в эпоху Принципата. Включение Рима в осевое время». Ответственный редактор: Е. Г. Маргарян. Ереван: Издательство РАУ, 2015. С. 5–91.

159. *Махлаюк А. В.* Воинское товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВДИ. 1996. №1. С. 18–37.

160. *Махлаюк А. В.* Римские войны. Под знаком Марса. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2005. (447с.)

161. *Маяк И. Л.* Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1996.

162. *Меликишвили Г. А.* К вопросу о хетто-цупаннийских переселенцах в Урарту // Вестник древней истории. № 2. Москва, 1958.

163. *Микаелян Г. Г.* История Киликийского армянского государства. Ереван: Издательства АН Армянской ССР, 1952.

164. *Можейко И. В.* Пираты, корсары, рейдеры: очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях, XV–XX века. Москва: Наука, 1991. (347 с.)

165. *Оганесян К. Л.* Крепость Эребуни (782 г. до н.э.) / Пиотровский Б.Б. Ереван: Айастан, 1980. (144 с.)

166. *Олейников Д. И.* Противоречия культурного билингвизма: особенности психологии русского офицера–горца в период большой Кавказской войны // Военно–историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С. 229–236.

167. *Парк Р.* Культурный конфликт и маргинальный человек // Обществ. науки за рубежом. Социология. № 2. Москва, 1998.

168. *Парфенов В. Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. Санкт–Петербург: Алетейя, 2001. (278 с.) (Античная библиотека. Исследования).

169. *Парфенов В. Н.* Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. – Саратов, 1987.

170. *Периханян А. Г.* Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в до н. э. – III в. н. э.). Москва: Изд–во восточной литературы, 1959. (186 с.)

171. *Пигулевская Н. В.* Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. Москва: Наука, 1964.

172. *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту) / Орбели И. А. Москва: Издательство Восточной литературы, 1959. (286 с.)

173. Православная Энциклопедия. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. Т. VIII.

174. *Пухта Г. Ф.* Общенародное гражданское право в древнем Риме // Юридический вестник. Т. XI. Кн. III–IV. Москва, 1892.

175. *Разин Е. А.* История военного искусства: В 4 т. М., 1955. Т.1. (559 с.)

176. *Ранович А. Я.* Восточные провинции Римской империи в I–III вв. Москва–Ленинград: Изд. АН СССР, 1949. (264 с.)

177. *Ретунских Н. А.* К вопросу об истоках китаецентризма [Электронный ресурс] // Востокведные исследования на Алтае. Вып. 2. Барнаул, 2000. Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/V2/21–28.pdf> (дата обращения: 23.03.2017)

178. *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. Санкт–Петербург: Алтейя, 1997.

179. *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. Санкт–Петербург: Алтейя, 1997.

180. *Рязанов В. В.* Образ Секста Помпея в Римской исторической традиции // Норция. Вып. 4–5. Воронеж, 1999. С. 128–141.

181. *Рязанов В. В.* Политические цели и методы Секста Помпея и Октавиана Августа // Норция. Вып. 3. Воронеж, 1999.

182. *Рязанов В. В.* Социальная база государства Секста Помпея // НОВИК. Вып. 6. Воронеж, 2002.

183. *Саркисян Г. Х.* Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин. Москва: Наука, 1960.

184. *Саркисян Г. Х.* Царица Эрато // Кавказ и Византия. № 6. Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1988. С. 14–23.

185. Сборник документов по социально-политической истории Византии / Отв. ред. акад. Е. А. Косминский. Москва, 1951.

186. *Смирнов А. В.* Ибн Халдун и его «новая наука» // Историко-философский ежегодник 2007. Москва: Наука, 2008.

187. *Смыков Е.* Марк Антоний Критский – ординарный человек с неординарными полномочиями // *Studia historica*. 2012. № XII. С. 105–118.

188. *Снисаренко А. Б.* Властители античных морей. Москва, 1986.

189. *Снисаренко А. Б.* Властители античных морей. Москва: Мысль, 1986.

190. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. Москва: Политиздат, 1992.

191. *Степанян А. А.* Развитие исторической мысли древней Армении и Мовсес Хоренаци. Миф. Рационализм. Историческое описание. – Ереван: Изд. АН Армении, 1991.

192. Сугур: Нейтральная территория между Византией и Халифатом // Автор: Lion / На основании статьи академика А.Н. Тер–Гевондяна. // <http://milhistory.listbb.ru/viewtopic.php?f=24&t=321>

193. *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. Перевод с английского С. А. Ляковского. Предисловие проф. С.И. Ковалева. Москва: Издательство иностранной литературы, 1949.

194. *Тер–Гевондян А. Н.* Армения и Арабский халифат // Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1977. (321 с.)

195. *Теребихин Н. М.* Метафизика Севера. Архангельск: Поморский университет, 2004. (272 с.)

196. *Тер–Саакян К.* Армянские императоры Византии. Т. 1. Венеция, 1905. (н арм. яз.)

197. *Тирация Г. А.* Страна Коммагена и Армения // Известия Академии наук Арм. ССР. Общественные науки, 1954, № 3.

198. *Тойнби А.* Постигание истории. Москва, 1991 (эпитома 12–томного соч. Тойнби (Toynbee A. A. Study of History. L., 1934–1961), сделанная в 1972 г.).

199. *Токмаков В. Н.* Армия и государство в Риме: от эпохи царей до пунических войн. Москва: КДУ 2007. (264 с.)

200. *Толстой Л. Н.* Казаки. Москва: Художественная литература, 1936.

201. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. Второе издание, исправленное и дополненное. Москва: Издат. фирма «Восточная литература», РАН 1998. (800 с.)

202. *Фролова Е.* История средневековой арабо–исламской философии. Москва: ИФРАН, 1995. (175 с.)

203. *Хишам, Абд аль-Малик ибн.* Жизнеописание пророка Мухаммада. Рассказанное со слов аль-Баккаи, со слов Ибн Исхака аль-Мутталиба (первая половина VIII века). Перевод с арабского Я. А. Гайнуллина. Москва: Издательский дом «УММА», 2003.

204. *Хлезов А. А.* Морские войны Рима. – Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.

205. *Шагинян А.* Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти; С.-Петерб. гос. ун-т. Санкт-Петербург: Алетей, 2011. (511 с.)

206. *Шагинян А.* Первые нашествия арабов на Армению и ответные походы армяно-византийских отрядов (Некоторые хронологические уточнения) // Историко-филологический журнал НАН Республики Армения. 2007. № 2 (175). Ереван, 2007. С. 224–235.

207. *Шагинян А. К.* Система административного деления и управления Арабскою халифата в Армении и Арминии // «Вестник Московского Университета» (Востоковедение). 2008. № 3. С. 68–85.

208. *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. Ростов-Дон: Феникс, 1997.

209. *Шидфар Б. Я.* Народный роман о Зат аль-Химме / Жизнеописание доблестной Фатимы и повествование о подвигах ее славных предков» Перевод с арабского, предисловие и примечания Шидфар Б. Я.; Перевод стихов Рейна Е. Б. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987.

210. *Шилз Э.* Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. Москва: Прогресс, 1972.

211. *Шифман И. Ш.* Цезарь Август. Ленинград: Наука, 1990.
Шмитт К. Море против земли. Москва, 2007.

212. *Шмитт К.* Море против земли. Москва: Просвещение, 2007.

213. *Шмитт К.* Планетарная напряжённость между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря. Москва: Канон-Пресс-Ц, 2000.

214. *Шмитт К.* Теория партизана / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. Москва: Праксис, 2007. (301 с.)

215. *Штаерман Е. М.* Социальные основы религии Древнего Рима. Москва: Наука, 1987.

216. *Штаерман Е. М.* Социальные основы религии Древнего Рима. Москва, 1987

217. *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. Наука [Ленинградское отделение], 1964 (230 с.)

218. *Якушенков С. Н., Якушенкова О. С.* «Власть земли»: формирование новой инаковости в условиях фронта // Журнал фронтальных исследований. 2016, №1.

219. *Яннарас Х.* (2005). Избранное: Личность и Эрос. Москва: Российская политическая энциклопедия.

Литература

220. *Abbott F.F., & Chester A.* Municipal Administration in the Roman Empire. Princeton: Princeton university press, 1926.

221. *Abel, N., D. H. M. Cumming, and Anderies J. M.* Collapse and reorganization in social-ecological systems: questions, some ideas, and policy implications. Ecology and Society 11(1): 17. [online] URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol11/iss1/art17/>

222. *Adontz N.* Etudes arméno-byzantines, Livraria Bertrand. Lisbonne: Imprimerie IMPRESSA, 1965, 440 p. (Coll. Bibliothèque arménienne de la Fondation Calouste Gulbenkian). Pp. 347–407 (384).

223. *Ahrweiler H.* La frontiere et les frontieres de Byzance en Orient. // Actes du XIVe Congres International des etudes byzantines/Helen Ahrweiler. Bucaresti, 1974.

224. *Andrade N. J.* Syrian identity in the Greco-Roman world. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

225. *Atvur O.* Olympos Antik Kenti (1991-1992 Çalışmaları). // Arkeoloji ve Sanat 88, 1999.

226. *Avidov A.* Were the Cilicians a Nation of Pirates? // Mediterranean historical review, vol.12 nr. 1, 1997. 5-55.

227. *Baer J. H.* The Complicated Plot of Piracy // Eighteenth century: Theory and Interpretation. Johns Hopkins University Press Vol. 23. 1982. Pp. 3-28.

228. *Baetens R.* The organization and effects of Flemish privateering in the seventeenth Century / R. Baetens. In: Acta Historiae Neerlandicae, 9, 1976. 48-76.

229. *Bagby Ph.* Culture and History: Prolegomena to the Comparative Study of Civilization. Westport Conn.: Greenwood Press, 1976.

230. *Bagnall R. S. and Frier B. W.* The demography of Roman Egypt, Cambridge Studies in Population, Economy and Society in Past Time, 23, Cambridge: Cambridge University Press, 1994. (xix + 354 p.)

231. *Baker P. A.* Medical care for the Roman army on the Rhine, Danube and British Frontiers in the first, second and early third centuries AD. BAR International series 1286. Oxford: Newcastle University, 2004.

232. *Bartusis M. C.* The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204-1453. Philadelphia, 1992 (438 p.).

233. *Baslez M.-F.* La famille de Philorappus de Commagene. Un prince entre deux mondes. Dialogues d'histoire ancienne, 1992. 18 (1). Pp. 89-101. doi: 10.3406/dha.1992.1979.

234. *Bean G. & Mitchell S.* "Lycia. *Oxford Classical Dictionary*". Ed. S. Hornblower & A. Spawforth, 894-895. Oxford: Oxford University Press, 1996.

235. *Beck R.* The Mithras Cult as Association. In: Studies in Religion, 21, 1992. P. 3-13.

236. *Bedoukian P. Z.* Coinage of the Armenian Kingdoms of Sophene and Commagene. Los Angeles: The Armenian Numismatic Society. Museum Notes 28, 1985. P. 71-87.

237. *Benedikt B. S.* The evolution of the Varangian regiment in the Byzantine army. In: Byzantinische Zeitschrift. Vol. 62, Ausgabe 1, 1969. S. 20-24.

238. *Bernhard R.* Das Reduit. Mythen und Fakten: militärischer Notbehelf, Rettungsanker der Nation, Mythos, Gegenmythos. Institut Libertas, Biel/Bienne 2007.

239. *Bertrand J. M.* Roman policy and piracy in the Eastern Mediterranean from the 3rd century BC to the 1st century BC [Lang.: French] / J. M. Bertrand. In: Latomus, vol. 54 nr. 4, 1995.

240. *Bickerman E. J., Gabba E., Smith M.* Religions and politics in the Hellenistic and Roman periods. Como, 1985.

241. *Birley E.* The Deities of Roman Britain. In: Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, II, 18.

242. *Bouchier E. S.* Syria as a Roman Province. Oxford: B. H. Blackwell, 1916. (304 p.)

243. *Bowersock G. W.* Syria under Vespasian. In: Journal of Roman Studies, 1973.

244. *Bowman A. K., Champlin E. & Lintott A.* The Augustan Empire, 43 B.C.-A.D. 69. Cambridge, 1996.

245. *Brennan T. C.* The poets Julia Balbilla and Damo at the colossus of Memnon. In: The Classical World, 1998, 91(4). Pp. 215-234.

246. *Broun D.* Rome and the Friendly Kings. The Character of the Client Kingship. London & Canberra, New York: Croom Helm, 1984.

247. *Bryer A.* A Byzantine Family: the Gabrades. In: University of Birmingham Historical Journal, 12, 1970.

248. *Butcher K.* Roman Syria and the Near East. London: British Museum Press, and Los Angeles, Getty Museum Press, 2003.

249. *Camp J. M.* The Archaeology of Athens. New Haven: Yale University Press, 2004.

250. *Casson L.* The Ancient Mariners: Seafarers and Sea Fighters of the Mediterranean in Ancient Times / Lionel Casson. New York: Macmillan, 1959.

251. *Chahin M.* The Kingdom of Armenia: A History. Bristol, 2001.

252. *Charanis P.* Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century. In: *Dumbarton Oaks Papers* 13, 1959.

253. *Charanis P.* Observations on the Demography of the Byzantine Empire. *Observations on the Demography of the Byzantine Empire. Collected Studies. With a preface by Speros Vryonis Jr., VARIORUM REPRINTS.* London, 1972. P. 1–19.

254. *Charanis P.* The Armenians in the Byzantine Empire, *Byzantinoslavica* № 22 (1961), Repr. Lisbon, 1963, London, 1972.

255. *Cherry D.* Frontier and society in Roman North Africa. Oxford: Clarendon Press, Oxford, 1998. (xii + 291 p.).

256. *Ching-Yuan Wu* "Live Like a King": The Monument of Philopappus and the Continuity of Client-Kingship. In book: *Perceiving Power in Early Modern Europe.* 2016. Pp. 25–47.

257. *Cirio A. M.* Gli epigrammi di Giulia Balbilla (ricordi di una dama di corte) e altri testi al femminile sul Colosso di Memnone. Caprioli: Pensa, 2011.

258. *Clauss M.* Mithras und Christus. In: *Historische Zeitschrift.* 1986.

259. *Cohen G.M.* The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor. Berkeley. 1996.

260. *Cormack S.* Funerary monuments and mortuary practice in Roman Asia minor. In S. Alcock (Ed.), *The early Roman empire in the East.* Oxford: Oxbow, 1997. Pp. 137–156.

261. *Cotton H. M. & Eck W.* Josephus and the Roman elites. In J. Edmondson, S. Mason, & J. Rives (Eds.), *Flavius Josephus and Flavian Rome.* Oxford: Oxford University Press, 2005. Pp. 37–52.

262. *Crijns M.* The Discovery of the Colossal Coronation Horoscope of Antiochus I, King of Commagene on Mt. Nemrud. *BABESCH* 97, 2022. Pp. 77–91. International Nemrud Foundation The INF is a certified Public Benefit Organisation according to the Dutch law. doi: 10.2143/BAB.97.0.3290534. URL: <http://nemrud.nl/wp-content/uploads/2022/06/THEDIS1.pdf>

263. *Cruse A.* Roman medicine. Stroud: Tempus, 2004.

264. *Cumont F.* Textes et Monuments figures aux mysteres de Mithra. Bruxelles, 1896–1899. T. 1–2.

265. *Cumont F.* The Oriental Religions in Roman Paganism. Chicago: The Open Court Publishing Company, 1911.

266. *Dadoyan S. B.* The Armenians in the Medieval Islamic World: Armenian Realpolitik in the Islamic World and Diverging Paradigms: Case of Cilicia Eleventh to Fourteenth Centuries. New Brunswick: Transaction Publishers, 2013. (318 p.)

267. *D'Amato R.* (Author) and *Sumner G.* (Illustrator) Roman Military clothing (2) AD 200 to 400 (Men-at-Arms). Oxford: Osprey Publishing, 2002. (428 p.)

268. *Daniels Ch. M.* The role of the Roman army in the spread and practice of Mithraism. In: Hinnels, John R. / *Mithraic Studies: Proceedings of the First International Congress of Mithraic Studies,* Manchester UP, 1975. II. Pp. 459–474.

269. *Davidson D. P.* The barracks of the Roman army from the 1st to 3rd centuries A. D., vol. I (3 vols.). Oxford: British Archaeological Reports (International Series, 472), 1989. (xiv + 914 pp.)

270. *Davies K. W.* Service in the Roman Army / Ed. by D. Breeze and V. A. Maxfield. New York: Columbia UP, 1989.

271. *Davies R. W.* The roman military medical service. In: *Saalburg-Jahrbuch* 27, 1970. Pp. 84–104.

272. *de Bruyn M.* Machiavelli and the politics of virtù. Weinstein, Purdue University: <https://docs.lib.purdue.edu/dissertations/AAI3113789/>. Дата обращения: 08.12. 2022
273. *De Souza Ph.* Ancient Rome and the pirates / Philip de Souza. In: *History Today*. Vol. 51 nr.: 7, 2001. Pp. 48–53.
274. *De Souza Ph.* Greek Piracy / Philip de Souza. In: *The Greek World* / A. Powell (ed.). London, 1995.
275. *De Souza Ph.* Piracy and Republican politics, review of Pohl / Philip de Souza. In: *Classical Review*, vol. 45, 1993.
276. *De Souza Ph.* Piracy in the Graeco–Roman world / Philip de Souza. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
277. *De Souza Ph.* Romans and pirates in a late Hellenistic oracle from Pamphylia / Philip de Souza. In: *Classical Review*, vol. 47, 1997. Pp. 477–481.
278. *Düdüyan G.* Les Arméniens sur la frontière sud–orientale de Byzance, fin IXe–fin XIe siècles. In: *La Frontière. Séminaire de recherche*. Lyon. MOM editions Anne 1993 21. Pp. 67–85.
279. *Düdüyan G.* Mleh le Grand, stratège de Lycandos. In: *Revue des études arméniennes*, 15, 1981. Pp. 73–102.
280. *Dell H. J.* The origin and nature of Illyrian piracy / H.J. Dell. In: *Historia*, 1967. Vol.16. 344–358.
281. *Dennis G.* Maurice's Strategikon: Handbook of Byzantine military strategy. University of Pennsylvania Press, 1984. P. 58–63.
282. *Diler A.* Lykia Olympos Dağında Bir Çın Araştırma. In: *Türk Arkeologiji Dergisi* 29, 1991. Pp. 161–176.
283. *Dodgeon M. H., Lieu N. S.* The Roman Eastern frontier and the Persian wars: a documentary history. [Pt. I], AD 22–363. London [etc.]: Routledge 1991.
284. *Donald H. Sanders (Hrsg.)* Nemrud Dagi: The Hierothesion of Antiochus I of Commagene (Volume 1, Illustrations): Results of the American Excavations Directed by Theresa B. Goell. Theresa Goell

(Editor), H. G. Bachmann (Editor), Donald Hugo Sanders (Editor). Eisenbrauns, Winona Lake, Ind. 1996.

285. *Dyrner F. K. and Goell T.* Arsameia am Nymphaios. In: *Istanbuler Forschungen* (далее: IF) 23, Berlin, 1963.

286. *Dyrner F. K. and Naumann R.* Forschungen in Kommagene. In: *Istanbuler Forschungen* 10, Berlin, 1939.

287. *Dyrner F. K.* ed., Kommagene. Geschichte und Kultur einer Antike Landschaft // *Antike Welt* 6, 1975.

288. *Dyrner F. K.* Epigraphy analysis. In D. H. Sanders (Ed.), *Nemrud Dagi. The Hierothesion of Antiochus I of Commagene* (Vol. 1. Pp. 361–377). Eisenbrauns: Winona Lake, 1996.

289. *Dyrner F. K.* Kommagene, Götterthron und Königsgedäber am Euphrat. Neue Entdeckungen der Archäologie, Bergisch Gladbach, Germany, 1981.

290. *Dyrner F. K.* Zur Rekonstruktion der Ahnengallerie des Königs Antiochos I von Kommagene. In: *Istanbuler Mitteilungen* 17, 1967. Pp. 195–210.

291. *Dr. McLaughlin R.* Rome Distant East: Trade Routes to the Ancient Lands of Arabia, India and China. London & New York: Continuum. 2010. (36 p.)

292. *Dumüzil G.* Mithra–Varuca. Essai sur deux représentations indo–européennes de lésouveraineté. Paris, 1940.

293. *Edmundson G.* Anglo–Dutch Rivalry During the First Half of the Seventeenth Century: Being the Ford Lectures, Delivered at Oxford in 1910.

294. *Edmundson G.* Anglo–Dutch rivalry during the first half of the Seventeenth Century / G. Edmundson. Oxford: Clarendon Press, 1911.

295. *Edwell P. M.* Between Rome and Persia. The middle Euphrates, Mesopotamia and Palmyra under Roman control Between Rome and Persia. London and New York: Routledge is an imprint of the Taylor & Francis Group, an informa business. 2008.

296. *Egmond F.* Underworlds: organized crime in the Netherlands 1650–1800 / Florike Egmond. Cambridge: Polity Press, 1993.

297. *Elsner J.* Art and the Roman viewer. The transformation of art from the pagan world to Christianity. Cambridge: Cambridge University Press, 1995

298. *Fabey M.* Bad times spur pirates / Michael Fabey. In: *Traffic World*, vol. 257, 1999 Feb 22, nr. 8.

299. *Fabey M.* Pirates private and public / Michael Fabey. In: *Traffic World*. Vol. 256, N 10. Dec 7. 1998.

300. *Facella M.* Advantages and disadvantages of an allied kingdom: The case of Commagene. In: T. Kaiser & M. Facella (Eds.), *Kingdoms and principalities in the Roman near East*. Stuttgart: Franz Steiner, 2010. Pp. 181–198.

301. *Facella M.* La dinastia degli Orontidi nella Commagene ellenisticoromana. Pisa: Giardini, 2006.

302. *Feld K.* Barbarische Bürger: die Isaurier und das Römische Reich. de Gruyter, Berlin, 2005.

303. *Ferrill A.* Caligula: Emperor of Rome. London: Thames and Hudson, 1991. (185 p.)

304. *Finlay G.* History of the Byzantine and Greek Empires from 1057–1453. Volume 2. Edinburgh: William Blackwood & Sons, 1854.

305. *Fischer.* Trapezus im XI–XII Jahrh. Mittheil d.Inst, oester. Geschichtsforsch. XB, II, 1889.

306. *Fraser P. M.* The Kings of Commagene and the Greek World // *Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens: Festschrift für Friedrich Karl Dörner zum 65. Geburtstag am 28. Februar 1976* / hrsg. von Sencer Sahin, Elmar Schwertheim, Jorg Wagner Leiden: E. J. Brill, 1978. In 2 vol. Vol. 1. Pp. 359–374.

307. *Frere S.* Britannia. A History of a Roman Britain. London: Pimlico, 1991.

308. *Frere S.* Britannia. A History of a Roman Britain. London: Pimlico, 1991.

309. *Gabba E.* Roman politics and Eastern Mediterranean piracy from the 3rd century BC to the 1st century BC [Lang.: Italian] / E. Gabba. In: *Athenaeum—Studi Periodici di Letteratura e Storia dell'Antichità* vol. 84, 1996. nr. 1.

310. *Gabbert J. J.* Piracy in the early Hellenistic period: a career open to talents / J. J. Gabbert. In: *Greece & Rome*, Vol. 33, 1986. Pp. 156–163.

311. *Gabrielsen V.* Economic activity, maritime trade and piracy in the Hellenistic Aegean / Vincent Gabrielsen. In: *Revue des études anciennes*, vol. 103, nr. 1–2, 2001. Pp. 219–240.

312. *Garbsch J. G.* Der spätromische Donau–Iller–Rhein–Limes. Stuttgart 1970.

313. *Garsonian N. G.* The problem of Armenian integration into the Byzantine Empire. In: Ahrweiler, H. – Laiou, A. E., (ed.). In: *Studies on the internal diaspora of the Byzantine Empire*. Washington D.C., 1998. Pp. 58–61.

314. *Garsonian N.* The Paulician Heresy. A Study of the Origin and Development of Paulicianism in Armenia and the Eastern Provinces of the Byzantine Empire, The Hague – Paris 1967.

315. *Gautschi W.* General Henri Guisan: Die schweizerische Armeeführung im Zweiten Weltkrieg. 4. Auflage. Verlag NZZ, Zürich 2001.

316. *Gonda J.* Mitra and Mitra, the Idea of 'Friendship' in Ancient India. In: *Indologica Taurinensia* 1, 1973. P. 71–107.

317. *Gonda J.* The Vedic God Mitra (*Orientalia Rheno-Traiectina*, Vol. XIII). viii, 147pp. Leiden: E.J. Brill, 1972.

318. *Graf D.* The Via Militaris and the Limes Arabicus. In: *Roman Frontier Studies 1995: Proceedings of the XVIth International Congress of Roman Frontier Studies*, ed. W. Groenman–van Waateringe, B. L. van Beek, W. J. H. Willems, and S. L. Wynia. Oxbow Monograph 91. Oxford: Oxbow Books.

319. *Grant M.* Roman Imperial Money. London, Edinburgh, Paris, Melbourne, Toronto, and New York: Thomas Nelson and Sons Ltd, 1954.

320. *Gravett C. and Nicolle D.* The Normans: Warrior Knights and their Castles. Oxford: Osprey Publishing, 2006.

321. *Gray E. W.* The Roman Eastern limes from Constantine to Justinian – Perspectives and Problems. Proceedings of the African Classical Association 12, 1973.

322. *Greatrex G., Lieu S.* The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars: [Pt. II], AD 363 – 630: a narrative sourcebook. London: Routledge, 2002. (408 p.)

323. *Gregory S.* Was There an Eastern Origin for the Design of Late Roman Fortifications?: Some Problems for Research on Forts of Rome's Eastern Frontier. In: "The Roman Army in the East", ed. D. L. Kennedy. Journal of Roman Archaeology Supplementary Series, 18. Ann Arbor, MI: Journal of Roman Archaeology.

324. *Habermas J.* The Horrors of Autonomy: Carl Schmitt in English. In: Habermas. The New Conservatism: Cultural Criticisms and the Historians' Debate. Cambridge, 1989.

325. *Hadas M.* Sextus Pompey. New York: Columbia University Press, 1930.

326. *Haensch R.* The Roman provincial administration. In C. Hezser (Ed.), The Oxford handbook of Jewish daily life in Roman Palestine. Oxford: Oxford University Press, 2010. Pp. 71–85.

327. *Hamilton E.* Sea wolves of the Mediterranean. London: Published by Philip Allan & Co, 1928.

328. *Hanel N.* Military camps, *canabae*, and *vici*: the archaeological evidence. In: P. Erdkamp (ed.) *A companion to the Roman army*. Oxford: Blackwell Publishing, Ltd. 2007. P. 395–415.

329. *Hartmann M., Speidel M. A.* The Roman army at Zeugma: recent research results. In: R. Early et al., Zeugma: Interim Reports. Journal of Roman Archaeology. Suppl. Seris 51, 2003. Pp. 100–121.

330. *Haywood J.* Dark age naval power: a re-assessment of Frankish and Anglo-Saxon seafaring activity / John Haywood. London [etc.]: Routledge, 1991.

331. *Hebb D. D.* Piracy and the English Government, 1616–1642 / David Delison. Aldershot: Scolar Press, 1994.

332. *Heeres W. G.* From Dunkirk to Danzig: shipping and trade in the North-Sea and the Baltic 1350–1850 / ed. by W. G. Heeres ... [et al.]. Hilversum, 1994.

333. *Henig M.* Throne, Altar and Sword: Civilian Religion and the Roman Army in Britain. Cultural Relationships in a Frontier Province. Ed. T. F. C. Blagg, A. C. King. BAR British series. N136. London, 1984. P. 227–248.

334. *Hoepfner W.* Arsameia am Nymphaios. II, I, IF 33, Tübingen, 1983.

335. *Hoppe E. O.* Pirates, buccaneers and gentlemen adventurers. South Brunswick And New York/London: Barnes & Noble Bookstore in East Brunswick, 1972. (139 p.)

336. *Humann K. und Pushstein O.* Reisen in Kleinasien und Nordsyrien. Textband. Berlin: Reimer, 1890.

337. *Invernizzi A.* Kifrin and the Euphrates Limes. In: Defence of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986, ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy, BAR int. Ser. 297, Oxford, 1986. P. 357–381.

338. *Irwin R.* Toynbee and Ibn Khaldun. Middle Eastern Studies. Iss. 33, 1997. P. 461–479.

339. *Isaac B.* The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxford: Clarendon Press, 1990.

340. *Jackson A. H.* Privateers in the ancient Greek world / A. H. Jackson. In: War and society: historical studies in honour and memory of J. R. Western 1928–1971 / Foot, M. R. D. (ed.). London, 1973. P. 241–253.

341. *Jackson A. H.* War and raids for booty in the world of Odysseus / A. H. Jackson In: War and society in the Greek world / J. Rich, G. Shipley (eds.). – London, 1993. P. 64–76.

342. *Jackson R.* Doctors and diseases in the Roman empire. Norman and London, University of Oklahoma Press, 1988. (207 p.)

343. *Jaczynowska M.* Religie swiata rzymskiego. Warszawa, 1990.

344. *Johnson A.* Roman forts of the 1st and 2nd centuries AD in Britain and the German provinces. London: Adam & Charles Black, 1983. (368 p.)

345. *Jones A. H. M.* The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford: Sandpiper Books. Original edition 1937, Oxford: Oxford University Press, 1998.

346. *Kaiser T., & Facella M.* (Eds.) Kingdoms and principalities in the Roman near East. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010.

347. *Kazhdan A. P., Epstein A. W.* Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkeley–Los Angeles–London: University of California Press, 1985. (321 p.)

348. *Kazhdan A.* The Oxford Dictionary of Byzantium. New York and Oxford, 1991.

349. Kazhdan, 'Armenians', in *Kazhdan A. P.* (ed.), *The Oxford Dictionary of Byzantium*, vol. 1, New York – Oxford 1991.

350. *Keith G. Young.* Rome's eastern trade: international commerce and imperial policy, 31 BC–AD 305. Routledge, London, New York, 2001. (209 p.)

351. *Keppie L.* The Making of the Roman Army from Republic to Empire. London: Batsford, 1984.

352. *Kleiner D.* Athens under the Romans: The patronage of emperors and kings. In C. McClendon (Ed.), Rome and the provinces. Studies in the transformation of art and architecture in the Mediterranean. New Haven: New Haven Society of the Archaeological Institute of America, 1986. Pp. 8–20

353. *Kleiner D.* The monument of Philopappus. Roma: G. Bretschneider, 1983.

354. *Kropp A. J. M.* Images and monuments of near eastern dynasts, 100 BC–AD 100. Oxford: Oxford University Press, 2013.

355. *Langlois V.* Voyage dans la Cilicie. La route de Tarse en Cappadoce, Revue archéologique XXVI. Paris: B. Duprat, 1861.

356. *Larsen J. A. O.* Representation and Democracy in Hellenistic Federalism. In: Classical Philology 40, 1952. Pp. 65–96.

357. *Launey M.* Recherches sur les armées Hellénistiques. Paris: E. de Boccard, 1949. Pp. xi + 624.

358. *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. Volume 1. Paris: E. de Boccard, 1949. (1315 p.)

359. *Le Bohec Y.* The imperial Roman army. London: B. T. Batsford Ltd. Routledge, 1994 (first published in French, 1989).

360. *Lee A. D.* At the Interface: the Frontier Regions (Chapter 2). In book: Information and frontiers: Roman foreign relations in late antiquity. Cambridge: Cambridge University Press; 1st edition. August 27, 1993. P. 49–78. (236 p.)

361. *Liebeschuetz W.* Continuity and Change in Roman Religion. Pp. xv + 359. Oxford: Oxford University Press, 1979.

362. *Mackensen M.* Raetia: late Roman fortifications and building programmes. In: J. D. Creighton und R. J. A. Wilson (Hrsg.): Roman Germany. Studies in Cultural Interaction (Journal Roman Arch. Suppl. 32), Portsmouth 1999. S. 199–244.

363. *MacMullen R.* Paganism in the Roman Empire. New Heaven: Yale Univ. Press; New York: Oxford Univ. Press, 1981.

364. *Macmullen R.* Roman Legion as Society. In: Historia. 1984. Bd. 33. S. 440–456.

365. *Macmullen R.* Soldier and Civilian in the Late Roman Empire. Cambridge (Mass.), 1963.

366. *Macoudi.* Les Prairies d'or: Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1863. T. II.

367. *Mahdi M.* Ibn Khaldun's philosophy of history. London: Allen & Unwin, 1957.

368. *Malcolm A. R. Colledge* The Parthians. Thames and Hudson. London, 1967. P 37–44.

369. *Mann J. C.* Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate. London: Institute of Archaeology, University of London, 1983.

370. *Mansfield H. C.* Machiavelli's Virtue. Chicago, London: University of Chicago Press, 1992.

371. *Margaryan E.* Contemporary nomothetic approaches to the analysis of world history dynamics: “Re-orientation” or “Orientalisation” of contemporary historiographical awareness. // Heteroeuropeanisations: (In) capacity to stay Marginals. University of Naples “L’Orientale” (Department of Asian, African and Mediterranean Studies): Series Minor (ISSN 1824–6109), vol. XCII (forthcoming) Napoli: UniorPress, 2021. P. 575–603.

372. *Maryti E.* Die Rolle der Seeräuber in der Zeit des Mithridatischen Krieges / E. Maryti In: Ricerche storiche ed economica in memoria di Corrado Barbagallo, a cura di Luigi de Rosa, Naples vol.1, 1971. Pp. 479–493.

373. *Maryti E.* Die Rolle der Seeräuber unter den Anhängern des Sextus Pompeius / E. Maryti In: Sozialökonomische Verhältnisse im Alten Orient und Klassischen Altertum / H. Diesner (ed.). – Berlin, 1961.

374. *Maryti E.* Piracy around Sicily at the time of C. Verres' propraetorship [title transl. from Greek] / E. Maryti. In: Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, vol.4, 1956. 197–210.

375. *Marrin A.* The sea rovers: pirates, privateers, and buccaneers / by Albert Marrin. New York: Atheneum, 1984.

376. *Mattern S. P.* Rome and the Enemy. Imperial Strategy in the Principate. Berkeley–Los Angeles–London: University of California Press, 1999.

377. *Miles R.* Communicating culture, identity, and power. In J. Huskinson (Ed.), Experiencing Rome. Culture, identity and power in the Roman empire. New York: Routledge in association with Open University Press, 2000. Pp. 29–62.

378. *Millar F.* Emperors, frontiers and foreign relations, 31 BC to AD 378. *Britannia*. 1982, 13, 1–23.

379. *Millar F.* The Roman near East. 31 BC–AD 337. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.

380. *Nicolle D.* An introduction to arms and warfare in classical Islam. In: Islamic Arms and Armour, ed. Robert Elgood, London, 1979.

381. *Notopoulos J. A.* The method of choosing archons in Athens under the empire. *American Journal of Philology*. 1944. 65(2). P. 149–166.

382. *Obolensky D.* Byzantine frontier zones and cultural exchanges / D. Obolensky. In: Actes du XIVe Congrès International des études byzantines. Bucaresti. Pp. 303–312.

383. *Oikonomides N.* Les Listes prânsiance byzantines des IXe–Xe siècles. Introduction, texte, traduction et commentaire / N. Oikonomides. Paris, 1972.

384. *Oliver J. H.* Diadoche at Athens under the Humanistic Emperors. In: *American Journal of Philology*, 98 (2), 1977. Pp. 160–178.

385. *Oliver J. H.* Athenian citizenship of Roman emperors. In: *Hesperia*. 1951, 20(4), 346–349.

386. *Oliver J. H.* Diadoche at Athens under the Humanistic Emperors. In: *American Journal of Philology*, 98 (2), 1977. Pp. 160–178.

387. *Oliver J. H.* Flavius Pantaenus, priest of the philosophical Muses. In: *The Harvard Theological Review*, 72(1/2), 1979. Pp. 157–160.

388. *Oliver J. H.* Roman emperors and Athens. In: *Historia* 1981. N 30. 4. Pp. 412–423.

389. *Oliver J. H.* The civic tradition and Roman Athens. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1983.

390. *Ormerod H. A.* Piracy in the ancient world. An essay in Mediterranean history. Original edition University Press, Liverpool 1924. Neuauflage: Johns Hopkins University Press, 1996.

391. *Ormerod H. A.* The Campaigns of Servilius Isauricus against the pirates / Henry A. Ormerod. In: *Journal of Roman Studies*, vol.12. 1992. Pp. 35–56.

392. *Ostrogorski G.* Geschichte des byzantinischen Staates. Munchen: Beck, 1940.

393. *Özer E.* The Lycian League and Olympus. Eastern Lycia (Doğu Likya'da Likya Birliğive Olympus). In: *Mediterranean Journal of Humanities*. 1, 2013. Pp. 211–224. Источник: <http://mjh.akdeniz.edu.tr/enIII/>

394. *Parker S.* The Roman Frontier in Central Jordan. In: *Interim Report on the Limes Arabicus Project, 1980–1985*. BAR International Series, 340. Oxford: British Archaeological Reports, 1987.

395. *Parry J. H.* Trade and dominion / J. H. Parry. London, 1971.

396. *Peek W.* Orakelaus Dodona für den Piratenkönig Zeniketes. In: *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 30. 2013. Pp. 247–248.

397. *Pertusi A.* Tra storia e leggenda: akritai e ghazi sulla frontiera orientale di bizanzio / A. Pertusi. In: *Actes du XIVe Congrès International des études byzantines*. Bucaresti, 1974.

398. *Petrikovits H. V.* Die Innenbauten römischer Legionslager während der Prinzipatszeit, Opladen. Abhandlungen der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften (German Edition) Taschenbuch – 1. Januar 1975.

399. *Phang S. E.* Intimate conquests: Roman soldiers' slave women and freedwomen. In: *Ancient World* 35, 2004. Pp. 207–237.

400. *Phang S. E.* The marriage of Roman soldiers (13 BC – AD 235): law and family in the imperial army. Leiden. Leiden, Boston, Cologne: Brill, 2001. Pp. vi + 470.

401. *Plant I. M.* (Ed.) Women writers of ancient Greece and Rome: An anthology. Norman: University of Oklahoma Press, 2004.

402. *Pohl H.* Die römische Politik und die Piraterie im nördlichen Mittelmeergebiet vom 3. bis zum 1. Jahrhundert v. Chr. (Untersuchungen Zur Antiken Literatur Und Geschichte) (German Edition). De Gruyter; Reprint 2011 ed. Edition, 1993.

403. *Pollard N.* Soldiers, cities, and civilians in Roman Syria. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. x, 349 p.

404. *Pollard N.* Soldiers, cities, and civilians in Roman Syria. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001.

405. *Prinzling F.* Epidemics resulting from wars, Oxford: Clarendon Press, 1916.

406. *Pryor J. H., Jeffreys E. M.* The Age of the ΔΡΟΜΩΝ: The Byzantine Navy ca. 500–1204. Brill, 2004. (754 p.)

407. *Puchstein O.* Arsameia (am Euftrat). In: *Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft* 3, 1895.

408. *Quigley C.* The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis. Indianapolis. New York: Macmillan, 1961 (2nd ed. 1979).

409. *Raggi A.* The First Roman Citizens among Eastern Dynasts and Kings. In: *Kaizer and Facella* 2010. Pp. 81–97.

410. *Raggi A.* The First Roman Citizens among Eastern Dynasts and Kings: In Kingdoms and Principalities in the Roman Near East 2010.

411. *Rauh N. K.* Who were the Cilician pirates? / N. K. Rauh. In: *Res maritimae: the cities on the sea*. Chicago, 1998.

412. *Rauh N. K., Townsend R. W., Hoff M., Wandsnider L.* Pirates in the Bay of Pamphylia: an archaeological inquiry. In: *Oliver, G. J., Brock, R., Cornell, T. J., and Hodkinson, S., (eds.) The Sea in*

Antiquity, British Archaeological Reports International Series 899. Oxford, 2000. Pp. 151–180.

413. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaften herausgegeben v. Pauly–Wissowa. B. XIII, S. 2270–2291.

414. *Richmond I.* Roman Legionaries at Corbridge, their Supply-base, Temples, and Religious cults. In: *Archaeologia Aeliana*. 1943. 21. 4th series. Pp. 149–214.

415. *Richmond I.* The Roman Army and Roman Religion. In: *Bulletin of the John Rylands Library*. Manchester, 1963. 45. Pp. 185–197.

416. *Rosenmeyer P.* Greek verse inscriptions in Roman Egypt: Julia Balbilla's sapphic voice. *Classical Antiquity*, 2008. 27(2), 334–358.

417. *Rosenstein N.* Rome at war: farms, families, and death in the Middle Republic. *Studies in the history of Greece and Rome*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2004. 1 online resource (x, 339 pages).

418. *Rosser J. H.* *Historical Dictionary of Byzantium*. 2nd ed. Lanham: Scarecrow Press, 2011.

419. *Salazar C. F.* The treatment of war wounds in Graeco-Roman antiquity, Leiden: Brill, 2000.

420. *Sallares R.* Malaria and Rome: a history of malaria in ancient Italy. In: *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. Oxford University Press. Volume 60, Number 1, January 2005. Pp. 102–103.

421. *Saller R. P.* and *Shaw B. D.* Tombstones and Roman family relations in the Principate: civilians, soldiers, and slaves. In: *Journal of Roman Studies* 74, 1984. Pp. 124–155.

422. *Saller R. P.* *Patriarchy, property and death in the Roman family*. Cambridge: Cambridge University Press; 1st edition. November 28, 1996.

423. *Sanders D. H., & Young J. H.* Sculpture analysis. In: D. H. Sanders (Ed.), *Nemrud Dagi. The Hierotheseion of Antiochus I of Commagene*. Vol. 1. Eisenbrauns: Winona Lake, 1996. Pp. 378–471.

424. *Santangelo M.* Il Monumento di C. Julius Antiochos Philopappus in Atene. *Annuario della Scuola Archeologica di Atene*. In: *Numismatic Studies*, 1947 3–5. Pp. 153–253.

425. *Sartre M.* *The Middle East under Rome*. Cambridge MA/London: Harvard University Press, 2005.

426. *Scheidel M.* Marriage, Families, and Survival; Demographic Aspects. Paul Erdkamp (ed.) / *A Companion to the Roman Army*. Blackwell Companions to the Ancient World. Oxford: Blackwell Publishing, Pp. xxvi + 57. P. 415–434.

427. *Scheidel W.* 'Roman age structure: evidence and models. In: *Journal of Roman Studies* 91 2001. Pp. 1–26. January 2001. DOI:10.2307/3184767

428. *Scheidel W.* 'Sex and empire: a Darwinian perspective', in I. Morris and W. Scheidel (eds.), *The dynamics of ancient empires* (forthcoming). New York. Oxford University Press, Inc. Pp. 255–325.

429. *Scheidel W.* Death on the Nile: Disease and the Demography of Roman Egypt. Supplement 228 to *Mnemosyne*, subseries History and Archaeology of Classical Antiquity. Leiden: Brill, 2001. xxx + 286 pp.

430. *Scheidel W.* Germs for Rome. In: C. Edwards and G. Woolf (eds.), *Rome the cosmopolis*. Cambridge University Press: Cambridge, 2003. Pp. 158–176.

431. *Scheidel W.* Measuring Sex, Age and Death in the Roman Empire: Explorations in Ancient Demography. By Walter Scheidel. Ann Arbor. In: *Journal of Roman Archaeology*, 1996. – 184 pp.

432. *Schlumberger G.* Un empereur Byzantin au dixieme siecle Nicephore Phocas / G. Schlumberger. Paris, 1890.

433. *Schmidt H.-P.* Indo-Iranian Mitra Studies: The State of the Central Problem. *Ūtudes Mithriaques*. In: *Acta Iranica* 17. Leiden, 1978. P. 345–93.

434. *Semple E. Ch.* Pirate coasts of the Mediterranean Sea. In: *The Geographical Review*, August, 1916.

435. *Shahid I. A.* Byzantium and the Arabs in the Sixth Century. Vol. 1, Part 1 and Part 2. Washington (D.C.); Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1995.

436. *Shepard J.* The English and Byzantium: A Study of Their Role in the Byzantine Army in the Later Eleventh Century. In: *Traditio*. 1973. V. 19. P. 53–92.

437. *Shils E.* Center and periphery: essays in macrosociology. Chicago: Chicago University Press. 1975.

438. *Skinner Q.* The Foundations of Modern Political Thought: Volume 2. The Age of Reformation. Cambridge University Press, 1978.

439. *Smith R. R. R.* Cultural choice and political identity in honorific portrait statues in the Greek East in the second century AD. In: *Journal of Roman Studies*. 88, 1998. Pp. 56–93.

440. *Solway P.* Roman Britain. Oxford, 1982.

441. *Sommer M.* Modeling Rome's Eastern Frontier: The Case of Osroene. In: *Kaizer and Facella*, 2010. Pp. 217–226.

442. *Spawforth A. J. S.* Balbilla, the Euryclids and memorials for a Greek magnate. In: *Annual of the British School at Athens*, 1978 / 73. Pp. 249–260.

443. *Speidel M. A.* Early roman rule in Commagene. In: *Scripta Classica Israelica*. 2005. Pp. 85–100.

444. *Speidel M.* The Religion of Jupiter Dolichenus in the Roman Army. Leiden, 1977.

445. *Speidel M.* Mithras–Orion, Greek Hero and Roman Army God. Leiden: E. J. Brill, 1980.

446. *Steele Ph.* Clothes and Crafts in Roman Times. Gareth Stevens Publishing, 2000.

447. *Stevenson G. H.* Roman provincial administration till the age of the Antonines. Westport: Greenwood Press, 1975.

448. *Stoll O.* The Religion of the Army: A Complex "System". Paul Erdkamp (ed.) / A Companion to the Roman Army. Blackwell Companions to the Ancient World. Oxford: Blackwell Publishing, Pp. xxvi + 574, incl. 2007. P. 452.

449. *Stoneman R.* Palmyra and Its Empire: Zenobia's Revolt against Rome. Ann. Arbor: University of Michigan Press, 2003 (cop. 1992).

450. *Stonequist E. V.* The Marginal man. A Study in personality and culture conflict. New York: Russell & Russell, 1961.

451. *Sullivan R.* The dynasty of Commagene. In book: *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*, 1977. Vol. 2 (8). Pp. 732–798.

452. *Sumner and D'Amato, G. and R.* Roman Military clothing (2) AD 200 to 400, 2002.

453. *Syme R.* Greeks invading the Roman government. In *Roman papers IV*. Oxford: Oxford University Press, 1988. Pp. 1–20.

454. The Encyclopaedia of Islam, sv. *Djardjma*. Brill Publishers / Ed. by P. J. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel and W.P. Heinrichs. Suppl. No.1. Ab–Djughrafiya, 1934.

455. The Taktika of Leo VI. Text, Translation and Commentary. English translation by G. T. Dennis. Dumbarton Oaks, Washington, D.C., 2010.

456. *Thieme P.* Mithra in the Avesta. In: *Ūtudes Mithriaques (Acta Iranica 17)*. Leiden, 1978. P. 501–510.

457. Three Byzantine Military Treatises. / Ed. G.T. Dennis. Wash. Dumbarton Oaks Research Library and Collection; First Edition. January 1, 1985. (396)

458. *Toumanoff C.* Caucasia and Byzantium. In: *Traditio* 27. Volume 27. 1963: 111–158.

459. *Toumanoff C.* Studies in Christian Caucasian History. Washington D. C.: Georgetown University Press, 1963, № 205. Pp. 185–19.

460. *Troxell H.* The Coinage of the Lycian League, №№ 42, 47 etc. / Numismatic Notes and Monographs No. 162. American Numismatic Society, 1982. – 255 p. <http://www.agoraauctions.com/listing/viewdetail/5408#sthash.vAs187jW.dpuf>

461. *Tudor D.* Corpus Equitum Donaviarum. Leiden, 1969–1976. T. 1–2.

462. *Ullmann W.* A History of Political Thought: The Middle Ages. London: Penguin, 1965. (247 p.)

463. *Van Houndt T.* Myrica: essays on neo-Latin literature in memory of Jozef IJsewijn. Edited by Sacré D., Tournoy G. Leuven University Press, 2000.

464. *Vasdravellis J. K.* Klephts armatoles and pirates in Macedonia during the rule of the Turks, 1627–1821 / John K. Vasdravellis. Thessaloniki: Hetaireia Makedonikon Spoudon, 1975.

465. *Vasdravellis J. K.* Piracy on the Macedonian coast during the rule of the Turks / John K. Vasdravellis; transl. by T. F. Carney. Thessaloniki: Hetaireia Makedonikon Spoudon, 1970.

466. *Vassilief A. A.* The Goths in Crimea. Cambridge/Mass, 1936. (292 p.)

467. *Vermaseren M. J.* The New Mithraic Temple in London. In: Numen 2, 1955. P. 139–145.

468. *Waldmann H.* Die kommagenischen Kulturreformen unter König Mithridates I Kallinikos und seinem Sohne Antiochos I. In: Etudes préliminaires aux religions orientales dans l'empire romain 34, Leiden, 1973.

469. *Wallerstein I.* The Modern World-System. 3 vols. New York: Academic Press, 1974 – 1989.

470. *Wallerstein I.* World-System analysis. In A. Giddens & J.H. Turner, eds., Social Theory. Today. Cambridge: Polity Press, 1987. P. 309–324.

471. *Ward A. M.* Caesar and the pirates / A. M. Ward. In: American Journal of Ancient History, vol. 2, 1997. P. 27–36.

472. *Watermann R.* Valetudinarium. Das römische Legionskrankenhaus. Neuss, 1978. S. 128–155.

473. *Wesch-Kline G.* The Economic Situation of veterans. Paul Erdkamp (ed.) / A Companion to the Roman Army. Blackwell Companions to the Ancient World. Oxford: Blackwell Publishing, 2007. Pp. xxvi + 574, incl. P. 444–446.

474. *Wheeler E. L.* A Companion to the Roman Army. Edited by Paul Erdkamp. Hoboken: Blackwheel Publishing Ltd., 2007. (574 p.)

475. *Wheeler E. L.* The Army and the Limes in the East. In: A Companion to the Roman Army. Edited by Paul Erdkamp. Blackwheel Publishing Ltd., 2007.

476. *Whitby M.* Outsiders. Army and Society in the Late Roman World: A Context for Decline? Paul Erdkamp (ed.). In: A Companion to the Roman Army. Blackwell Companions to the Ancient World. Oxford: Blackwell Publishing, Pp. xxvi + 574, incl. 2007. P. 519–521.

477. *Whittow M.* The Making of Byzantium, 600–1025. University of California Press. 1996.

478. *Wilmanns J. C.* Der Sanitätsdienst im Römischen Reich: eine sozialgeschichtliche Studie zum römischen Militärsanitätswesen nebst einer Prosopographie des Sanitätspersonals. (Medizin der Antike; Band 2) Revue des Études Anciennes Année 1997 99–1–2 P. 258.

479. *Woolf G.* 'Roman peace' in J. Rich and G. Shipley, eds. War and society in the Roman world. London and New York: Routledge, 1993. Pp. 171–194.

480. *Yarnley C. J.* Philaretos: Armenian Bandit or Byzantine General. In: Revue des Études Arméniennes, volume 9. Paris, 1972. Pp. 331–353.

481. Young G. K. Rome's Eastern Trade: International commerce and imperial policy, 31 BC–AD 305. London, 2001.

482. Zahran Y. Ghassan Resurrected. London: Stacey International Publishers, 2007.

483. Աղոնց Ե. Վասիլ Հայագն (մեծագործ կայսր 876–886), Պատմական ուսումնասիրություններ, Փարիզ, հրատ. Ա. Ղուկասյան, 1948:

484. Աղոնց Ե. Վասիլ Հայագն (մեծագործ կայսր 876–886), Պատմական ուսումնասիրություններ, Փարիզ, հրատ. Ա. Ղուկասյան, 1948:

485. Դանիելյան Է. Լ. Մարդերի ցեղը Հին Հայաստանում (մ.թ. ա. V–I մ.թ. դդ.) // Երևան, Պատմա-քանասիրական հանդես, № 1, 1976, էջ 203–208:

486. Հայ ժողովրդի պատմություն, հատ. I, Երևան, ՀՍՍՀ Գիտությունների ակադեմիայի հրատարակչություն, 1971:

487. Հայ ժողովրդի պատմություն, հատ. II, Երևան, ՀՍՍՀ Գիտությունների ակադեմիայի հրատարակչություն, 1984:

488. Մանանդյան Հ. Ֆեոդալիզմը հին Հայաստանում, Երկ., հատ. 4, Երևան, ՀՍԽՀ ԼՈՒՍԺՈՂԿՈՄԱՏ: Հրատարակչություն Մելքոնյան ֆոնդի: Երևան 1934:

489. Մանասերյան Թ. Հայաստանը Արտավազդից մինչև Տիգրան Մեծ, Երևան, Արևիկ հրատ., 1997

490. Մարգարյան Ե. Հ. Դրվագներ հին հայոց հոգևոր մշակույթի պատմության, Երևան, ՀԱԳԱ հրատարակչ., 2001 (128 էջ)

491. Մարգարյան Ե. Հ. Դրվագներ հին հայոց հոգևոր մշակույթի պատմության, Երևան, ՀԱԳԱ հրատարակչ., 2001, էջ 44–52:

492. Մարգարյան Ե. Հ. Կոմնագենետի Երվանդականները / - Հայկազունիներ, Եր., ՀԱ ԳԱ «Գիտություն» հրատ., 2013, էջ 502–510

493. Մարգարյան Ե. Հ. Հելլենիստական դարաշրջանի Կոմնագենետի և Ծովքի քաղաքական պատմություն, Մաս երկրորդ: Պատմություն և մշակույթ, Գ, Եր., 2014:

494. Մարգարյան Ե. Հ. Հելլենիստական դարաշրջանի Կոմնագենետի և Ծովքի քաղաքական պատմություն, Պատմություն և մշակույթ, Բ, Հայագիտական հանդես, – Երևան, 2013, էջ 94–109:

495. Մարգարյան Ե. Հ. Հյուսիսային Ասորիքը իբրև հնագույն գերտերությունների առնակատման թատերաբեմ (Ք. ա. XVI դ. – Ք. ա. VI դ.), Միհրականությունը Առաջավոր Ասիայի և Միջերկրածովյան ավազանի քաղաքական եվ կրոնահոգեվոր համակարգում, Սեդմագիր, Է.00.02 «Համաշխարհային պատմություն» մասնագիտությամբ պատմական գիտությունների դոկտորի գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսության, Երևան, 2014, էջ 17–19:

496. Մարգարյան Ե. Հ. Մեծ Հայքի և Կոմնագենետի հոգևոր առնչությունների պատմությունից (արքայական հանգստարան – ὁ τεμένος) // Պատմություն և կրթություն, 2006, էջ 17–24:

497. Մարգարյան Ե. Հ. Միհրականության կերպափոխությունները հելլենիստական դարաշրջանում Կոմնագենետ, Մեծ Հայք, Հռոմ, «ՎԷՄ» համահայկական հանդես Դ (Ժ), թիվ 3(39), հուլիս-սեպտեմբեր, Երևան, 2012, էջ 31–65:

498. Մարգարյան Ե. Հ. Մեծ Հայքի և Կոմնագենետի հոգևոր առնչությունների պատմությունից (արքայական հանգստարան – ὁ τεμένος), Պատմություն և կրթություն, 2006, թիվ 3–4, էջ 17–24:

499. Մարգարյան Ե. Հ. Միհրականության կերպափոխությունները հելլենիստական դարաշրջանում Կոմնագենետ, Մեծ Հայք, Հռոմ, «ՎԷՄ» համահայկական հանդես Դ (Ժ), թիվ 3(39), հուլիս-սեպտեմբեր, Երևան, 2012, էջ 31–65:

500. Մարգարյան Գ. Խ. Անտիոքոս Գ Սելևկյանը և Հայկական պետությունները, Вестник Ереванского университета, 1969, № 1 էջ 41–61:

501. *Մարգարյան Գ. Ի.* Հայ ժողովրդի պատմություն, հատոր Ա, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1971:

502. *Ստեփանյան Ա. Ա.* «Ընտանիք-պետություն» համաձևությունը 5-րդ դարի հայ հասարակական մտքի մեջ. Մովսես Խորենացի // Իրան Նամե, № 6 (1993):

503. *Ստեփանյան Ա. Ա.* Քաղաքակրթական հավասարկշռության հիմնախնդիրը Մեծ Հայքում: Մաս երկրորդ // «Վեմ» համահայկական հանդես, 2010 (№29), էջ 57-60:

504. *Տեր-Ղևոնդյան Ա. Ն.* Արաբական խալիֆայության հյուսիսային փոխարքայությունը = Северное неместничество арабского халифата, Արևելագիտական ժողովածու = Востокведческий сборник, Երևան, ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ, հատոր III, 1967, էջ 162-174:

505. *Տեր-Ղևոնդյան Ա. Ն.* Հայաստանի քաղաքան վիճակը արաբական առաջինարշավանքների ժամանակ, Հայ ժողովրդի պատմություն, հատ. II, Երևան, ՀՍՍՀ Գիտությունների ակադեմիայի հրատարակչություն, 1984, էջ 305-309:

506. *Տիրացյան Գ.* Երվանդունիները Հայաստանում, «Տեղեկագիր ՀՍՍՀ ԳԱ, հաս. գիտ.», 1958, № 6:

ԵՐՎԱՆԴԻ ՀՐԱՆՏԻ ՄԱՐԳԱՐՅԱՆ
ԱՇԽԱՐՀ-ՀԱՄԱԿԱՐԳԵՐԻ ԲԵԿՄԱՆ ԳԾԵՐԻ ՎՐԱ
ԱՌԱՋԱՎՈՐ ԱՍԻԱՅԻ ՇՓՄԱՆ ԳՈՏԻՆԵՐԻ
ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՑ

ՊԱՏՄԱԿԱՆ ԱԿՆԱՐԿՆԵՐ

ԳԻՐԳ Ա

YERVAND H. MARGARYAN

ON THE FRACTURES OF THE WORLD-SYSTEMS FROM
THE HISTORY OF THE NEAR EAST RIMLANDS

HISTORICAL OUTLINE

BOOK I

ЕРВАНД ГРАНТОВИЧ МАРГАРЯН

НА РАЗЛОМАХ МИРОСИСТЕМ ИЗ ИСТОРИИ
КОНТАКТНЫХ ЗОН ПЕРЕДНЕАЗИАТСКОГО РЕГИОНА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

КНИГА I

ՀՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԳԵՄԻԱ
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАН РА
INSTITUTE OF HISTORY OF NAS RA

ՀՀ, 0019, Երևան, Մարշալ Բաղրամյան պող. 24/4
РА, 0019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24/4
24/4, Marshal Baghramyan Ave., 0019, Yerevan
<http://www.academhistory.am>

9H
M-52
A2

ISBN 978-9979-892-33-7

9 789939 892337